

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139
e-ISSN 1816-8590

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2018. № 7(115)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки. Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации статей по экономическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@sziu.ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2018
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Репин Д. А. — доктор социологических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, врио директора Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Омск);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

- Chief Editor: Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council
- Deputy Chief Editor: Repin D. A.** — Doctor of Science (Sociology), Deputy Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg)

EDITORIAL COUNCIL

- Bakhtizin A. R.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPa and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);
- Mezhevich N. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Wolman H.** — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);
- Carmen Perez Gonzalez** — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);
- Felix Vacas Fernandez** — Phd in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

- Akopov S. V.** — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);
- Balashov A. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Bodrunov S. D.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Volkov V. A.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Vulfovich R. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Zaporojan A. Ya.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kazantsev A. A.** — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);
- Karanatova L. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kolesnikov V. N.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Kuklina E. A.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Polyakova T. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Terebnev L. V.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Halin V. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Tsygalov Yu. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Shumilov M. M.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 8 ЯНОВСКИЙ В. В., ИСАЕВ А. П., НЕЩЕРЕТ А. К.**
О реализации проектного подхода в государственном управлении и местном самоуправлении

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 17 КИРИЛЕНКО В. П., АЛЕКСЕЕВ Г. В.**
Современная демократия и политические лидеры
- 32 БАРАНЕЦ С. Н.**
Методологические основания и проблемы исследования политического потенциала местной власти в России: предпосылки и обстоятельства для формулирования базисной теоретической модели (часть вторая)
- 43 КРИВКО М. А.**
Концептуализация понятия «гибридная война» в социально-философских исследованиях
- 49 ПРОШИНА Е. М.**
К вопросу о формировании новой политической науки в современной России

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 56 ШАМАХОВ В. А., КУДРЯШОВ В. С.**
Формирование туристского водного кластера в Санкт-Петербурге: анализ и перспективы развития
- 69 МОИСЕЕВ Р. А., РАЛКОВ А. А., ТИХОМИРОВ Д. В.**
Подходы к определению ставки дисконтирования в проектном финансировании: отечественный и международный опыт
- 82 ЩЕРБАКОВА Н. В., ХАЙКИН М. М.**
Город как объект эколого-экономических исследований: пример российских городов
- 96 КАЗАКОВА М. В.**
Факторы конвергенции и дивергенции в мировой экономике: краткий обзор

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 111 КАВЕЕВ К. А.**
СССР и современные США: две парадигмы тупика общественного развития

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 117 ЩЕРБАКОВ Ю. В.**
Из истории развития конструкторской мысли и взглядов на боевое применение батальонной артиллерии РККА в 1920–1930-е годы

A LINEA

- 127 ВОРОНКОВ С. С.**
Предпосылки формирования стратегии развития рынка продуктов питания в рамках программ импортозамещения и ресурсосбережения (на примере Санкт-Петербурга)

- 139 КОСТИН А. Э.**
Политические особенности современной модели российского государственного корпоративизма: власть и корпоративные структуры
- 146 ПАЛИЙ К. Р.**
Нормативно-правовой механизм разработки и реализации политики по сохранению объектов исторического и культурного наследия Санкт-Петербурга
- 154 ШАКЛЕИН К. И.**
Мониторинг глобальных и национальных потребительских трендов — важный этап стратегирования (на примере отрасли кролиководства)
- 165 МИДОВ А. З.**
Дифференциация регионов России по уровню стратегических конкурентных преимуществ: методологические подходы и стратегический анализ
- 174 ПАВЛОВ В. В.**
Локализация коммуникаций как способ обеспечения информационной безопасности

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 183 ШУЛЬЖЕНКО С. И.**
К вопросу об особенностях реорганизации Федерального государственного унитарного предприятия «Почта России», основах деятельности акционерного общества «Почта России» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Краткий комментарий к Федеральному закону от 29.06.2018 № 171-ФЗ
- 192 ШАМАХОВ В. А.**
«Ku zrodlom teorii strategii [К истокам теории стратегии]
Рецензия на монографию научного руководителя факультета Экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, доктора экономических наук, профессора, иностранного члена РАН Владимира Квинта.

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 8 YANOVSKIY V. V., ISAEV A. P., NESCHERET A. K.**
About the Project Approach Implementation in Public Administration and Local Self-Government

POLICY AND LAWFUL STATE

- 17 KIRILENKO V. P., ALEKSEEV G. V.**
Modern Democracy and Political Leaders
- 32 BARANETS S. N.**
Methodological Foundations and Problems of the Study of Political Capacity of Local Government in Russia: Preconditions and Circumstances for the Formulation of Basic Theoretical Models (Part Two)
- 43 KRIVKO M. A.**
Conceptualization of the Notion of «Hybrid Warfare» in Socio-Philosophical Research
- 49 PROSHINA E. M.**
The Formation of New Political Science in Modern Russia

POWER AND ECONOMY

- 56 SHAMAKHOV V. A., KUDRYASHOV V. S.**
The Formation of the Water Tourism Cluster in Saint-Petersburg: Analysis and Development Prospects
- 69 MOISEEV R. A., RALCOV A. A., TIKHOMIROV D. V.**
Determination of Discount Rate in Project Finance: Russian and International Practice
- 82 SHCHERBAKOVA N. V., KHAIKIN M. M.**
City as an Object of Ecological and Economic Researches: the Example of Russian Cities
- 96 KAZAKOVA M. V.**
Factors of Convergence and Divergence in the Global Economy: A Brief Review

SOCIETY AND REFORMS

- 111 KAVEEV K. A.**
USSR and Contemporary USA: Two Paradigms of the Social Development Deadlock

HISTORY AND CULTURE

- 117 SHCHERBAKOV Yu. V.**
From the History of the Development of Design Ideas and Views on the Combat Use of the Battalion Artillery of the Red Army in the 1920–1930s

A LINEA

- 127 VORONKOV S. S.**
Prerequisites of Formation of Strategy of the Food Market Development within Import Substitution and Resource-saving Programs (on the Example of St. Petersburg)

- 139 KOSTIN A. E.**
Political Characteristics of the Modern Model of the Russian State
Corporatism: Government and Corporate Structures
- 146 PALIY K. R.**
Regulatory and legal mechanism of development and realization of policy to
preserve cultural and historical heritage sites of St. Petersburg
- 154 SHAKLEIN K. I.**
Monitoring of Global and National Consumer Trends — Importance Stage of
Strategizing (Based on Rabbit Industry)
- 165 MIDOV A. Z.**
Differentiation of Russian Regions in Terms of Strategic Competitive
Advantages: Methodological Approaches and Strategic Analysis
- 174 PAVLOV V. V.**
Localisation of Communication Lines as the Way of Providing the Safety of
Information

SCIENTIFIC LIFE

- 183 SHULZHENKO S. I.**
On a Question of Features of the Federal State Unitary Enterprise “Russian
Post” Reorganization, Bases of Activity of Joint Stock Company “Russian
Post” and on Introduction of Amendments in Separate Acts of the Russian
Federation. The Short Comment to the Federal Law of 29 June 2018 N 171-FZ
- 192 SHAMAKHOV V. A.**
Ku zrodnom teorii strategii [On the Origins of Strategic Theory]
Review of the monograph by Vladimir Kvint. Dr. Kvint is the Research
Supervisor at the Faculty of Economics and Finance at the North-West
Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration. He is a Dr. of economics, professor,
and foreign member of RAS

О реализации проектного подхода в государственном управлении и местном самоуправлении

Яновский В. В.^{1, *}, Исаев А. П.¹, Нещерет А. К.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *ianovski@mail.ru

РЕФЕРАТ

Отсутствие в рамках целевых программ (государственных, местных) проектного механизма, задающего конечный продукт, сроки его достижения с использованием установленных рамок бюджетного финансирования, вымывает суть этих программ. Часто они формальны и их выполнение сводится к реализации «мероприятий», целесообразность которых неочевидна. А сложные межведомственные проекты нередко «буксуют» из-за отсутствия должного уровня и качества коммуникаций вследствие отсутствия руководителя проекта со всей полнотой власти при его выполнении.

По-видимому, еще в большей степени актуально внедрение проектного подхода в органах местного самоуправления, где результат работы оценивается не только вышестоящими инстанциями и контролирующими органами, но и жителями территорий. В работе рассмотрены основные особенности применения принципов проектного управления в исполнительных органах государственной власти и управления, требуемые компетенции руководителя проектного офиса, ключевые роли и функции при внедрении проектного подхода.

Выполненный авторами анализ во многом пионерной практики Ленинградской области позволил выявить основные проблемы внедрения проектного управления и пути их преодоления для субъектов РФ, необходимые персональные и управленческие компетенции кадров, занимающихся проектным управлением. Оптимизировать сроки решения проектных задач позволит, как показано, внедрение разработанной в едином федеральном центре масштабной цифровой технологической трансформации для современных сервисов.

Ключевые слова: проектный подход, система, стратегия, компетенции, исполнительные органы государственной власти

About the Project Approach Implementation in Public Administration and Local Self-Government

Yanovskiy V. V.^{a, *}, Isaev A. P.^a, Nescheret A. K.^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; ianovski@mail.ru

ABSTRACT

The absence within the framework of targeted programs (state, local) of a project mechanism defining the final product, the timing of its achievement using the established framework of budget financing, washes out the essence of these programs. Often they are formal and their implementation is reduced to the implementation of "measures", the feasibility of which is not obvious. And complex interdepartmental projects often "slip" due to the lack of proper level and quality of communications in its implementation by reason the project manager privation with parts of authority.

Apparently, the implementation of the project approach in local government bodies is even more relevant, where the result of the work is assessed not only by higher authorities and controlling bodies but also by real inhabitants. Our paper considers the main features of applying the project management principles in the executive bodies of public management and

the required competencies of the project office head, key roles and functions office employees when implementing the project approach.

The analysis carried out by the authors in many respects of the pioneering practice of the Leningrad Region made it possible to identify the main problems of the project management implementation and ways of overcoming them for the subjects of the Russian Federation, the necessary personal and managerial competencies of personnel involved in project management. The implementation of a large-scale digital technological transformation developed in a single federal center for modern services will allow optimizing the timing of the project task solutions, as was shown

Keywords: project approach, system, strategy, competence, executive bodies of state power

---

Введение

Мировой опыт показывает, что исполнительные органы государственной власти и управления (ИОГВ), не имеющие конкурентов в сфере своей деятельности, часто относятся к изменениям в действующих механизмах управления, внедрению новых с большой долей скепсиса, часто просто с недоверием. Между тем в современной российской экономике не обойтись без повышения эффективности деятельности органов государственной власти и управления в процессе достижения целей с минимизацией затрат ресурсов в установленное время. Актуальность внедрения проектного подхода для сферы государственного управления заложена в базовых целях его внедрения:

- достижение запланированных результатов в более короткие сроки;
- более эффективное использование ресурсов бюджетов всех уровней;
- рациональность и обоснованность принятия решений;
- повышение качества коммуникаций между ведомствами и их структурными подразделениями, ИОГВ с бизнес-структурами (Government Relations) на всех уровнях государственной власти;
- снижение уровня коррупции в стране.

Существуют известные особенности проектного подхода, присущие ИОГВ, в отличие от бизнес-структур: ограниченность финансового ресурса бюджетными рамками; подотчетность органам власти более высокого уровня; публичная отчетность, жесткий ведомственный исполнительский контроль, общественный контроль; ограниченное правовое поле деятельности, особенно в сфере конкурсных процедур; направленность, прежде всего, на социальный эффект.

Применение нового, более современного вида управленческой деятельности, организация Проектных офисов в регионах¹ способны дать заметный экономический эффект в виде улучшения качества и оперативности работ, повышения инвестиционной привлекательности государства в целом и его регионов, создания рабочих мест, роста ВВП.

Другой положительной стороной внедрения проектного подхода в ИОГВ является повышение действенности и открытости органов государственной власти и управления, формирование благоприятной хозяйственно-административной среды, рост числа интеллектуальных инвестиций, в том числе глобальных — в лицензии, научно-технические разработки, в подготовку специалистов [3]. В частности, за счет снижения административных барьеров для малого и среднего бизнеса и повышения уровня инвестиционной привлекательности территории.

---

¹ Поручение Президента Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № Пр-13661 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/50024> (дата обращения: 18.02.2018).

1. Особенности применения принципов проектного управления в исполнительных государственных органах власти и управления

Государственной программой является документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития¹. В сфере проектного управления на федеральном уровне в настоящий момент принят ряд документов:

- Постановление Правительства Российской Федерации от 15 октября 2016 г. № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»;
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 октября 2016 г. № 2165-р (утверждает План первоочередных мероприятий по организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации на 2016 и 2017 гг.);
- Распоряжение Минэкономразвития России от 14 апреля 2014 г. № 26Р-АУ «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти»;
- Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 54869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом»;
- Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 54870-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов».

Согласно постановлению № 1050 проект — комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на достижение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений, а программа — комплекс взаимосвязанных проектов и мероприятий, объединенных общей целью и координируемых совместно в целях повышения общей результативности и управляемости. Как видно, определение государственной программы в № 172-ФЗ и определение проекта в постановлении Правительства РФ № 1050 схожи по своей сути, что подтверждает основную идею проектного управления применительно к государственному сектору: проект есть продукт декомпозиции мероприятий программ, а программа есть набор проектов. Фактически начат переход к эффективному менеджменту на оперативном и операционном уровне управления с целью более результативной, продуманной и рациональной реализации государственных программ.

Внедрение проектного подхода (проектного менеджмента) в органах власти по всей стране само по себе является крупномасштабным проектом. Исходя из анализа методических рекомендаций АСИ², его реализацию можно разделить на этапы: организационный (формирование системы, распределение функций); методологический (разработка положений, регламентов и другой документации); технологический (создание общей для всех ОИВ информационной системы); обучающий (оценка и утверждение компетенций, обучение специалистов).

Все проекты в органах власти (государственной или муниципальной) подразделяются на три вида.

¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70684666/> (дата обращения: 19.02.2018).

² Методические рекомендации по применению проектного управления при решении задач улучшения инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, разработанные автономной некоммерческой организацией «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» [Электронный ресурс]. URL: http://asi.ru/upload/iblock/238/MethodicheskieRecomendazii_all.pdf. (дата обращения: 19.02.2018).

1. Приоритетные (ключевые инициативы, контролируемые лично руководителем органа).
2. Внутренние (реализуются подразделениями ИОГВ).
3. Внешние (внедряются внешними организациями под контролем органа власти).

Сегодня остается серьезной проблемой недостаточный уровень эффективности деятельности ИОГВ. Множество согласований и колоссальный объем документооборота направлены не столько на созидательный процесс реализации конкретного проекта и достижение результата, как на взаимное снятие разногласий — государственные и муниципальные служащие вовлечены в выполнение потока поручений и заданий, и у них просто нет возможности для стратегического взгляда на результаты работы.

В государственной сфере управления для повышения эффективности управления проектной деятельностью необходимо отличать процесс от проекта. Например, если отсутствует опыт проведения тендеров, то организация конкурсных торгов на поставку товаров или оказание услуг — проект. А проект состоит из взаимосвязанных и последовательных процессов.

Проекты, которые дублируют текущую, оперативную деятельность, формируют дополнительную нагрузку, дублирование функций, рост отчетности¹. Именно потому для государственных органов власти и управления, в чью сферу деятельности входит множество функций, целей и задач, важно определять границу между проектной и процессной деятельностью [1].

При внедрении проектного управления применяются Национальные стандарты ГОСТ Р 54869-71-2011, а также специализированные инструменты для планирования — компьютерные программы MS Project, SpiderProject, Primavera и другие. Чтобы организовать работу на разных уровнях, в ОИВ федеральных и регионов создаются проектные офисы (базовые, управленческие или стратегические)². В большинстве реализуемых проектов существует значительная региональная составляющая, и для успешной реализации задач требуется хорошая работа региональных проектных офисов и действующая система управления проектами, которая соответствовала бы решаемым вопросам. В проектные офисы включаются взаимодействующие между собой кураторы от команд заказчика и исполнителя и, соответственно, отраслевые и проектные менеджеры.

Офисы выполняют следующие функции: участвуют в формировании целей и индикаторов выполнения замысла; готовят документацию и календарный план; обеспечивают руководство портфелями проектов, координируют усилия разных исполнителей, разрешают проблемные вопросы; выявляют и оценивают риски, оперативно реагируют на них; контролируют выполнение процессов на всех этапах и соответствие их стандартам; обеспечивают контрактную деятельность, принимают результаты деятельности; отвечают за документооборот и подготовку отчетности.

В качестве яркого примера рассмотрим переход на проектное управление в Правительстве Ленинградской области, который был фактически пионерным для субъектов РФ. Он был начат в 2015 г., спустя год организован центральный проектный офис, выбрана оптимальная концепция проектной логики, началась реализация первых проектов. В Ленинградской области (ЛО) в деятельности ОИГВ к проектным направлениям относятся проекты, обеспечивающие реализацию стратегии социаль-

¹ Изменение культуры управления государством — главная цель проектного управления. Сайт Открытого правительства [Электронный ресурс]. URL: http://open.gov.ru/events/5516583/?sphrase_id=263211 (дата обращения: 18.02.2018).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 октября 2016 г. № 2165-р (утверждает План первоочередных мероприятий по организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации на 2016 и 2017 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://rulaws.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-15.10.2016-N-2165-r/> (дата обращения: 19.02.2018).

но-экономического развития, проекты, входящие в перечень приоритетных федеральных направлений, проекты по улучшению инвестиционного климата¹.

Система проектного управления в ОИГВ ЛО представлена ключевыми ролями.

1. Заказчик проекта — формулирует требования к результатам проекта и использует полученные результаты проекта.
2. Куратор проекта (заместители Председателя Правительства ЛО, председатели комитетов) — осуществляет управленческий надзор, обеспечивает проект ресурсами, решает вопросы за пределами компетенции руководителя проекта по его представлению.
3. Руководители проектов (должностное лицо ОИВ ЛО) в функциональных подразделениях — осуществляют операционное управление проектом и несут ответственность за достижение поставленных целей и результатов проекта.
4. Координатор проекта. Отвечает за соответствие проекта проектной логике и разработанной методологии проектного управления.

Проектный офис осуществляет: методологическое сопровождение реализуемых проектов, координацию проектной деятельности, контроль за реализацией проектов, координацию обучения членов команд проектов, внедрение, поддержку и развитие ИСУП. Проект по внедрению системы проектного управления в Правительстве Ленобласти успешно завершен. Отчет по 2-му этапу проекта (1-й этап был завершен в мае 2017 г.) официально утвержден 5 февраля 2018 г. Внедрены все основные элементы:

- разработаны и утверждены все регламенты по проектной деятельности;
- сформирован и реализуется портфель из 54 проектов (10 проектов уже успешно реализованы);
- сформирована оргштатная структура в виде департамента;
- запущена в пилотном режиме информационная система по управлению проектами (ИСУП);
- разработана и утверждена система мотивации за проекты и уже выплачены первые премии за успешную реализацию проектов;
- в постоянном режиме идет развитие проектной культуры (обучение и сертификация сотрудников — обучены уже сотни сотрудников);
- определен победитель конкурса «Проектный Олимп 2017» в специальной номинации АСИ, посвященной эффективности работы региональных управленческих команд по улучшению инвестиционного климата.

Занято 1-е место в основной номинации АСИ «Системы управления проектной деятельностью» — сертификат, подтверждающий, что система управления проектной деятельностью соответствует российским и международным стандартам по модели ISO-PM. Система проектов Ленинградской области связана с достижением стратегических целей развития области до 2030 г. при планировании «сверху вниз».

2. Внедрение принципов проектного управления: проблемы и направления их преодоления

Активная работа по внедрению проектного управления в органах госвласти началась с выхода Постановления Правительства РФ от 15 октября 2016 г. № 1050². И сра-

¹ Правительство Ленинградской области. Постановление от 16 мая 2017 г. № 164 «Об организации проектной деятельности в органах исполнительной власти Ленинградской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/441810506> (дата обращения: 19.02.2018).

² Постановление Правительства РФ от 15 октября 2016 г. № 1050 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/Tw3T8ZAAoctXgwOxAY15z72sYiL1aVTs.pdf> (дата обращения: 19.02.2018).

зу возник вопрос о необходимости взаимосвязи приоритетных проектов и государственных программ. Госпрограммы теперь делятся на две части: проектную и процессную, которая, в свою очередь, состоит из ведомственных целевых программ. И если на федеральном уровне проекты только начали интегрировать в госпрограммы, 27 субъектов РФ либо включают проекты в госпрограммы в качестве структурных элементов (подпрограммы, основные мероприятия, мероприятия), либо аналитически указывают, что соответствующие проекты реализуются и финансируются в рамках госпрограмм [2].

Постановлением № 1242 уточнены требования к целям госпрограммы (теперь их будет не более пяти, все они будут конкретными и позволят сфокусироваться на их достижении)¹. Введено требование о необходимости ранжирования проектов и ведомственных целевых программ, в результате чего будут выбраны действительно эффективные инструменты реализации, и иные требования, направленные на повышение гибкости управления госпрограммами. К сожалению, положения данного постановления в полной мере не решают ряд существенных вопросов, например, внедрения упрощенного порядка согласования пилотных программ, увязки региональных госпрограмм с федеральными, расширения полномочий ответственных исполнителей и т. д. Решение данных вопросов прорабатывается на федеральном уровне. В противном случае может возникнуть риск, что и новый формат госпрограмм приведет к формальному документу, который федеральные органы исполнительной власти должны будут сделать лишь «для галочки» и возвращаться к нему при необходимости формирования такого же формального отчета.

Сложности при введении в деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления принципов проектного менеджмента возникают чаще всего по причине недостаточной гибкости и бюрократической зарегулированности государственных структур «незыблемыми регламентами», отсутствия должным образом подготовленных специалистов и сопротивления любым изменениям со стороны части работников на всех уровнях. Обозначим конкретнее существующие проблемы:

- бюрократия и ориентированность на соблюдение всех необходимых формальных процессов, а не на достижение конечного результата;
- непонимание и нежелание изменений, иницилируемых применением проектного управления;
- неумение прогнозировать и работать на упреждение, проблемы начинают решаться только после их возникновения;
- концентрация полномочий, приводящая к преимущественно авторитарному стилю руководства, что подавляет инициативу сотрудников;
- недостаточная компетенция персонала для работы по замыслам и их отрицательная мотивация (дополнительная нагрузка часто без материального стимулирования).

Чтобы преодолеть инерцию управленцев старой формации и модернизировать структуры госсектора и местного самоуправления, необходимо особое внимание уделить следующим направлениям деятельности:

- 1) постоянное обучение сотрудников, как руководящего, так и рядового звена в направлении повышения конкретных компетенций для решения определенных профессиональных задач;
- 2) сертифицировать персонал по современным управленческим стандартам;

¹ Постановление Правительства РФ от 12 октября 2017 г. № 124 «О применении механизма проектного управления при формировании и реализации отдельных государственных программ» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/4Ue0BsRwAAhG1zB00h9k3NhxuANaUiXA.pdf> (дата обращения: 19.02.2018).

- 3) повысить мотивацию работников (материальную и моральную) по результатам личной эффективности и общей успешности начинания, организовать обратную связь исполнителей с менеджерами;
- 4) при внедрении принципов проектного управления в организации продвигаться от осуществления простых инициатив к сложным многокомпонентным начинаниям;
- 5) результаты каждого этапа фиксировать, определять его недостатки и выгоды, вносить необходимые изменения в паспорт и снова фиксировать;
- 6) поддерживать целостность инициативы по всем направлениям работ (от инициации до приемки и заключительного отчета).

Чтобы не допустить срыва сроков и некачественного выполнения работ, целесообразно в первое время привлекать к управлению государственными инициативами опытных менеджеров с опытом успешной реализации проектов на условиях аутсорсинга. А для приобретения навыков в команду включать специалистов ИОГВ. Начинать лучше всего с внедрения пилотных проектов с последующим анализом результатов и распространением полученного опыта на другие проекты.

3. Кадры и компетенции для проектного подхода

Чтобы наиболее эффективно и безболезненно внедрить новые управленческие технологии, обеспечить синхронизацию различных инструментов, координацию и гармонизацию нормативно-правового регулирования, необходимы квалифицированные кадры. Для обучения управленческих команд региональных проектных офисов необходимо обучение формальным и коммуникационным навыкам. Первое легко оценить и оттестировать, эффективность второго направления покажет практика. Важную роль в работе с кадрами играет мотивация, при этом мотивация — не всегда деньги, большое значение имеет аттестация, присвоение соответствующей квалификационной степени.

В соответствии с постановлением Правительства № 1050 с 2017 г. проводится оценка квалификации в сфере проектного управления сотрудников ИОГВ — ответственных исполнителей и соисполнителей приоритетных проектов и программ. В частности, все государственные гражданские служащие и сотрудники институтов развития, которые претендуют на участие в реализации приоритетных проектов и программ в качестве старших должностных лиц, руководителей, администраторов проектов и программ и руководителей рабочих органов проектов и программ, должны подтвердить соответствие требованиям к уровню квалификации в сфере проектного управления.

Оценку квалификации проводит Центр проектного менеджмента РАНХиГС, г. Москва. В рамках оценки квалификации участники проектной деятельности подтверждают уровень владения методологией проектного управления и соответствующие персональные и управленческие компетенции, включая стратегическое мышление, лидерство, принятие управленческих решений, командное взаимодействие, гибкость и готовность к изменениям, персональную эффективность. Управление компетенциями участников проектной деятельности осуществляется для формирования у персонала необходимых навыков и знаний, а также для развития проектной культуры в организации.

Заключение

Главная цель проектного управления — радикальное изменение культуры управления государством. По оценке Агентства стратегических инициатив (АСИ) в 2016 г. проектные офисы созданы в 74 субъектах РФ. Одна из острых нерешенных проблем

при внедрении проектного подхода в государственном управлении — это необходимость установления степени ответственности за неисполнение проектов. Необходимо также нормативное закрепление возможности корректировки целей, задач и, при необходимости, тактики проекта при подключении к нему новых партнеров.

Анализ практики внедрения проектного управления в исполнительных органах государственной власти позволил выделить основные проблемы.

1. Отсутствие унификации проектных документов и нормативно заданных распределений полномочий между проектными офисами и субъектами государственного и муниципального управления, дублирование выполняемых задач и функций.
2. Наличие бюрократического мышления управленческих кадров, направленного на исполнение поручений, необходимость формирования нового мышления управленческих кадров, связанного с достижением конкретного измеримого результата в установленные сроки, заинтересованностью в изменениях, инновационных методах управления.
3. Недостаточное для страны количество специалистов, обладающих компетенциями в области проектного управления.
4. Отсутствие связи во многих проектах между стратегированием и проектной деятельностью. Рассматриваемые проекты часто не направлены напрямую на задачи социально-экономического развития.
5. Отсутствие базы данных (знаний) лучших практик проектного управления в ИОГВ.

Оптимизировать сроки решения проектных задач и повысить эффективность коммуникаций участников проекта, мы считаем, позволит повсеместное внедрение в процесс становления проектного подхода разработанной в едином федеральном центре государственного управления масштабной цифровой технологической трансформации для современных электронных сервисов. Главные цели цифровой трансформации — повышение скорости принятия решений, увеличение вариативности процессов в зависимости от потребностей и особенностей клиента, снижение количества вовлеченных в процесс участников.

В проектном управлении важна коммуникация, взаимодействие людей и полноценная работа в реальных проектных командах, что дает максимальный эффект с точки зрения развития навыков и необходимых поведенческих практик. Не уменьшая роль обучения как такового, мы подчеркиваем важность предложения Минэкономразвития России — найти оптимальный баланс между посещением образовательных курсов и on-job обучением в рамках вовлечения в приоритетные и ведомственные проекты.

Обозначим серьезную проблему, которую нужно решать безотлагательно на федеральном уровне. Высокие темпы внедрения проектного подхода в государственном управлении на всех уровнях формируют все больше потребностей в квалифицированном человеке, который лично отвечает за проектную деятельность. Такой человек — руководитель проектного офиса. Поскольку это новая для многих роль, ей никто не учит. Именно руководитель проектного офиса выстраивает проектный подход в государственном управлении, обеспечивает контроль за проектами, обеспечивает эффективность коммуникаций всех участников проектной деятельности, обеспечивает проекты ресурсами, решает проектные проблемы и др. А самое главное — приводит проекты к успешному завершению.

В заключение отметим, что для успеха руководителю проектного офиса нужно обладать, по нашему мнению, набором компетенций и навыков в таких основных предметных областях, как: управление проектами и программами, стратегирование, системный анализ бизнес-процессов, кризис-менеджмент, ведение деловых переговоров, эффективные GR-коммуникации, аналитическая работа с использованием больших объемов данных, конфликт-менеджмент.

Литература

1. *Васильев А. И., Прокофьев С. Е.* Организация проектного управления в органах государственной власти // Управленческие науки. 2016. № 4. С. 44–52.
2. *Горова Т. В.* Интеграция проектов в госпрограммы: обзор регионального опыта // Электронный журнал «Бюджет.Ру» 27.12.2017, URL: http://bujet.ru/article/334273.php?sphrase_id=
3. *Яновский В. В.* Организационно-экономический механизм управления инновационной активностью в регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 16 (109). С. 34–42.

Об авторах

Яновский Валерий Витальевич, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; ianovski@mail.ru

Исаев Алексей Петрович, декан факультета экономики и финансов, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; isaev-ap@sziu.ranepa.ru

Нещерет Александр Карлович, заведующий кафедрой менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, профессор; neshcheret-ak@sziu.ranepa.ru

References

1. Vasiliev A. I., Prokofiev S. E. Organization of project management in public authorities // Administrative Sciences [Upravlencheskie nauki]. 2016. N 4. P. 44–52 (In rus)
2. Gorovaya T. V. Integration of projects into state programs: review of regional experience // Electronic journal «Budget.Ru» 27.12.2017. URL: http://bujet.ru/article/334273.php?sphrase_id=4839092 (In rus)
3. Yanovskiy V. V. Organizational-economic mechanism of innovation activity management in the region // Regional economy: theory and practice [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2009. N 16 (109). P. 34–42. (In rus)

About the author:

Valery V. Yanovskiy, Professor of the Chair of Management of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Sciences (Economy); ianovski@mail.ru

Alexey P. Isaev, Dean of Faculty of Economy and Finance, Professor of the Chair of Management of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); isaev-ap@sziu.ranepa.ru

Alexandr K. Neshchet, Head of the Chair of Management of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Professor; neshcheret-ak@sziu.ranepa.ru

Современная демократия и политические лидеры

Кириленко В. П.^{1*}, Алексеев Г. В.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *v.vvaas@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Предметом представленного исследования стала трансформация образов политических лидеров глобального сетевого общества в условиях современной демократии. В статье обобщаются научные работы, основанные на привнесении в политическую науку аналогий из квантовой физики. Основной целью таких аналогий является совершенствование качества научного анализа политических процессов и составления политических прогнозов. Термин «квантовая демократия» возникает в условиях кризиса представительной демократии, отражая высокую степень элитарности политической реальности и социальные разрывы между отдельными индивидами и группами влияния. Глобализация разрушает традиционные социально-политические институты быстрее, чем успевают создаваться новые властные структуры, отвечающие за эффективность политических решений в конкретных странах. Демократические институты трансформируются в соответствии глобальными тенденциями, порождая новый тип экономически обоснованного позиционного господства, совершенствуя «власть номинации» в современном мире. Политические лидеры в условиях квантовой демократии сохранили способность притворять свои решения в жизнь в той степени, в какой эти решения соответствуют состоянию национальной политики. Ограничение власти политических лидеров закономерностями квантовых процессов поставило легитимность в зависимость от тех идеологических позиций, которые объективно сложились как полюса политического спектра.

Ключевые слова: лидерство, демократия, квантовая политика, декогеренция, глобализация, мондиализация, политические волны, позиционная легитимация

Modern Democracy and Political Leaders

Kirilenko V. P.^{a*}, Alekseev G. V.^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *v.vvaas@yandex.ru

ABSTRACT

The subject of the presented research is the transformation of political leader's authority inside the global network society in modern democracy. Scientific works and studies based on introduction of some analogies from quantum physics into political science are overviewed in the article. The main purpose of such analogies is to improve the quality of political processes analysis and policy predictions. The term "quantum democracy" is used by the authors in relation to the crisis of democracy, noting the high degree of elitism of modern politics. The waves of globalization are destroying traditional social and political institutions faster than new power structures responsible for an effective policy decisions formed in specific countries. Democratic leadership develops in accordance with global trends, creating a new type of economically legitimate positional dominance, developing "legitimate naming" in the modern world. Political leaders under modern democracy retained the ability to bring their decisions in life to the extent that these decisions meet the condition of the national political field. Limitation of the political leader's authority by the laws of quantum processes put legitimacy depending on those positions that are poles of the political spectrum.

Keywords: leadership, democracy, quantum politics, decoherence, globalization, mondialisation, political waves, positional legitimation

В середине XX в. в статье «Ценность науки» лауреат Нобелевской премии по физике Ричард Фейнман (Richard Phillips Feynman), говоря о поиске оптимальных научных решений, которые «управляли людьми, создавшими демократию», утверждал, что поскольку «никто толком не знал, как руководить правительством», демократия стала той системой, «при которой новые идеи могут быть разработаны, апробированы и при необходимости отброшены с принесением более новых идей — это метод проб и ошибок» [36, с. 15]. Такой подход к демократии как пространству для социального эксперимента открывает перспективы для устойчивого развития, с одной стороны, а с другой — создает определенные угрозы, связанные с неизбежными неудачными опытами. Политические лидеры, определяя основные направления социальной политики, стоят в центре демократической системы, которая производит модернизацию и аберрации с определенной долей вероятности.

Новые информационные и медийные технологии трансформировали общественные отношения, создав условия открытых границ и либеральной информационной политики. Резкие изменения социального уклада в последней четверти XX в. оказались вызовом для политического класса развитых государств. «Третья волна» американского футуролога Элвина Тоффлера (Alvin Toffler) характеризовалась тем, что наверху политической системы «Президент чувствует себя так, как будто он кричит в телефонную трубку, а на другом конце никого нет» [63, с. 396], это при том, что внизу сложился «комплекс миссии — иллюзия, что мы можем каким-то образом спастись, изменив мужчину (или женщину) наверху» [63, с. 400]. Социальный запрос на эффективное лидерство нарастал по мере того, как снижались возможности конкретных личностей и институтов оказывать влияние на политическую ситуацию.

Теория социально-политической науки претерпела существенные изменения с тех пор, как в 1991 г. американский политолог, профессор Обернского университета¹ Теодор Беккер (Theodore L. Becker) опубликовал монографию «Квантовая политика: применение квантовой теории к политическим феноменам» [23]. Сформулированная Т. Беккером теория о том, что в основе Конституции США лежит физическая модель Ньютона, в то время как социальная реальность развивается по законам квантовой механики, породила к жизни ряд весьма интересных научных работ, посвященных применению квантовой теории в социально-политической науке [20; 21; 39; 44; 62].

В то же время «Квантовая политика» Т. Беккера осталась в тени знаковой работы другого известного американского политолога Сэмюэля Хантингтона (Samuel Phillips Huntington) «Третья волна. Демократизация в конце XX века» [41]. «Третья волна», написанная Хантингтоном накануне распада СССР, фактически предвосхитила глобальную демократизацию. Эта монография обычно рассматривается в контексте процессов «перехода от тоталитаризма и авторитаризма к демократии» [2, с. 59]. При этом за рамками научных изысканий нередко оказывается ряд важных особенностей процессов демократизации, отраженных в работах С. Хантингтона. Во-первых, квантовая природа политических процессов нашла свое отражение в волновом характере движения к демократии. Во-вторых, резко изменению политического режима от тоталитаризма к демократии демонстрирует высокую поляризацию социально-политических взглядов при переходе к демократии. В-третьих, сформировавшееся состояние, при котором «общество избирает своих политических лидеров демократическими методами, но эти лидеры не пользуются реальной властью» [41, с. 10], объясняет политическую природу современного лоббизма и олигархов, а также демонстрирует эффект запутанности политических интересов бизнеса и политического класса [35] в условиях режима квантовой демократии.

Глобальная демократизация. Известный американский журналист Уолтер Липпман (Walter Lippmann) утверждал, что «проявление воли народа всегда тре-

¹ Auburn University — государственный университет в г. Оберн, Алабама, США.

бовало объяснения», и особо подчеркивал тот факт, что «механизм создания нечистой силы тождествен механизму создания героя. Если все благо исходило от Жоффра, Фоша, Вильсона или Рузвельта, то все зло — от кайзера Вильгельма, Ленина и Троцкого» [48, с. 10]. В условиях представительной демократии «Социальные Движения, Экономические Силы, Национальные Интересы, Общественные Мнения предстают как персонажи, а личности, подобные Папе Римскому, президенту, Ленину, Моргану, Кингу, становятся идеями или институтами». [48, с. 160] Политическое лидерство уже в начале XX в. носит глобальный характер и формируется средствами массовой информации, в дальнейшем процессе глобализации политические лидеры все больше нуждались в глобальном авторитете, признании их легитимности не только внутри страны, но и за рубежом.

Глобализация (во французской социально-политической науке мондиализация), вышедшая в результате внедрения сетевых информационных технологий на новый уровень, отличается значительной дихотомией (двойственностью). Если термин «глобализация» стал в последнее время отражать совершенно определенную идеологию, которая воспринимается в контексте доктрины открытого общества, сформулированной в работах «ястребов глобализации»¹, таких как Жак Аттали (Jacques Attali) [22], Джорж Сорос (George Soros) [57; 58; 59] и Карл Поппер (Karl Raimund Popper) [53], то мондиализация, например в работах французского политолога Филиппа Моро Дэфаржа (Philippe Moreau Defarges) и широкого круга французских ученых [29; 33; 47], предстает перед нами как объективный процесс социально-политической жизни, обусловленный глобальной конкуренцией товаров, идей и начинаний, политических лидеров на мировой арене. Глобализация придавала актуальность в универсальном масштабе демократическим электоральным процедурам в государствах — лидерах мирового сообщества, и в результате вывела проблему национальных политических лидеров на международный уровень.

В то время как опасность идеологии глобализации — очевидна, а мондиализация — неизбежна, социальный институт лидерства будет все более трансформироваться в рамках национального социально-культурного поля и все больше оказывать влияние на мировую политику. По мнению Ж. Аттали, в эпоху глобализации «богатые, процветающие зоны будут беспечно соседствовать с обширными нищими регионами» [22, с. 87], «новая кочевая элита уже формируется, уже разрывает свои связи с родными местами — своим народом, своими ближними» [22, с. 88], «в конце такой культурной мутации и сам человек превратится в кочевой предмет» [22, р. 110], подверженный «культу индустриального каннибализма» [22, р. 113]. Очевидно, что в результате такой глобализации национальные лидеры будут жить в процветающих зонах в условиях неизбежного отрыва от нужд и интересов той страны, которой они руководят.

При такой перспективе нет ничего удивительного, что радикальный «глобализм натолкнулся на активные формы этнического и национального противостояния общему потоку истории» [3; с. 445]. Лидеры — «кочевые предметы» [22, с. 110] представляют высокую степень общественной опасности, ввиду того, что их образ жизни и отношение к остальным людям, как к предметам, провоцируют социальные разрывы и резкую поляризацию политического поля. «Кочевые предметы», подверженные старению и моральной деградации, будут вызывать все больше социального недоумения. Новым лидерам совсем не очевидно то, о чем пишет профессор П. С. Гуревич, полагая, «что картина мира, представленная в квантовой физике, настоятельно требует перестройки всей общественной жизни человечества» [3; с. 445]. Профессор

¹ Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Российская газета. Федеральный выпуск № 5325 (246). 29.10.2010.

О.В. Гаман-Голутвина обоснованно полагает, что «стратегическая бессубъектность стала следствием целого ряда причин, среди которых следует упомянуть... приватизацию государственных институтов кланово-корпоративными структурами» [14, с. 285]. Доминирование финансового капитала и рыночных отношений в современной политике, оправданное американским политологом Робертом Аланом Далем (Robert Alan Dahl) [31], порождает сопротивление, по авторитетному мнению, известного французского социолога Пьера Бурдьё (Pierre Bourdieu) [27].

Профессор политологии Университета Боккони (L'Università Commerciale Luigi Bocconi — Милан, Италия) Фабрицио Пеззани (Fabrizio Pezzani) пишет, что «„Неопровержимая истина“ неолитерализма создала бедность, неравенство, моральную деградацию, безработицу, распад общества и семьи, оголтелый индивидуализм, который нормализует коррупцию и неправомерные действия, но не ставит при этом под сомнение доминирующие интересы (элит. — В.К., Г.А.), и эти глобальные несчастья представляет как просто «сопутствующий ущерб»» [52, с. 225]. В этих условиях Италия сегодня переживает «драматический кризис идентичности, находясь между внешним доминированием, которое, как представляется, управляет процессами принятия решений, нарушает ее суверенитет, и фантомной политикой без осмысления, творчества и авторитета» [52, с. 225].

Демократическое лидерство. На фоне итальянских проблем интересная монография Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества» [12] повествует о том, как дефицит лидерства в обществе порождает разнообразные девиации в поведении представителей политического класса. Очевидно, что переход от представительной демократии к реалиям квантовой политики способен усугубить социальную травму, которая и без того остро сказывается на социально-политическом процессе в российском обществе [13]. В порядке дискуссии отметим, что существует вероятность того, что значительная часть проблем российского общества является не столько результатом травмирующего воздействия политических преобразований на национальном уровне, сколько отражает общемировые тренды и проблемы политики.

Метафоры, такие как «фантомы», «кентавры», «бесы», стали применяться Ж.Т. Тощенко по отношению к лидерам политического класса в силу того, что их трудно называть по-другому. Причины лидерства многих одиозных личностей справедливо видятся автору, в частности, в том, что «развитие российского общества характеризуется половинчатой и непоследовательной реставрацией части социалистических традиций и норм жизни, сочетающейся с модификацией, но не отказом от принципов рыночного либерализма и попытками сочетать путь, по которому идет „европейская цивилизация“, но с учетом особой евразийской ориентации» [12, с. 50].

Кризис представительной демократии был очевиден в последней четверти двадцатого века и ознаменован во многом знаковым понятием «полиархия» [30]. Экономическая демократия Р.А. Даля предполагает использование финансовых институтов в предотвращении того, что он называет «тиранией большинства через закон» [31, с. 13]. Профессор И. Шапиро обосновывал на страницах журнала «Полис» «целесообразность инкрементального подхода» к демократии «ввиду недостаточности имеющихся знаний о приспособляемости политизированных идентичностей к требованиям конкурентной демократии» [16, с. 27]. Профессор Сиднейского университета Джон Кин (John Keane) в своей монографии «Жизнь и смерть демократии» выдвинул гипотезу о том, что на смену представительной демократии пришла демократия «мониторная» (monitory democracy) [45, р. 27–29]. Немецкий профессор Михаэль Штолльайс (Michael Stolleis) писал о той же форме господства через объектив видеокамеры в своей книге «Око закона». [9; 60] Научная дискуссия по проблемам демократии ведется вокруг представительства «нечеловеческих» (nonhuman) субъектов в рамках политического процесса в сетевом обществе [61].

Рассуждая о «квантовой демократии», Д. Кин отмечает длительность процессов изменения политического уклада и накапливающиеся изменения в организации демократического режима [46].

Представления о том, что лидеры и демократические институты существуют в рамках границ политического поля, отражают постепенное движение политической мысли в направлении реалий квантовой демократии. Вектор этого движения был в значительной степени предопределен в работах Пьера Бурдьё [25; 26]. Предложенная П. Бурдьё структура политического поля определяет выработку политических позиций субъектами политических процессов и понимается как место конкурентной борьбы за власть, где «в символической борьбе за производство здравого смысла или, точнее, за монополию легитимной номинации... агенты используют символический капитал, приобретенный ими в предшествующей борьбе, и, собственно, любую власть, которой они располагают» [26, с. 731–732].

Волны модернизации глобальной демократии. Тенденции развития поля глобальной политики достаточно точно уловил американский политолог Дэвид Петтиниккьо (David Pettinicchio) в своей статье «Элиты, политика и социальные движения» [51, с. 170]. Контуры государственной политики определяются в рамках того политического поля, что «формируется в результате координации, взаимодействия (иногда неохотного) и коалиции, которые выстраиваются стратегическими акторами, стремящимися сформировать политическую повестку». Политические лидеры во многом контролируются их «антрепренерами», которые, являясь частью политической элиты вместе с активистами общественных движений, «формируют стратегическое поле действий» [51, с. 177]. Политические решения при этом вырабатываются в рамках поля национальной политики и нацелены на достижение тех прогрессивных целей, которые продиктованы заранее сконструированной элитами повесткой дня.

Российские ученые В. И. Пантин и В. В. Лапкин в своей статье «Волны политической модернизации в истории России» справедливо отмечали достаточно интересный факт, касающийся того, что сложилось «характерное для российского государства и общества расщепление культуры, идеологии, общественно-политического уклада жизни на две преобладающие тенденции: радикальный „либерализм“, защищающий права и свободы человека, но игнорирующий социальные проблемы большинства населения, и не менее радикальный „государственный патернализм“» [10, с. 45]. Расщепление культуры, равно как доминирование поочередно либеральной и патерналистской идеологием, — процессы, в которых ярко проявляется надвигающаяся квантовая демократия. Ограничение перспективных политических альтернатив в условиях острых социальных противоречий и динамичных глобальных изменений заставляет лидеров принимать решения по ситуации, а не в соответствии со своими убеждениями, программами, планами и проектами. Такой ситуативный, ограниченный определенными условиями авторитет избранных демократическим образом политических лидеров становится причиной стремления лидеров меняться вместе с политической ситуацией.

Резкий контраст и ограниченность количества приемлемых для партий позиций в рамках национального политического поля наблюдается и в Японии. Группа авторитетных ученых в своей статье «Мир. Вызовы глобального кризиса. Япония» отмечают, что «эффект поляризации заставляет любые партии „третьего“, „четвертого“ и иных полюсов тяготеть к одной из двух главных сил», в то время как «нарастание националистических настроений в сочетании с популистскими лозунгами может помочь завоевать симпатии обывателей» [11, с. 77–78]. Такая ситуация, безусловно, связана с определенными рисками возникновения нестабильности и угрозами резкой смены политического курса, присутствием случайных и непредсказуемых людей в рамках поля национальной политики.

Возможность предсказать то, каким окажется в условиях квантовой демократии «политический кот Шредингера»¹, сокрытый в каждом перспективном политическом лидере, реализующем свою политическую программу по ситуации, ставит задачу по выявлению причин и закономерностей нового политического режима, при котором политические лидеры могут представлять различные интересы, и в то же время крайне редко представляют интересы тех избирателей, чьи голоса приносят им победу на выборах. В политической науке практически сложилось представление о том, что следствием цифрового разрыва и социального неравенства в национальной политике стала системная декогеренция², в результате которой правительства утратили в значительной степени способность влиять на социальные процессы, происходящие под их юрисдикцией.

Среди причин неизбежной в современном обществе правительственной декогеренции, по нашему мнению, далеко не последнее место занимают перенасыщение информационного пространства и разрастающийся популизм на фоне все более углубляющейся коррупции. В конечном итоге, именно политическая декогеренция, как особый системный разрыв в сетевом обществе, стимулирует развитие квантовой демократии, в то время как традиционная демократия представительного свойства становится все менее эффективной и все более глобальной, элитарно-олигархической.

Американский ученый Филип Уоллак (Philip A. Wallach) в своей статье «Правительственная декогеренция и ее противоречия» использует термин «декогеренция» из квантовой механики, чтобы точнее отразить состояние политической системы, при котором правительство принимает решения без учета реальных интересов тех людей, которых эти решения затрагивают. В частности, Ф. Уоллак пишет: «существует бесчисленное множество причин для того, чтобы поставить под вопрос способность федеральных властей, которые слишком далеки от народной жизни, быть подходящим местом для решения многих социальных проблем» [64]. По мнению Ф. Уоллака, ярким проявлением политической декогеренции является создание значительно-го числа индивидуально-правовых актов и норм-исключений для тех лиц, интересы которых в силу различных причин совпадают с интересами правительства.

Вместе с тем, политическая ситуация в целом ряде проблемных регионов современного мира, таких как Ближний Восток, Центральная Африка и Латинская Америка демонстрирует отсутствие лидерства на фоне декогеренции, которая происходит из-за неадекватных представлений национальных правительств об интересах тех людей, которыми они пытаются управлять. В ряде государств, среди которых Сомали, Йемен и Ливия, декогеренция практически полностью уничтожила государственность. Такая опасная декогеренция способна выступать катализатором революционных процессов и возникает в результате того, что лидеры политического класса не готовы отвечать за судьбу своей страны и не соответствуют запросам представителей интеллектуальной элиты и институтов гражданского общества. Преодоление разрыва между «опасными»³ интеллектуалами и политическим классом предполагает предметный социальный диалог, направленный на преодоление правительственной декогеренции и достижение консенсуса в гражданском обществе. Анализ процесса формирования образа политического лидера в условиях квантовой демократии представляется первоочередной задачей, в контексте острого спроса на новых политических лидеров на мировой арене [28; 40].

¹ См. подробнее: Schrödinger. E. Die gegenwärtige Situation in der Quantenmechanik // Naturwissenschaften. V. 23 (1935), № 48, p. 807–812; N 49, 823–828; N 50, 844–849.

² От лат. *cohaerentio* — сцепление, связь.

³ Буравой М. «Опасный» класс как спаситель человечества // Русский Журнал. 20.07.2010. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Opasnyj-klass-kak-spasitel-chelovechestva> (дата обращения: 18.05.2017).

Лидеры квантовой демократии. Проявляющаяся многомерность политических процессов квантовой демократии оказала значительное влияние на институт лидерства. В рамках круглого стола «Политическое лидерство и проблемы личности» профессор Ю.В. Ирхин в своем докладе «Анализ личностных особенностей современного эффективного политического лидерства (на примере президентских выборов в США)» обратил внимание на тот факт, что среди „измерений“ лидерства «можно выделить лидерство психологическое, социальное, ресурсное, виртуальное, влияния политического образа и связанного с ним имиджа (бренда)» [6, с. 54]. Российский ученый М.А. Мень в своих работах указал на единство персональной и социальной реальностей лидерства [7] и отметил, что «у М. Вебера стремление человека к превосходству и господству связано в ряде случаев с различиями в уровне компетенции и объеме специальных знаний, которыми располагает лидер формальной организации» [8, с. 93].

В условиях квантовой демократии разработанная Максом Вебером (Maximilian Carl Emil Weber) легально-рациональная, бюрократическая модель государственного управления [65] требует концептуального пересмотра. Если в начале XX в. «основной источник превосходства бюрократической администрации заключается в роли технического знания, которое, благодаря развитию современных средств и методов бизнеса в производстве товаров, стала совершенно незаменимой» [66, с. 337], то в настоящее время основной источник политического превосходства — поддержка политики лидера широкими кругами демократической общественности, формирование атмосферы лояльности в условиях высокой гибкости организационных порядков, актуализации политических решений в глобальном медиапространстве. В то время как «третья волна маркетизации... все сильнее грозит миру» [1, с. 7], политические режимы приспосабливаются к изменениям, адаптируя к ситуации свою «институциональную архитектуру» и ее «каналы связи» вне зависимости от типа политического режима [54], меняется и парадигма восприятия лидерства [17]. В современных условиях «актуальными стали проблемы прямого влияния граждан как индивидуальных политических акторов, включенных в те или иные виртуальные сообщества, на принятие решений властью и лидерами» [16, с. 8].

Профессор Гарвардского университета Эрик Бирбом (Eric Beerbohm) в своей интересной статье «Возможно ли демократическое лидерство?» задается вопросом о социальной природе лидерства в демократических условиях и полагает, что «лидерство может отразить наш идеал демократии», являясь при этом основой функционирующей демократии, в то же время представляя угрозу на практике [24]. Лидерство отличается от тирании и диктатуры своей демократической природой ретрансляции авторитета. В условиях квантовой демократии актуализировалась республиканская теория свободы, которая требует отсутствия доминирования как основы реализации политического авторитета [55; 56].

На пораженном вирусом информационного популизма политическом рынке появляются все более удивительные политические лидеры, о которых известно очень немного, кроме того, что они определенно вовлечены в коррупционные схемы. Общеизвестно, из материалов средств массовой информации, что отдельные политические деятели самого высокого уровня брали взятки, другие принципиально не решают годами жизненно важные вопросы для страны и ее регионов, члены семей некоторых политических деятелей получают деньги за ту работу, которую вряд ли вообще способны выполнять. Происходят абсурдные политические процессы: популярность набирают авторы одиозных лозунгов мистического и религиозного содержания, вопросы сексуальной ориентации обсуждаются на самом высоком политическом уровне, на полном серьезе расследуется вопрос о российском вмешательстве в выборы президента США и т. д. Опасность присутствия искажаю-

щих социальную действительность экстремистов самого различного толка в рамках политического поля государства становится все более очевидным вызовом национальной безопасности.

Профессор С. В. Чугров, анализируя последствия распространения искаженной реальности известные как «post-truth», справедливо отмечает «деформированное состояние сознания, в котором стереотипы уже полностью потеряли связь с реальными образами. В мире постправды эмоции замещают факты, а фейки — новости, задавая тон конструированию политического дискурса и альтернативной реальности» [15, с. 42]. Альтернативная реальность один из главных симптомов распространения квантовой демократии. С одной стороны, физики полагают, что квантовая теория параллельной реальности — это не проблема, а решение [34], да и в практической политике, по словам известного американского политтехнолога Стива Шмидта (Stephen Edward «Steve» Schmidt), «в эпоху социальных сетей представляется очевидным то, что каждый живет в своей собственной реальности»¹. С другой стороны, мы всецело разделяем обеспокоенность уважаемых ученых качеством той альтернативной реальности, которая формируется средствами массовой информации в настоящее время [5, с. 176–183].

При всех особенностях квантовой демократии она представляется как мало изученный, но безусловно прогрессивный этап развития политического режима, свойственный цифровой, виртуальной эпохе. Либеральный консенсус в условиях квантовой демократии актуализировал республиканскую теорию свободы и создал действительные препятствия к реализации в обществе концепции доминирования, которая была предложена в свое время М. Вебером [65].

Институт лидерства в квантовой демократии представляется особым состоянием, при котором актуальность политической позиции порождает новых лидеров. Британский профессор Джон Кейн (John Kane) полагает, что демократия в определенной степени ограничивает лидерство [38; 42; 43]. Вместе с тем, в рамках поля российской политики трансформация Эдуарда Лимонова в авторитетного публициста случилась вследствие острого социального запроса на национализацию политического класса современной России. В то время как институт гражданства, который широко принимается как предмет социальных исследований, фактически стал фантомным предметом [50], в российском обществе сложился запрос на придание институту гражданства реального содержания.

Выводы. Публичные выступления политических лидеров и материалы средств массовой коммуникации, отражающие восприятие целевой аудиторией социально-политических лидеров, становятся важнее, чем официально провозглашенные программные и нормативные документы. Политическое поведение лидеров дополняется внедрением в политическую жизнь представлений о квантовых закономерностях в политике, позволяющих лидерам и их электорату резко менять полярность своих политических взглядов под воздействием факторов внешней среды. Авторитет руководителей и их лидерские качества, которые являются абсолютно необходимыми условиями прогресса и эффективности политики, совершенно не обязательно должны сопровождаться бюрократией, доминированием и диктатурой в основании легитимности политического режима. Реалии квантовой демократии предполагают позиционную легитимацию политических лидеров в том смысле, что основным требованием к личности руководителя является его способность занимать определенное положение в обществе, обеспечивая при этом необходимый результат социальной политики государства.

¹Hardball with Chris Matthews 12/6/2011 http://www.nbcnews.com/id/45582356/ns/msnbc-hardball_with_chris_matthews/t/hardball-chris-matthews-tuesday-december/.WRP3DX1SCUk «In a social media age, it seems that everyone lives in their own reality» Steve Schmidt.

Противодействие тенденциям бюрократизации официальной публичной коммуникации и обострение политических конфликтов оказало влияние на тренды развития виртуальной реальности, которая проникла во все сферы жизни общества, подменив реальное общение — его суррогатом в социальных сетях, практические дела и усилия — виртуальными отчетами о них на сайтах. Деградация социально-политической системы, основанной на легальной бюрократической легитимации власти, сформулированной в свое время М. Вебером, остро проявляется на фоне социальной действительности, насквозь пронизанной фантомами [12; 49; 50], которые характеризуются правовым нигилизмом и фантазмагорическим поведением.

Постоянные колебания общественного мнения и сопутствующие этому перемены в ожидаемых результатах демократического голосования создают условия, в которых новостная повестка определяет электоральный успех в значительно большей степени, чем взаимоотношения политического лидера со своим электоратом. Существует высокая вероятность того, что в условиях квантовой демократии, в процессе электоральных процедур реализуется алгоритм Шепли–Гейла [37], с той лишь только разницей, что счастливыми оказываются далеко не те, кто наделен активным и пассивным избирательным правом, а те, кому предоставлено право выбирать политиков для их предложения озадаченному экономическими проблемами электорату.

Парадоксальная природа поведения политического класса в условиях цифрового разрыва и углубляющегося социального неравенства проявляется в самом широком спектре социально-политических процессов. Разросшаяся до опасных размеров цифровая бюрократия, отсутствие всякой разумной легитимации присвоения богатства в народном хозяйстве и процветание теневой экономики сопровождаются усилением радикальных настроений и экстремизма в обществе, идеологическим вакуумом, политической опустошенностью и стремлением двигаться к былому величию в победном лозунге Президента США Дональда Трампа (Donald John Trump) «Make America Great Again». Вместе с тем в условиях квантовой демократии, к удивлению многих наблюдателей, сенсационный Д. Трамп оказался сорок пятым Президентом США с типичными проблемами и методами их решения, производными от состояния поля американской политики.

В условиях квантовой демократии существенная часть лидеров — политических стереотипов растворилась, а некоторые сохранившиеся стали вызывать страх, восхищение и симпатию одновременно. Ярким примером современного политического лидерства стал образ Президента Российской Федерации В. В. Путина, о котором в западной прессе написали все, что только смогли придумать, однако его лидерство в российской политике не было оспорено.

В российских научных исследованиях В. В. Путин характеризуется как президент, который «акцентирует межличностные взаимодействия как ключевой аспект своего стиля. Специализация на отношениях с людьми появилась еще как компонент профессиональной подготовки разведчика» [4, с. 84]. Следуя этой логике, Рональд Рейган — президент-актер, Дональд Трамп — президент-бизнесмен, а Ангела Меркель и Барак Обама, Мануэль Макрон — яркие лидеры новой демократии, которые были представлены избирателям и заручились их поддержкой, но не стали при этом самостоятельными институтами массового политического сознания.

Странность закономерностей, позволяющая приводить во власть самых неожиданных лидеров, и сложности в выработке такими лидерами политических решений стали причиной исследования процессов современной политики учеными, далекими от лирики. Бельгийский физик Дидерик Аэртс (Diederik Aerts) в своей статье «К новой демократии: консенсус через квантовый парламент» [19] приводит математические алгоритмы для достижения парламентского консенсуса в условиях демократии с целью предотвращения разрастания популизма. Проблема лидерства

приобретает характер поиска субъекта, определяющего квантовые состояния политической системы, любое из которых для него является потенциально приемлемым, но изменит последующие политические решения, дальнейший ход истории.

Когда политика из непрерывного процесса превратилась в дискретное пространство, лидеры перестали быть значимы вне того конкретного промежутка времени, когда они реализуют свой авторитет. Вопрос относительно того, чем отличается лидерство в условиях квантовой демократии от диктатуры и проявлений представительной демократии следует рассматривать через саму природу квантовых процессов. Квантование в политике приводит к тому же результату, что и везде в ограничении числа заранее заданных политических позиций, которые могут занимать политические лидеры. По нашему мнению, термин «квантовая демократия» основан на сохранении авторитета лидеров в политической системе, только при том условии, что они занимают конкретные позиции в рамках поляризованного поля национальной политики.

В современном мире широкое распространение получила социально-политическая практика, в рамках которой социальные действия совершаются иллюзорными субъектами социально-политического процесса — политическими фантомами. Самые яркие образы фантомов мировой политики стремятся к тому, чтобы экономическая диктатура и мировое господство финансовой бюрократии расширились, чтобы встретить собственные новые потребности. В условиях активности фантомов, по закону квантовой физики, где каждая частица существует в паре с античастицей, ренессанс новых политиков правого толка стал трендом, предопределенным волновой природой политических процессов.

Литература

1. Буравой М. Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 3–8.
2. Грачев М. Н., Мадатов А. С. Демократия: методология исследования, анализ перспектив. М. : Алкигамма, 2004.
3. Гуревич П. С. Единство по кванту, а не по крови // Психология и Психотехника. 2015. № 5. С. 445–448.
4. Зорин В. А. Модели политического лидерства российских президентов // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 77–89.
5. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Международное право и информационная безопасность государств: монография. СПб. : СПбГИКиТ. 2016.
6. Круглый стол журнала «Полис». Шестопап Е. Б., Уинтер Д. Г., Ирхин Ю. В. и др. Политическое лидерство и проблемы личности // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 53–68.
7. Мень М. А. Лидерство как социальный и личностный феномен (теоретико-методологические аспекты исследования). М. : Изд-во МГУ, 2011.
8. Мень М. А. Лидерство: лично-интерактивный подход // Управленческое консультирование. 2011. № 4 (44). С. 92–105.
9. Морозов Г. Н., Алексеев Г. В. Недреманное око // Свободная мысль. 2013. № 2 (1638). С. 211–214.
10. Пантин В. И., Лапки В. В. Волны политической модернизации в истории России к обсуждению гипотезы // Полис. Политические исследования. 1998. № 2. С. 39–51.
11. Стрельцов Д. В., Чугров С. В., Симо-Томаи Н., Леонтьева Е. Л. Мир. Вызовы глобального кризиса. Япония // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 9. С. 76–91.
12. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2015.
13. Тощенко Ж. Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 70–84.
14. Человеческий капитал российских политических элит: политико-психологический анализ / под ред. Е. Б. Шестопап, А. В. Селезневой. М. : РОССПЭН, 2012.

15. Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.
16. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. Политические исследования. 2001. № 4. С. 27.
17. Шестопал Е. Б. Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 82–90.
18. Шестопал Е. Б. Введение в рубрику. Человеческое измерение политики // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 6–8.
19. Aerts D. Towards a New Democracy: Consensus through Quantum Parliament. In D. Aerts, B. D'Hooghe and N. Note (eds.), *Worldviews, Science and Us, Redemarcating Knowledge and its Social and Ethical Implications*. Singapore: World Scientific, 2005. DOI: https://doi.org/10.1142/9789812702043_0011.
20. Akrivoulis D. E. The Quantum Politics Metaphor in International Relations: Revising American Newtonianism. University of Kent at Canterbury. 2002.
21. Akrivoulis D. E. The Ways of Stargazing: methodological reflections on American Newtonian metaphoricality; in T. Carver and J. Pikalo (eds) *Political Language and Metaphor: Interpreting and changing the world*. London : Routledge. 2008. P. 15–27.
22. Attali J. *Millennium: winners and losers in the coming world order*. New York: Random House. 1991.
23. Becker T. L. *Quantum Politics: Applying Quantum Theory to Political Phenomena*. Praeger Publishers. 1991.
24. Beerbohm E. Is Democratic Leadership Possible? // *American Political Science Review*. 2015. Vol. 109, N 4. P. 639–652. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055415000398>.
25. Bourdieu P. *Distinction: a social critique of the judgement of taste*. London: Routledge. 1984.
26. Bourdieu P. The Social Space and the Genesis of Groups // *Theory and Society*, 1985. 14 (6). Vol. 14, N 6. P. 723–744.
27. Bourdieu P. *Acts of Resistance: Against the Tyranny of the Market*. The New Press. 1999.
28. Chen J, Nadkarni S. It's about Time! CEOs' Temporal Dispositions, Temporal Leadership, and Corporate Entrepreneurship // *Administrative Science Quarterly*, 2016. Vol. 62. 1: P. 31–66. DOI: <https://doi.org/10.1177/0001839216663504/>
29. Cohen D. *La Mondialisation et ses ennemis*, Paris, Grasset, 2004.
30. Dahl R. A. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven : Yale University Press. 1971.
31. Dahl R. A. *A Preface to Economic Democracy*. Berkeley : University of California Press. 1985.
32. Dator J. A., Pratt R., Seo Y. *Fairness, Globalization, and Public Institutions: East Asia and Beyond*. University of Hawaii Press, 2006.
33. Defarges P. M. *La mondialisation*, 10e édition; Paris. Presses Universitaires de France — P. U. F. 2016.
34. Deutch D. *The Fabric of Reality: The Science of Parallel Universes and Its Implications*. Penguin. 1998.
35. Drutman L. *The Business of America Is Lobbying: How Corporations Became Politicized and Politics Became More Corporate (Studies in Postwar American Political Development)*. USA. Oxford University Press. 2015.
36. Feynman R. P. The Value of Science // *Engineering and Science*. Vol. XIX. 1955. P. 13–15.
37. Gale D., Shapley L. S. College Admissions and the Stability of Marriage // *American Mathematics Monthly*. 1962. Vol. 69. P. 9–15. DOI: [dx.doi.org/10.2307/2312726](https://doi.org/10.2307/2312726).
38. *Good Democratic Leadership*. John Kane and Haig Patapan (eds) Oxford University Press. 2014. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199683840.001.0001>.
39. Goswami A. *Quantum Politics, Part III: Saving Democracy*. 2015. URL: <http://www.amitgoswami.org/2015/07/24/quantum-politics-part-iii>.
40. Haslam A. S. Reicher S. D. *Platow M. J. The New Psychology of Leadership: Identity, Influence and Power*. NY : Psychology Press. 2010.
41. Huntington S. P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. University of Oklahoma Press. 1991.
42. Kane J. The Ethical Paradox of Democratic Leadership // *Taiwan Journal of Democracy* 2007. 3 (2). P. 33–52.
43. Kane J., Patapan H. *The Democratic Leader. How Democracy Defines, Empowers and Limits its Leaders*. 2012.
44. Kazemi A. A. Quantum Politics: New Methodological Perspective // *International Studies Journal (ISJ)* 2015. (2011) Vol. 12. N I. P. 89–102.

45. *Keane J.* The Life and Death of Democracy. Simon & Schuster. 2009.
46. *Keane J.* Quantum Democracy: notes on rethinking territory in contemporary democratic politics. Lecture. 2016. URL: <http://www.johnkeane.net/spanish-translation-quantum-democracy-notes-on-rethinking-territory-in-contemporary-democratic-politics>.
47. *Lévy J.* (dir) L'invention du Monde. Une géographie de la mondialisation. Presses de Sciences Po. 2007.
48. *Lippmann W.* Public Opinion. NY : Macmillan, 1922.
49. *Lippmann W.* The Phantom Public. Transaction Publishers. 1925.
50. *Longstreet W. S.* Citizenship: The Phantom Core of Social Studies Curriculum // Theory and Research in Social Education 1985. 13 (2). P. 21–29.
51. *Pettinicchio D.* Elites, Policy and Social Movements / On the Cross Road of Polity, Political Elites and Mobilization. Ed. by B. Wejnert, P. Parigi. Vol. 24. Emerald Books. 2017. P. 55–190.
52. *Pezzani F.* Italy: Lost Sovereignty and Phantom Politics // Business and Economics Journal 2016. 7:225.
53. *Popper K. R.* The Open Society and Its Enemies. Routledge. Vol. 1, 2. 1945.
54. *Sandberg M., Lundberg P.* Political Institutions and Their Historical Dynamics // PLoS ONE 2012. 7(10): e45838.
55. *Skinner Q.* Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. University of Cambridge, 2002.
56. *Skinner Q., van Gelderen M.* Freedom and the Construction of Europe. Cambridge University Press. Vol. 1, 2. 2013.
57. *Soros G.* Underwriting Democracy: Encouraging Free Enterprise and Democratic Reform Among the Soviets and in Eastern Europe. NY : Free Press. 1991.
58. *Soros G.* Open Society: Reforming Global Capitalism. Public Affairs, 2000.
59. *Soros G.* George Soros On Globalization. Public Affairs. 2005.
60. *Stolleis M.* Das Auge des Gesetzes: Geschichte einer Metapher. München : C. H. Beck. Verlag. 2004.
61. *Tanasescu M.* Rethinking representation: The challenge of nonhumans // Australian Journal of Political Science, 2014. Vol. 49 (1). P. 40–53.
62. *Tesař J.* 2015. Quantum Theory of International Relations: Approaches and Possible Gains // Human Affairs. Vol. 25 (4).
63. *Toffler A.* The Third Wave. William Morrow and Company Inc. NY : 1980.
64. *Wallach P. A.* Government Decoherence and Its Discontents. Library of Law and Liberty. Indianapolis. 2015. URL: <http://www.libertylawsite.org/liberty-forum/government-decoherence-and-its-discontents>.
65. *Weber M.* Politik als Beruf. München/Leipzig GPS 505–560 Separatveröffentlichungen. Stuttgart, 1992.
66. *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization / trans. by A. M. Henderson, T. Parsons. NY : The Free Press. 1947.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; v.vvaas@yandex.ru

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; Deltafox1@yandex.ru

References

1. Buravov M. What to do? Theses on degradation of social life in the globalized world // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2009. N 4. P. 3–8. (In rus)
2. Grachev M. N., Madatov A. S. Democracy: research methodology, analysis of prospects. M. : Alkigamma, 2004. 128 p. (In rus)
3. Gurevich P. S. Unity on quantum, but not by birth // Psychology and the Psychotechnics [Psikhologiya i Psikhotekhnika]. 2015. N 5. P. 445–448. (In rus)
4. Zorin V. A. Models of political leadership of the Russian presidents // Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2010. N 4. P. 77–89. (In rus)

5. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. International law and information security of the states: monograph. SPb. : St. Petersburg State University of Film and Television. 2016. 396 p. (In rus)
6. Round table of the Journal "Political Researches". Shestopal E.B., Uinter D.G., Irkhin Yu. V., Chirikova A.E., Ovcharova O.G., Poponov D.V., Semenova E.S., Kuznetsov I.I., Rogozar-Kolpakova I.I., Strelets I.E., Dobrynya E.P., Lyulchak E.R., Trofimova V.V., Pishcheva T.N. Political leadership and problems of the personality //Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2011. N 2. P. 53–68. (In rus)
7. Men' M.A. Leadership as social and personal phenomenon (theoretical and methodological aspects of a research). M. : MSU publishing house, 2011. 268 p. (In rus)
8. Men' M.A. Leadership: personal and interactive approach // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2011. N 4 (44). P. 92–105. (In rus)
9. Morozov G.N., Alekseev G.V. The unwinking eye // Free thought [Svobodnaya mysl']. 2013. N 2 (1638). P. 211–214. (In rus)
10. Pantin V.I., Lapkin V.V. Waves of political modernization in the history of Russia to discussion of a hypothesis // Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 1998. N 2. P. 39–51. (In rus)
11. Streltsov D.V., Chugrov S.V., Simo-Tomai N., Leontyeva E.L. Mir. Calls of global crisis. Japan // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2013. N 9. P. 76–91. (In rus)
12. Toshchenko Zh. T. Phantoms of the Russian society. M. : Center of social forecasting and marketing. 2015. 668 p. (In rus)
13. Toshchenko Zh. T. Trauma of society: between evolution and revolution (the invitation to a discussion) // Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2017. N 1. P. 70–84. (In rus)
14. Human capital of the Russian political elite: the political and psychological analysis / under the editorship of E.B. Shestopal, A.V. Seleznyova. M. : ROSSPEN, 2012. 341 p. (In rus)
15. Chugrov S.V. Post-truth: transformation of political reality or self-damage of the liberal democracy? // Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2017. N 2. P. 42–59. (In rus)
16. Shapiro I. Reinterpreting the theory of democracy in the light of modern policy //Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2001. N 4. P. 27. (In rus)
17. Shestopal E.B. Political leadership in new conditions: perception paradigm shift // Monitoring of public opinion: economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2013. N 3 (115). P. 82–90. (In rus)
18. Shestopal E.B. Introduction to a heading. Human measurement of policy //Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2013. N 6. P. 6–8. (In rus)
19. Aerts D. Towards a New Democracy: Consensus through Quantum Parliament. In D. Aerts, B. D'Hooghe and N. Note (eds.), Worldviews, Science and Us, Redemarcating Knowledge and its Social and Ethical Implications. Singapore: World Scientific, 2005. DOI: https://doi.org/10.1142/9789812702043_0011.
20. Akrivoulis D.E. The Quantum Politics Metaphor in International Relations: Revising American Newtonianism. University of Kent at Canterbury. 2002.
21. Akrivoulis D.E. The Ways of Stargazing: methodological reflections on American Newtonian metaphorcity; in T. Carver and J. Pikalo (eds) Political Language and Metaphor: Interpreting and changing the world. London : Routledge. 2008. P. 15–27.
22. Attali J. Millennium: winners and losers in the coming world order. New York: Random House. 1991.
23. Becker T.L. Quantum Politics: Applying Quantum Theory to Political Phenomena. Praeger Publishers. 1991.
24. Beerbohm E. Is Democratic Leadership Possible? // American Political Science Review. 2015. Vol. 109, N 4. P. 639–652. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055415000398>.
25. Bourdieu P. Distinction: a social critique of the judgement of taste. London: Routledge. 1984.
26. Bourdieu P. The Social Space and the Genesis of Groups // Theory and Society, 1985. 14 (6). Vol. 14, N 6. P. 723–744.
27. Bourdieu P. Acts of Resistance: Against the Tyranny of the Market. The New Press. 1999.
28. Chen J, Nadkarni S. It's about Time! CEOs' Temporal Dispositions, Temporal Leadership, and Corporate Entrepreneurship // Administrative Science Quarterly, 2016. Vol. 62. 1: P. 31–66. DOI: <https://doi.org/10.1177/0001839216663504/>
29. Cohen D. La Mondialisation et ses ennemis, Paris, Grasset, 2004.
30. Dahl R.A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven : Yale University Press. 1971.

31. Dahl R.A. A Preface to Economic Democracy. Berkeley : University of California Press. 1985.
32. Dator J.A., Pratt R., Seo Y. Fairness, Globalization, and Public Institutions: East Asia and Beyond. University of Hawaii Press, 2006.
33. Defarges P.M. La mondialisation, 10e édition; Paris. Presses Universitaires de France — P. U. F. 2016.
34. Deutch D. The Fabric of Reality: The Science of Parallel Universes and Its Implications. Penguin. 1998.
35. Drutman L. The Business of America Is Lobbying: How Corporations Became Politicized and Politics Became More Corporate (Studies in Postwar American Political Development). USA. Oxford University Press. 2015.
36. Feynman R.P. The Value of Science // Engineering and Science. Vol. XIX. 1955. P. 13–15.
37. Gale D., Shapley L.S. College Admissions and the Stability of Marriage // American Mathematics Monthly. 1962. Vol. 69. P. 9–15. DOI: [dx.doi.org/10.2307/2312726](https://doi.org/10.2307/2312726).
38. Good Democratic Leadership. John Kane and Haig Patapan (eds) Oxford University Press. 2014. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199683840.001.0001>.
39. Goswami A. Quantum Politics, Part III: Saving Democracy. 2015. URL: <http://www.amitgoswami.org/2015/07/24/quantum-politics-part-iii>.
40. Haslam A.S., Reicher S.D., Platow M.J. The New Psychology of Leadership: Identity, Influence and Power. NY : Psychology Press. 2010.
41. Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press. 1991.
42. Kane J. The Ethical Paradox of Democratic Leadership // Taiwan Journal of Democracy 2007. 3 (2). P. 33–52.
43. Kane J., Patapan H. The Democratic Leader. How Democracy Defines, Empowers and Limits its Leaders. 2012.
44. Kazemi A.A. Quantum Politics: New Methodological Perspective // International Studies Journal (ISJ) 2015. (2011) Vol. 12. N 1. P. 89–102.
45. Keane J. The Life and Death of Democracy. Simon & Schuster. 2009.
46. Keane J. Quantum Democracy: notes on rethinking territory in contemporary democratic politics. Lecture. 2016. URL: <http://www.johnkeane.net/spanish-translation-quantum-democracy-notes-on-rethinking-territory-in-contemporary-democratic-politics>.
47. Lévy J. (dir) L'invention du Monde. Une géographie de la mondialisation. Presses de Sciences Po. 2007.
48. Lippmann W. Public Opinion. NY : Macmillan, 1922.
49. Lippmann W. The Phantom Public. Transaction Publishers. 1925.
50. Longstreet W.S. Citizenship: The Phantom Core of Social Studies Curriculum // Theory and Research in Social Education 1985. 13 (2). P. 21–29.
51. Pettinicchio D. Elites, Policy and Social Movements / On the Cross Road of Polity, Political Elites and Mobilization. Ed. by B. Wejnert, P. Parigi. Vol. 24. Emerald Books. 2017. P. 55–190.
52. Pezzani F. Italy: Lost Sovereignty and Phantom Politics // Business and Economics Journal 2016. 7:225.
53. Popper K.R. The Open Society and Its Enemies. Routledge. Vol. 1, 2. 1945.
54. Sandberg M., Lundberg P. Political Institutions and Their Historical Dynamics // PLoS ONE 2012. 7 (10): e45838.
55. Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. University of Cambridge, 2002.
56. Skinner Q., van Gelderen M. Freedom and the Construction of Europe. Cambridge University Press. Vol. 1, 2. 2013.
57. Soros G. Underwriting Democracy: Encouraging Free Enterprise and Democratic Reform Among the Soviets and in Eastern Europe. NY : Free Press. 1991.
58. Soros G. Open Society: Reforming Global Capitalism. Public Affairs, 2000.
59. Soros G. George Soros On Globalization. Public Affairs. 2005.
60. Stolleis M. Das Auge des Gesetzes: Geschichte einer Metapher. München : C. H. Beck. Verlag. 2004.
61. Tanasescu M. Rethinking representation: The challenge of nonhumans // Australian Journal of Political Science, 2014. Vol. 49 (1). P. 40–53.
62. Tesař J. 2015. Quantum Theory of International Relations: Approaches and Possible Gains // Human Affairs. Vol. 25 (4).
63. Toffler A. The Third Wave. William Morrow and Company Inc. NY : 1980.

64. Wallach P.A. Government Decoherence and Its Discontents. Library of Law and Liberty. Indianapolis. 2015. URL: <http://www.libertylawsite.org/liberty-forum/government-decoherence-and-its-discontents>.
65. Weber M. Politik als Beruf. München/Leipzig GPS 505–560 Separatveröffentlichungen. Stuttgart, 1992.
66. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization / trans. by A.M. Henderson, T. Parsons. NY : The Free Press. 1947.

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; v.vvaas@yandex.ru

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; Deltafox1@yandex.ru

Методологические основания и проблемы исследования политического потенциала местной власти в России: предпосылки и обстоятельства для формулирования базисной теоретической модели*

(часть вторая)

Баранец С. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; brnts@rambler.ru

РЕФЕРАТ

Статья продолжает изложение авторских взглядов на предпосылки и трудности поиска методологических оснований для исследования проблемы развертывания политического потенциала местной власти в современной России. В тексте публикации показано, каким образом стихийная аккумуляция политического потенциала местного самоуправления в современных условиях может оказаться за пределами регулирующего менеджериального воздействия государственных органов власти и управления, и в связи с этим обосновывается тезис о недостаточности современных способов учета и контроля условий и результатов деятельности порождающих центров демократического народовластия в локальном масштабе. Выявляется региональный аспект проблемы в свете новых тенденций трактовки проблем регионального развития российскими федеральными властями. Сделана попытка обосновать ряд предварительных выводов относительно предлагаемой автором исследовательской программы экспликации проблемы управления местной властью и потенциальными возможностями государственных регулирующих воздействий, а также намечены перспективные направления дальнейшего изучения поставленных проблемных вопросов.

Ключевые слова: политическая система, местная власть, потенциалы народовластия, локальность политического, региональное развитие, развитие территорий, модусы политической субъектности

Methodological Foundations and Problems of the Study of Political Capacity of Local Government in Russia: Preconditions and Circumstances for the Formulation of Basic Theoretical Models (Part Two)

Baranets S. N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; brnts@rambler.ru

ABSTRACT

The article continuous a presentation of an author's view on the prerequisites and difficulties of finding methodological grounds for investigating the problem of deploying the political potential of local power in modern Russia. The text of the publication it is shown how the spontaneous accumulation of the political potential of local self-government in modern conditions can be beyond the regulatory management impact of state authorities and manage-

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00862. Продолжение. Начало см.: Управленческое консультирование. 2018. № 6. С. 41–52.

ment, and in this connection, the thesis is based on the inadequacy of modern ways of recording and controlling the conditions and results of the activities of the generative centers of democratic democracy in the local scale. The regional aspect of the problem is revealed in the light of new trends in the interpretation of problems of regional development by the Russian federal authorities. An attempt was made to substantiate a number of preliminary conclusions about the proposed research program on explication of the problem of local government management and the potential of state government regulatory impacts, as well as outlined promising areas for further study of the identified by author main problematic issues.

Keywords: political system, local power, potentials of democracy, local political, regional development, development of territories, modes of political subjectness

---

Развивая высказанные выше идеи, необходимо отметить, что каждая из обозначенных в Статье 1¹ задач предстает не только во взаимосвязи с другими, но и как особое направление исследований, заслуживающее, на наш взгляд, специальных творческих усилий. При этом задаваемые избранным аспектом темы политической власти на местах объект, предмет и цель исследования обуславливают использование междисциплинарного подхода и комплексного видения перспектив. Основными методологическими ориентирами являются здесь системный анализ и конкретно-исторический подход к исследуемым явлениям и процессам, новое применение традиционных теоретических инструментов, позволяющих описывать и объяснять сложные социальные и политические процессы, производя своего рода восхождение от абстрактных теоретических моделей к конкретному воспроизведению объективно складывающихся и явленных в практике закономерностей.

Адекватное воспроизведение научно-теоретическими средствами природы, функционирования и динамики изменения политического потенциала местной власти требует критического переосмысления инструментария и методик, разработанного современной политической наукой, а также смежными областями социологии, культурологии и социальной философии истории. Недостаточность методов феноменологического описания и институционального анализа приводит к необходимости переосмыслить результаты имеющихся научных представлений о природе политических возможностей и ограничений местной власти, переоценить имеющиеся опыты схватывания средствами науки повседневности и проекций жизнеобеспечительных практик, а также реинтерпретации результатов, полученных российской общественной наукой на предыдущих этапах ее развития.

Для отображения вариативности, комплексного характера и многослойности процессов осуществления и манифестации местной власти, которая зиждется на учете тонких нюансов человеческих отношений и интуитивно используемых методов оптимизации этих отношений, желательна применение диалектических принципов в их современном прочтении. Сравнительно-исторический метод в его политологическом воплощении бывает необходим при анализе региональных различий политических режимов и способов их сосуществования с неформальными местными властными инстанциями и деятелями: без его использования любые попытки адекватного концептуального воспроизведения процессов происхождения, изменения и современных особенностей форм бытия местной власти, в том числе с учетом доминирующего ныне европейского измерения и перспективы, были бы невозможны. Специальным образом необходимо отметить авторское прочтение модальной методологии применительно к анализу станов-

---

¹ См.: «Управленческое консультирование». 2018. № 6.

ления субъектности местных авторитетов¹ и лидеров, склонных к «политарным»² формам самоутверждения.

В работе, проводимой автором с середины 1990-х годов, нашли применение элементы пригодных для описания интересующих его аспектов социальной реальности, проблемно-хронологический (диахронный) метод, используемый применительно к анализу хода становления новых моделей организации местной жизни, открываемых и экспериментально апробируемых в процессе реализации перманентного деформирования и реформатирования местного самоуправления и местной власти в России начала нового тысячелетия. Основным социологическим методом, использованным для получения данных о непосредственных процессах повседневной практики реализации местного властвования и обретения адекватных форм его организации, послужил метод участвующего (включенного) наблюдения, поскольку автору довелось в течение двух десятилетий исполнять обязанности по регулированию процессов осуществления местной власти в виде ее функций и полномочий, фиксируя происходящее и осмысливая его на различных должностях государственной и муниципальной службы.

Однако даже отрефлексированный собственный опыт был бы чересчур субъективен и односторонен. В этой связи подспорьем в изысканиях служила расширяющаяся количественно и эволюционирующая качественно источниковая база исследования. Основными источниками для исследования потенциальных возможностей местных властей явились для меня методологические, теоретические и эмпирические изыскания ведущих отечественных исследователей по проблемам местной жизни, местного сообщества и местного самоуправления, а также ставшие многочисленными виртуальные информационные ресурсы, в том числе базы нормативно-правовых документов органов государственной власти Российской Федерации и ряда ее субъектов. Основное внимание по необходимости уделялось процессам в названных выше субъектах РФ³, однако для постановки проблем и рабочих вопросов по существу реализации отдельных шагов авторской исследовательской программы широко использовалась актуальная информация из областей политологического, социологического и социокультурного анализа, так или иначе представляемая не только в корпусе научных публикаций, но и в средствах массовой информации, новостных, аналитических, в том числе и специализированных интернет-изданиях. Большим подспорьем в работе служили официальные порталы и сайты органов государственной власти, а также неоднородное в информационном плане и не всегда упорядоченное муниципальное интернет-пространство. Широкие возможности использования в работе сведений и аналитических материалов официальных периодических изданий федеральных органов государственной власти и политико-управленческих институтов субъектов РФ также были в поле зрения автора в процессе формулирования теоретических выводов и результатов представляемого здесь исследования.

Рабочая гипотеза исследования первоначально состояла в том, что местная власть вычленяется из общей системы организации местного самоуправления в современной России как ее предпосылка и основа, как феномен остаточных явлений прежних,

¹ В том значении «Local Authorities», в котором они употребляются в Европейской Хартии местного самоуправления.

² Этот термин применяется здесь для обозначения политико-элитарных форм манифестации лидерских качеств, а не в значении, которое придается ему в известной концепции Ю.И. Семенова. См.: [12].

³ Частично автору удалось выразить свою позицию и обрисовать подходы к изучению муниципальных структур и процессов в теперь уже запредельно виртуальной (в связи с «кончиной» Московского общественного научного фонда) и недоступной даже в вездесущей сети интернет монографии 2008 г. «Районный масштаб: Зона реформ (Философско-социологические этюды)». Методология, разрабатываемая автором, отчасти представлена в работе [3].

догосударственных форм упорядочивания и регулирования пространства человеческих отношений, взятых в аспекте господства и подчинения. Потестарную (безгосударственно-принуждающую) основу, соответствующую структуру и способы существования местной власти предлагается рассматривать в качестве значимого фактора, учет которого с точки зрения его возможностей противостоять и/или содействовать упорядочивающим принудительным усилиям государственных институтов и деятелей может послужить одним из способов повышения эффективности государственной власти в ее взаимоотношениях с системой органов власти местного самоуправления в особых условиях эволюции государственности Российской Федерации. В дальнейшем эта гипотеза претерпела определенную эволюцию, однако ее содержательным стержнем был и остается тезис о необходимости учета для целей современного государственного управления политического потенциала структурированных в соответствии с избранной моделью властвования местных коммуналитетов, которые могут с помощью предлагаемых государством форм превратиться в муниципальные органы власти, но могут и остановиться в своей эволюции, остаться прото- или квазимуниципальными общностями, ситуативно структурируемыми неформальными лидерами или без участия таковых для удовлетворения общих потребностей, но не интересов.

Однако этот первичный набор взглядов и подходов постоянно подвергался корректировке в связи с обнаружением тонкостей и различий, ранее не проявлявшихся в реальности государственно-муниципального строительства новой российской федерации с «регионалистским лицом». Подход к оценкам статуса, положения и возможностей местной власти при различных способах ее организации все время смещался примерно в ту же сторону, в которую «сползали» позиции некогда чистых «федералистов», адептов обустройства в России классических федеративных структур на договорных началах. Специальным образом рассмотреть здесь все перипетии становления того, что ныне ряд авторов называет новым (а некоторые — «путинским») федерализмом здесь, разумеется, возможности нет, однако стоит отметить важный, на мой взгляд, инновационный тренд в очерчивании проблемного поля современной российской политической регионалистики. Он связан с тем чтобы и теоретически, и практически рассматривать местные власти не в виде самостоятельного политического игрока, способного на равных договариваться с региональными и даже федеральными центрами власти, властными институтами и персонами, но скорее как «школу демократии»¹, а значит, некоторым образом «*Untermacht*», т. е. власть, по разным, но вполне объективным причинам не могущую и не желающую претендовать на полновластность даже в сфере собственной компетенции. Этот концептуальный дрейф главы российского государства оказался не слишком подробно исследован в литературе за последние 5 лет, а между тем он, на наш взгляд, вполне заслуживает специального рассмотрения. Если учесть сложившуюся практику государственного регулирования законодательного статуса и реального круга полномочий, а также структурные новации в организации местной власти, произведенные с 2014 по 2017 г., то можно говорить о стратегической тенденции, для которой характерны, во-первых, перевод политического влияния местной власти и ее органов из актуального состояния в латентное, а отчасти виртуальное, во-вторых, желание сформировать соответствующие структуры обновленной муниципальной организации и произвести для этого легитимизирован-

¹ См. позицию и мнения, высказанные В. В. Путиным в его знаменитых публикациях накануне президентских выборов 2012 г. Она изложена в концентрированном виде в статье «Демократия и качество государства» (газета Коммерсантъ, № 20/П от 06.02.2012), но отдельные пассажи о роли, месте и перспективах муниципальных органов власти и управления имеют место и в других статьях этого цикла.

ные законодательством соответствующие политические действия (из последних еще на слуху новации муниципального дизайна, вытекающие из норм знаменитого 136-го Федерального закона), и наконец, в-третьих — обозначенные действиями властных государственных структур на различных управленческих уровнях перспективы муниципальной политики, которая из самостоятельной и претендующей на самодостаточность на наших глазах превращается в жизненно важный, необходимый и признаваемый как социальный факт, но все же придаток государственных социальных машин. Критический анализ этой тенденции пока еще не свободен от влияния «голоса оппозиции», а о научном качестве этого анализа можно, к сожалению, только мечтать. Тем не менее сам факт неослабевающего критического напора относительно практически любых действий государственных органов и чиновничества относительно муниципальной общественно-политической среды и их социально-властного предназначения свидетельствует, как представляется, о том, что эти действия реально значимы с точки зрения укрепления и/или ревизии оснований российской демократии. При этом необходимо отметить, что никто и никогда не ставит вопрос об отказе от трактовки российского местного самоуправления как одной из основ конституционного строя, и это обнадеживает даже самых закоренелых скептиков в российском политологическом сообществе.

Основные тезисы, отображающие подход автора в трактовке поставленной выше совокупности вопросов и задач, целевым образом формулируемых для публичной репрезентации авторского видения исследовательского проблемного поля, на данный момент выглядят следующим образом¹.

1. Понятия местной власти и органов местного самоуправления совпадают только отчасти. Местный и муниципальный, если выйти за пределы юридически значимых норм и рассмотреть феномен местной власти политологически, не могут быть категориально тождественны. Власть многогранна, и понятия местной власти и власти муниципальной ортогональны, хотя и связаны генетически. Местная власть присутствует на любой территории, везде, где есть минимально освоенные и обустроенные места (масштаб их, несомненно, должен быть дифференцирован), населенные людьми, ограничена ими, предназначена для их взаимодействия, и в этом отношении представляет собой генеративное начало первичных способов и форм человеческой «самоорганизации для самодостаточного самоуправления». Муниципальная же власть, как специально организованная в соответствии с существующими правовыми нормами целостность, не входит в систему органов государственной власти, но так или иначе подчиняется им, и тем самым является одним из косвенных проявлений управляющей государственности как метода и методик организации системы асимметричных властных отношений между людьми, их группами и слоями по поводу важнейших сторон их повседневной жизнедеятельности на фоне общегосударственных потребностей, интересов и целей.

2. Политический потенциал местной власти обозначает меру соответствия или расхождения ценностей, идейно-целевых и организационных (чаще всего традиционалистских) установок скрытых (не проявленных активным или акторным образом) индивидуальных или групповых субъектов политического действия, способных в принципе к осознанию, манифестации и защите собственных интересов — либо как выражения позиции местного сообщества, которая так или иначе соответствует принципам, целям и задачам доминирующих носителей государственных прерогатив

¹ Нижеследующее есть эскиз того, что в диссертационных исследованиях принято обозначать как «положения, выносимые на защиту». Конечно, это гипотетические «пробросы», «намёки» и топологические «абрисы». Но мне принципиально важно выговорить их в том виде, как они представлены в данном тексте, апеллируя к знающим коллегам как потенциальным «спарринг-партнерам» в возможной дискуссии относительно представленной здесь точки зрения.

и компетенций, либо как своего персонального (частного и единичного) интереса. Местное сообщество в своей объединяющей персональных субъектов жизнедеятельности, будучи организованным целым и выступающее как опора и объект деятельности органов власти муниципального образования, может быть, в ряде случаев, явлено как латентный социально-политический феномен или наличествовать в пределах административно-территориальных границ в виде распределенных сетевых структур. Эволюция местных сообществ в сторону обретения ими своей политической субъектности происходит путем постепенного осознания своих собственных политических предпочтений, симпатий, потребностей и интересов (особенно в моменты обнаружения расхождений с интересами государственных органов власти), воспитания собственной политической воли и выработки интуитивно понятных участниками способов самозащиты своей целостности или хотя бы временного (ситуативного) единства. Однако поводы и генерирующие силы для проявленности позиции «опоры на собственные силы», самоорганизации и самоуправления могут обнаруживаться как изнутри сложившейся системы локальных социальных отношений, так и в сопротивлении организующим или патронирующим (предписывающим) усилиям субъектов государственного строительства.

3. Потенциальность политических устремлений и действий местной власти — необходимое, но недостаточное условие успеха государственной политики, реализуемой в региональном масштабе и муниципальном измерении. Степень готовности к переменам и мера готовности к сопротивлению изменениям — два полюса в способах существования носителей авторитета, т. е. власти, на местах. Сам этот авторитет по своему отношению к существующему политическому режиму (федеральному и региональному) может быть опознан в лояльной, протестной и криминальной формах, а по отношению к основным формам жизнедеятельности людей при осуществлении ими своего повседневного бытования в социуме — в виде политических лидеров, в том числе и партийного типа, бизнес-сообщества, автохтонного или представительского вида, и гражданского общества в виде временных гражданских коллективов, возникающих для решения актуальных задач и «растворяющихся» по мере того, как поставленные задачи оказываются решены. Для маркирования, измерения и интерпретирующего понимания потенциальности местной власти как способности к политическому действию, противодействию или бездействию необходимо предложить (или разработать) адекватные политологические инструменты, которые, учитывая природу организации и эволюции властных проявлений, органичной местным сообществам, не могут быть напрямую заимствованы из арсенала централизующего политического администрирования. Государственная политика в отношении местной власти в современных условиях должна быть разнообразной и индивидуализированной, в то время как элементы программирования и принуждения к исполнению нормативных законодательных установок должны ограничиваться сферой регламентированных для исполнения муниципальных органами власти услуг, полномочий и функций, увиденных в проектом модуле.

4. Обстоятельность государственного строительства меняются и в ходе общей исторической эволюции цивилизации, и в связи с конкретно-исторической логикой развития стран, народов и государств. Общие закономерности исторической эволюции являются предметом бескомпромиссных философско-политических споров, диспутов и дискуссий. Водораздел между ними проходит в сфере разрешения социально-классовых противоречий, как бы ни определялись сами классы и как бы ни разнились между собой концептуальные и мировоззренческие (то есть смысловые) основания основных политических философий. Идея местной власти — недавнее интеллектуальное открытие, в то время как сам феномен властвования человеческого существа в пределах и за пределами собственных телесных проявлений (практик) действителен во все времена человеческой истории. Отчуждение

своих властных потребностей, равно как и способностей властительной воли, в пользу другого, признаваемого способным к силовому разрешению индивидуальных споров о первенстве в свою пользу, было первым шагом к становлению общности (коммунитарности). В начале человеческой истории не соединяемые с другим, мои собственные телесные пространства насильственно или по потребности, а порой и символически, но всегда временно присоединялись к своему-чужому, уже родственному, а не родному, причем соединялись с ним вопреки своему обычному нежеланию к неразличимой слиянности с другим, неравным тебе самому. Сосуществование как вынужденный способ продолжения собственного существования не сразу становится потребностью и предметом упорядочивающих (организующих) усилий. Движение человеческой цивилизации от родо-племенной семейственности и потестарной организации сожительства к общностям государствообразного типа и от них к самоуправлению народа посредством самого народа по праву признано одной из фундаментальных цивилизационных тенденций в общей динамике становления организованной социальности [См.: 1; 2; 10; 13]. Однако в рамках этой общей тенденции можно обнаружить своеобразные, а порой и парадоксальные проявления логики исторического процесса. В наибольшей степени запутана и затемнена для научной рефлексии политическая сфера общественной жизни. Изучение конкретных обстоятельств, в которых политические субъекты реализуют свои цели в отношении объектов их политического интереса посредством имеющихся в их распоряжении инструментов политического управления, требует от исследователя каждодневного возобновления познавательных усилий и перегруппировки категориального аппарата политической науки и смежных областей знания. Этот исследовательский поиск, даже если он не ангажирован и не утилитарен, совершается, в конечном счете, для поиска оптимальных для данного социально-исторического континуума, равно как и для действующих в нем людских общностей и их вождей властных решений и корректирующих коллективных действий с учетом общего блага.

5. Нынешний этап общественной эволюции в его российской специфике может быть оценен политологически как период относительно мирного сосуществования различных экономических укладов и структурирования реформаторских классовых структур, соответствующих современному социализирующему капитализму в его политической ипостаси всепроникающего «развитого демократизма». Декомпозиция социальной реальности, доставшейся в наследство от советского государства, практически завершилась усилиями российской власти к концу первого десятилетия XXI в. Наступило время дивергентного поиска, соединенного с усилением «скрепляющей» функции государственного принуждения, для которой характерно нахождение соответствующих моменту балансов, в том числе между центробежными и центростремительными общественными тенденциями. В идеальном случае субъектам государственного властного влияния хочется иметь дело с саморегулируемыми и воспроизводящими нормальность человеческого существования социальными машинами, которые при этом способны генерировать инновации и быть открытыми для модернизационных технологических сдвигов в сторону тотального улучшения качества жизни граждан. Естественным союзником государственной власти в этом отношении должны быть носители «власти авторитета» в муниципальных образованиях, которые охватывают всю территорию страны, составляя ее основные части, но обладают при этом собственным политическим ресурсом и могут относительно свободно выбирать соответствующие своему времени и месту способы реализации государственных нормативных законоположений. Государственная политика в отношении местной власти в ближайшее время по сложившейся традиции будет и далее подвергаться существенной или внешней корректировке; при этом экспериментальной площадкой для отработки новых форм взаимодействия федеральной, региональной и местной власти станут, судя по

всему, крупные городские агломерации и возникающие на месте муниципальных районов городские округа нового типа.

6. Для выявления и ангажирования в сферу публичной политики способных к интеграции с ней социально ориентированных и лично пригодных индивидуальных субъектов выработано немало эффективных способов и методик. Однако основания для доминирования какого-то одного из них — к примеру, механизма «социальных лифтов» — всегда могут быть подвергнуты сомнению и критическому переосмыслению. Конкуренция не универсальна, хотя порой и эффективна [см.: 11]. Субъекты политического действия мотивированы объективными предпочтениями тех, кто составляет их массовую социальную опору, однако не могут не учитывать предпочтения высших органов и должностных лиц. При этом политические опыты и эксперименты в конце прошедшего века породили правомерное сомнение народов в возможностях демократии как формы правления ради благополучного обустройства массовидных человеческих дел. Стало общим местом, что механизмы защиты демократии способны быть обращены против нее самой, и одновременно выявилась неприемлемость игнорирования или дискредитации иных форм конфигурирования политического пространства и организации политического времени. Смыслоисторические основания современной картины мира также претерпевают внутренний надлом: становится необходимой смена ракурса воззрения на ранее определенные константы социально исторического бытия, поскольку их воплощение и применение в качестве нормативных ориентиров нередко оказывается политически неэффективным и дезавуируется усилиями пропаганды. Эффективность государства все более связывается с его умением услужить так или иначе недовольному носителю гражданских атрибутов и обеспечить тем самым улагодворение его путем удовлетворения заявленных им потребностей. Объектно-ориентированная политика программирования общественных состояний и структур дополняется субъектно-активирующей политикой воспитания проводников (агентов) упорядочивающего (регулирующего) влияния, которые, наряду с актерами и стэйкхолдерами, отвечают за социальное самочувствие и гражданскую идентификацию каждого дееспособного жителя, находящегося так или иначе в пределах достижимости. Субъектность местной власти как носителя политического, таким образом, дополняется субъектной и субъективной активностью «бывших» объектов ее управляющего воздействия, а сама внутренняя политическая морфология и соотношение политических потенциалов регулируется и подстраивается под масштаб и содержание возникающих «когниативных» (сотворенных-с-умом) ситуаций. На смену бинарной логике взаимодействия политических субъектов с политическими объектами приходит тернарная логика взаимодействия субъектов, объектов и обстоятельств, причем последние и создаются, и разрушаются, и воспроизводятся на своей собственной основе, но с участием заинтересованных лиц, общностей и групп. Такой поворот в подходе к феномену местных политических потенциалов и местной власти позволяет существенным образом оптимизировать способы применения на практике существующих политических теорий, а также отладить действующие механизмы и инструменты политического властвования, а тем самым — и управления общественным развитием¹.

7. Потенциальные возможности, равно как и принципиальные ограничения, приущие местной власти в Российской Федерации, наиболее зримо проявляются во взаимодействии с так называемым субнациональным уровнем власти, которые олицетворяют прежде всего органы власти соответствующего субъекта Федерации. Специфическая роль руководителей и аппаратов Федеральных округов, равно как и особая («медиационная») роль Полномочных Представителей Президента РФ заключается в осуществлении таких политико-властных и управленческих взаимо-

¹ См. об этом интересные и содержательные публикации Х. Вольмана, в частности [5] и [6].

действий с основными участниками (лидерами, сообществами и их альянсами), которые позволяли бы наиболее эффективно реализовывать установки и поручения Президента РФ и соответствующие запросы федеральных органов государственной власти. Собственная компетенция региональных (главным образом субъектов) властей в отношении системы местного самоуправления на подведомственной им территории законодательно выглядела некоторое время назад весьма ограниченной, однако на практике практически повсеместно осуществление компетенционных prerogatives предполагает жесткий и повседневный административный контроль за деятельностью органов местного самоуправления, а также учет их политической эволюции. Постоянно находясь на грани превышения собственных полномочий, региональная власть, которая чаще всего олицетворяется фигурой высшего должностного лица, в абсолютном большинстве случаев не встречает прямого сопротивления своим инициативам и достаточно редко сталкивается с фактами отставания местной властью собственных интересов. Однако такое положение вещей носит, на наш взгляд, временный характер. В этой связи региональная власть рано или поздно начинает вырабатывать собственные принципы и основные направления государственной политики в отношении местной власти и ее муниципальных институтов. Пример Ленинградской области, во многих отношениях эталонной в своей политике относительно муниципальных образований и их властных органов, демонстрирует практически весь спектр возможных политических конфигураций, которые влияют на расклады местных политических сил, действенность и эффективность региональных политических институтов, обеспечивающих непреложность местного присутствия государственного интереса (см., к примеру, [7; 8]). Перипетии и нюансы «малых» по масштабу, но весьма существенных по своей объективной политической значимости поступков, ситуаций и процессов, происходящих «на местах», могут (и это показывает пример Санкт-Петербурга [4]) послужить катализатором серьезных политических изменений в раскладе региональных политических сил, но могут оказаться и «камнем преткновения» для реализации модернизационных целей и программ. Муниципальная среда и местная власть способны существенным образом скорректировать траектории развития социальных, экономических и духовных процессов на территории субъекта Российской Федерации, используя для этого средства влияния, которые могут быть не менее эффективными, чем политические технологии государственного управления (примеры наблюдаемых воочию и частично описанных автором в публикациях процессов муниципального строительства в Астраханской области Российской Федерации середины и конца «лихих 90-х» в этом отношении могут быть оценены как весьма интересные и во многих отношениях поучительные). На данном этапе государственного строительства местная власть становится важным потенциальным «агентом влияния» на все составляющие российского общества, открытым для диалога со всеми политическими силами, и от того, кто и как сумеет ее «приручить» или «построить», зависит устойчивость складывающегося политического режима и темпы перехода страны к новому качественному состоянию.

Основой для соединения воедино изложенных выше совокупности положений может выступать, на мой взгляд, обобщение реальной практики регионального политического строительства, которое во многом определяется применяемой в том или ином субъекте Российской Федерации схемой конфигурирования политических отношений между представленными на территории региона агентами федерального влияния, собственными организационно-политическими ресурсами региональной государственной власти и совокупности местных сообществ, представляющих более-менее организованное целое, воспринимаемое региональным руководством в виде совокупного муниципального субъекта. Не слишком большое число основных сочетаний усилий и противостояний трех главных игроков на поле политических

взаимодействий разного рода дает достаточно богатый набор возможных вариантов при доминировании одной из групп участников политических процессов. Гармонизация существующих отношений — одна из задач, с которыми, как кажется, эффективнее всего справляются именно государственные власти регионального (или, в западном понимании, «субнационального уровня»). Однако при этом могут складываться (или могут быть сконструированы) ситуации, при которых муниципальная тематика привлекает внимание и требует воздействия федеральных властей (ставший уже классическим пример — ситуация в Пикалево Ленинградской области), или же, напротив, муниципальное событие играет роль катализатора совокупности событий на федеральном уровне (уникальный пока, но весьма показательный пример — превращение одного из депутатов ничем не примечательного муниципального образования Санкт-Петербурга в члена, а затем и Председателя Совета Федерации Федерального собрания России).

На мой взгляд, изложенная выше обобщенная концептуально-теоретическая схема может послужить опорой, базой, набором своего рода «реперных» точек, пусть и обозначающих пределы авторской компетентности в рассматриваемой проблеме, но в то же время пригодных для формулирования научно-политических задач и экспликации соответствующих шагов, связанных с утверждением новой управленческой модели для роста местных возможностей властного характера, до сего времени не вполне востребованных в России государственной властью. Не являясь формально специальным, стратегическим или приоритетным проектом нынешнего российского Правительства, развитие местной власти и муниципальной организации, их востребованных гражданами и населением политических качеств, приобретаемая на опыте проб и ошибок реальность воплощенной в лидерах и их группах поддержки властительности в виде особого и, главное, реализуемого на практике компетенционного набора полномочий и ответственности (а значит, в той или иной мере, и ее скрытого до поры политического потенциала) в направлении обретения этой властью адекватных ее внутренней специфике организационных форм и управленческих подходов поможет в обозримой перспективе достроить до целостности современную демократическую Россию, способную в этом отношении стать мировым политическим лидером нового типа, а также обогатит некоторым образом онтологию и гносеологию общей философии, методологии и теории публичного управления в ее государственно-ориентированном и муниципальном аспектах.

Литература

1. Александров В. Б. И. А. Ильин о «культуре повиновения» // Управленческое консультирование. 2014. № 4. С. 145–151.
2. Алибегилев Ш. А., Волков В. А. Цивилизационная идентичность России как вектор современной государственной политики // Управленческое консультирование. 2016. № 5. С. 19–26.
3. Баранец С. Н. Тирания смысла. Философские рассуждения о социальной логике истории. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2013.
4. Витковская Т. Б. Локальная политическая элита в условиях общественных трансформаций // Управленческое консультирование. 2011. № 1. С. 100–111.
5. Вольман Х. Публичные услуги — между муниципальным и частным сектором: «возвращение коммун»? // Управленческое консультирование. 2014. № 5, 6.
6. Вольман Х. Административные реформы и модернизация системы публичного управления на местном уровне в Германии // Управленческое консультирование. 2014. № 7. С. 104–115.
7. Леонтьева А. Н., Виноградова М. В., Шумилов М. М., Кекконен А. А. Современные вызовы развитию местного самоуправления в России и Норвегии // Управленческое консультирование. 2016. № 3. С. 129–143.
8. Макаров И. И. Принципы проведения правовых экспериментов в организации местной власти: взгляды советских юристов // Управленческое консультирование. 2013. № 1. С. 22–28.

9. Мау В. А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016.
10. *Потестарность: генезис и эволюция* / Отв. ред. В. А. Попов. СПб. : МАЭ РАН, 1997.
11. Ровинская Е. И. Конкурентный подход в развитии системы местного самоуправления Украины // *Управленческое консультирование*. 2014. № 3. С. 126–132.
12. Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М. : Волшебный ключ, 2008.
13. Филиппов Г. Г. Организация в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

Об авторе:

Баранец Сергей Николаевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук; brnts@rambler.ru

References

1. Aleksandrov V.B. I. A. *It's in on the «culture of obedience»* // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 4. P. 145–151. (In rus)
2. Alibegilov Sh. A., Volkov V. A. *Civilizational identity of Russia as a vector of modern state policy* // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 5. P. 19–26. (In rus)
3. Baranets S. N. *The tyranny of meaning. Philosophical reasoning about the social logic of history*. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2013. (In rus)
4. Vitkovskaya T. B. *Local political elite in conditions of social transformations* // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2011. N 1. P. 100–111. (In rus)
5. Wollmann H. *Public services – between the municipal and private sectors: «the return of communes»?* // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 5, 6. (In rus)
6. Wollmann H. *Administrative reforms and modernization of the public administration system at the local level in Germany* // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 7. P. 104–115. (In rus)
7. Leontieva A. N., Vinogradova M. V., Shumilov M. M., Kekkonen A. A. *Modern challenges to the development of local self-government in Russia and Norway* // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 3. P. 129–143. (In rus)
8. Makarov I. I. *Principles of conducting legal experiments in the organization of local government: the views of Soviet lawyers* // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 1. P. 22–28. (In rus)
9. Mau V. A. *Crises and lessons. Economics of Russia in the era of turbulence*. Moscow : Publishing House of Gaidar Institute [Izdatel'stvo Instituta Gaidara], 2016.
10. *Potestarity: genesis and evolution* / Ed. by V. A. Popov. St. Pb. : MAE RAS, 1997. (In rus)
11. Rovinskaya E. I. *A competitive approach in the development of the system of local self-government of Ukraine* // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 3. P. 126–132. (In rus)
12. Semenov Yu. I. *The political («Asian») mode of production: the essence and place in the history of mankind and Russia*. M. : Publishing House «The Magic Key», 2008. (In rus)
13. Filippov G. G. *Organization in the mechanism of political power*. SPb. : Publishing House of the NWAPA, 2008. (In rus)

About the author:

Sergei N. Baranets, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy; brnts@rambler.ru

Концептуализация понятия «гибридная война» в социально-философских исследованиях

Кривко М. А.

Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Российская Федерация; kr_m@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье предпринимается попытка концептуализации популярного в современной политологии и философии понятия «гибридная война» через анализ теорий Ф. Хоффмана, М. Хардта, А. Негри и К. Шмитта. В ответ на дискуссии о правомерности использования термина «гибридная война» и попытки всем войнам в истории человечества приписать качество «гибридности», автор предлагает легитимизировать понятие «гибридная война» по отношению к военным конфликтам современности.

В качестве составляющих, придающих войне качество гибридности, предлагаются: асимметрия в применении вооруженных и информационных ударов; переход пространства войны в область символического; масштабность участия сетевых партизан.

Ключевые слова: гибридная война, классическая война, постмодерн, концептуализация, тотальность, информационный удар, сетевой партизан

Conceptualization of the Notion of «Hybrid Warfare» in Socio-Philosophical Research

Krivko M. A.

Mikhaylovskaya Military Artillery Academy (Saint-Petersburg, Russian Federation); kr_m@mail.ru

ABSTRACT

The article attempts to conceptualize the notion of “hybrid warfare”, popular in modern political science and philosophy, through analyzing the theories of Frank Hoffman, Michael Hardt and Antonio Negri, and Carl Schmitt. In response to the debates over the appropriateness of using the term “hybrid warfare” and attempts to attribute the quality of “hybridity” to all wars in the history of mankind, the author suggests legitimizing the concept of “hybrid warfare” in relation to the military conflicts of our age. The author proposes that the following elements give the war the quality of hybridity: asymmetry in the use of military and information attacks, transition of warfare from a battlefield to the symbolic order and the large scale of participation of network guerrillas.

Keywords: hybrid warfare, conventional warfare, postmodernity, conceptualization, totality, information attack, network guerilla

---

Война как одна из форм человеческой деятельности претерпевает существенные изменения вместе с историческим развитием общества. В настоящее время изменились «правила войны», поскольку невоенный инструментарий начинает быть эффективнее военного. Он подразумевает политические, экономические, информационные, гуманитарные методы, активизирующие протестный потенциал населения. К ним добавляются также скрытые военные средства. Становление общества в эпоху постмодерна, нарастающие процессы глобализации ведут к ослаблению суверенитета национальных государств, к возникновению такой формы войны, которую называют «гибридной». Гибридные войны, по общему определению, — это вид враждебных действий, при котором атакующая сторона не прибегает к классическому вторжению, а разрушает оппонента, комбинируя подрывные операции, саботаж, кибервойну и поддержку повстанцев на территории противника.

В последние годы словосочетание «гибридная война» стало одним из самых часто употребляемых в научном и журналистском дискурсе. Число публикаций, рассматривающих те или иные аспекты гибридной войны, растет в геометрической прогрессии, но при этом не происходит ни окончательной концептуализации феномена, ни создания цельной теории гибридной войны; напротив, размывается сам термин, возникают многочисленные трактовки и концепции, а исследования приобретают зачастую публицистический характер.

В современной науке существует необходимость обоснования и правомерно-го использования самого термина «гибридная война» и установления онтологического и гносеологического статуса данного феномена, а также определения соответствия качества «гибридности» конкретным историческим событиям и войнам.

Вопрос о том, является ли гибридная война присущей исключительно информационному обществу или в каждом периоде истории, начиная с античности, можно выявить оригинальную гибридную войну — открыт. Данная статья представляет собой гносеологическую попытку концептуализировать понятие «гибридная война».

Термин «гибридная война» в научном дискурсе стал применяться с момента опубликования статьи «Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars» американских военных публицистов Д. Мэттиса и Ф. Хоффмана в 2005 г. [6]. В дальнейшем Ф. Хоффман публиковал свои исследования самостоятельно.

Концепция, предложенная Ф. Хоффманом, концептуализирует гибридную войну на основе асимметрии ее компонентов, в качестве определяющего фактора рассматривая перераспределение ролей: война становится гибридной, когда при взаимодействии сторон основным ресурсом воздействия на противника являются не вооруженные силы, а партизанские действия в его тылу, диверсии (в первую очередь информационные), работа с населением. Анализируя военную историю, Ф. Хоффман использует термин «асимметричная компонента», понимая под ним форму приложения основного удара.

В классической, «симметричной войне», усилия противников сконцентрированы непосредственно в поле вооруженного конфликта. В гибридной войне происходит оттягивание сил одного из противников от основного театра войны и создание затруднений социального характера, препятствующих эффективному управлению армией и взаимодействию с собственным народом, а также нарушению функционирования социальных институтов и сфер общественной жизни, размыванию основ культуры.

Расширение пространственно-временного континуума современной войны, заключающееся в охвате пяти сфер — сухопутной, воздушной, космической, морской и информационной, за счет вовлечения новых аттракторов военного воздействия и перехода войны из «реального» бытия в виртуальное изменяет темпоритмы войны, делают ее фактически «нескончаемой» и имплицитно включенной в жизненный мир человека. «Гибридность» позволяет использовать прошлое в качестве оружия в настоящем, за счет идеологических диверсий, осуществляя подмену понятий в исторической памяти противника. В гибридной войне становится трудно определить время ее начала и завершения, поскольку воздействие то обостряется, то ослабевает, неясность придает гибридной войне свойство протяженности в социальном масштабе.

Ф. Хоффман, анализируя формы ведения Второй ливанской войны между Израилем (при поддержке США) и радикальной шиитской группировкой «Хезболла» (2006 г.), заключает, что возникают феномены для адекватного анализа которых в гуманитарном знании не существует соответствующих концепций. Рассматривая военные действия с точки зрения реализации интересов США, Хоффман приходит к выводу о том, что «Хезболла» в ответ на действия Израиля, использовала все

тактики одновременно, применяя не только методы террора, но и активность криминальных элементов и возможности негосударственных структур. К примеру, в течение двух лет лидеры «Хезболлы» обсуждали обмен якобы «живых» пленных израильских солдат, не давая возможности выяснить живы ли они на самом деле. В реальности, солдаты были уже мертвы, и в дальнейшем произошла выдача трупов. Опыт Второй ливанской войны оказал решающее влияние на реформирование тактики и стратегии американской военной доктрины, осмысление гибридного характера проводимых операций и военных действий.

Хоффман не является единственным автором термина «гибридная война», но его вклад в теоретизацию и осмысление нового понимания войны, включающей в себя целый набор нетрадиционных тактик, а также вовлечение неклассических агентов-участников в военные действия, признается большинством военных исследователей. При этом, концепция Хоффмана не свободна от недостатков, подвергается обоснованной критике. Существуют оригинальные точки зрения о том, что само введение термина «гибридная война» и оттягивание сил научного сообщества на ее исследования является непосредственно формой ведения этой самой войны. К примеру, Ю. Першин остерегает от массовости его применения, рассматривая сам термин в качестве «интеллектуального вируса» [1].

Популяризация данного понятия, его сверхширокое употребление, с одной стороны, делает саму тему переосмысления структуры военных конфликтов и вовлечения в них разных групп населения важной для разработки адекватных происходящим переменам взглядов на современное понимание войны в целом. С другой — размывает сущность понятия и отвлекает от информационной составляющей военных конфликтов.

Целый ряд книг и статей, посвященных исследованию гибридной войны, реализуют исключительно позицию демонизации России как единственного актора гибридной войны, не принимая в расчет тот факт, что первенство исследований по разработке технологий информационных ударов принадлежит именно США. Украинский исследователь и политтехнолог Г. Почепцов, автор ряда книг по гибридной войне, является активным пользователем соцсетей и автором блога, в котором, придавая своим исследованиям «научную форму», фактически реализует при исследовании феномена гибридной войны антироссийскую идею «Россия — Империя зла» [2]. «Академическое письмо» в статьях и книгах Г. Почепцова подменяется манипулированием читателем за счет мимикрирования текстов под «научные исследования». При этом Почепцов в публичном дискурсе и интернет-пространстве обязательно говорит о том, что в 90-е годы получал приглашение от ведущих российских вузов возглавить те или иные научные сообщества, тем самым приписывая своим высказываниям легитимность и выдавая себя за главного специалиста по гибридной войне. Данный пример показывает как легко ученому, интеллектуалу, в попытке исследования гибридной войны стать агентом создания новых смыслов и своеобразным рупором информационных атак в межгосударственных отношениях.

В одном из первых определений гибридной войны, данных Хоффманом, особое внимание уделялось действиям партизан и усилению влияния информационных, психологических «подрывных» операций в тылу противника на общий исход противоборства. В диалоге с Хоффманом свою концепцию гибридной тотальной партизанской войны предлагает К. Шмитт [5].

Партизанская составляющая рассматривается как мощный участник военных действий, как «глобальный террорист». Если в доинформационном обществе действия партизан осуществляются в области периферии военного конфликта, сами партизаны не рассматривались как серьезные агенты влияния и не становились в центр общественного дискурса, то при постмодернистском социальном

порядке именно партизаны признаются в качестве и медийных фигур, и важных регуляторов военных действий. Например, в военном конфликте в Украине сформировался целый новый «иконостас» героев-партизан с соответствующей ритуализированной формой почитания и включенности в медийный дискурс. События в Сирии и Ливии также подтверждают факт усиления «партизанского» участия в военных действиях.

В гибридной войне меняется статус, социальная маркированность и социально-психологические особенности партизана. Если в классических войнах прошлого партизанами обычно становились непрофессионалы, маргиналы, не имеющие военного образования люди с низким социальным статусом, иногда даже имевшие преступное прошлое до начала самой войны, то в информационном обществе партизан — это уже вовсе не Иван Сусанин, в лаптях и с топором, а образованный, зачастую социально успешный лидер. Особенность современного партизана — его активная жизненная позиция, интенсивная политическая ангажированность, повышенная мобильность и высокий уровень участия в социальной коммуникации в интернете.

Партизан XIX — нач. XX вв. позиционируется культурой как национальный герой, почвенник, имеющий неразрывную связь со своей землей и вынужденный проявлять агрессию только в случае прямой угрозы противника. Действия партизан в классической войне легитимизируются самой культурой, оправдывающей их действия любовью к Родине и защитой родной земли; партизан обороняется, а не нападает. В гибридной войне действия партизан уже трудно оценивать на основе противопоставления оборона/нападение. Современные партизаны уходят не в леса, а в интернет, где инициируют информационные атаки, отличающиеся внезапностью, хаотичностью и масштабным вовлечением большой аудитории. Информационные подрывные действия партизан не всегда сопровождаются выходами толп на улицы, но приводят к раскачиванию общественных настроений и оттягиванию энергии противника от непосредственного конфликта.

К. Шмитт считает, что современные партизаны выступают как сетевые террористы, своими действиями стирающие различия между войной и миром и смещающие военные задачи в сторону задач полицейского регулирования. Зачастую современные партизаны не персонализированы, они выступают как интернет-персонажи, маски, условные фигуры. Если в классической войне партизанское движение ослаблялось с уничтожением физических тел конкретных людей, то современный партизан фактически неуточним, поскольку выступает скорее как символ, как сетевое явление, диффузное и трудно сдерживаемое даже попыткой запрещения или регулирования соцсетей.

Анализ феномена современной войны как тотальности был изложен в теории М. Хардта и А. Негри, в которой гибридная война рассматривается как тотальная война Империи. Описывая трансформации современного общества, М. Хардт и А. Негри в своем анализе на первый план выводят символическую и эмоциональную составляющую взаимодействия человека и социума [4, с. 420]. Политические и экономические процессы, размывающие границы национальных государств, приводят к потере национального контроля за социальными процессами и монополии на контроль за практиками социализации в рамках национальных культур.

В экономическом смысле в современном обществе наряду с индустриальным производством реализуется «неовещественный», символический труд по производству символов, смыслов, «новых традиций» и эмоциональных реакций. Если в индустриальном обществе неравенство основывалось на материальном праве собственности, то в обществе информационном социальное неравенство первоначально переходит в сферу символического, а непосредственно владение материальными благами становится следствием возможности тотального контроля за

сферой символизации и способности управлять социальными интересами, эмоциональными реакциями и настроениями.

Социальное неравенство, невозможность участвовать в конкуренции за символические и материальные блага приводят, по мнению М. Хардта и А. Негри, к нарастанию в повседневной жизни общества настроений ощущений угрозы, повышенной агрессивности, ненависти к «другому», которые в индустриальном обществе были свойственны состоянию военного конфликта. Не находясь формально в состоянии войны, общество постоянно транслирует ощущение опасности, которое становится объектом манипуляции в политической, дипломатической и экономической сфере. Современный военный конфликт моментально переходит в сферу тотальности, вовлекая все социальные сферы и социальные институты, затрагивая не только, и не столько тела, сколько эмоции, психические реакции и ментальность. В политическом смысле война с внешним врагом перестала отличаться от гражданской войны.

На основе концепции М. Хардта и А. Негри отечественный исследователь И. Н. Сидоренко рассматривает теорию гибридной войны как тотальную войну, выделяя в качестве характерных черт этой войны следующие: стирание различий внутри социальных сфер, между социальными институтами, агентами управления и власти (например, между полицией и армией), стремление власти осуществлять контроль за порядком не на основе легитимности, а на основе контроля за информационными потоками и с применением страха и силы [3].

Сами же авторы теории современной войны как тотальности — Хардт и Негри в антиутопическом ключе описывают современный политический и социальный порядок как «Глобальную Империю», управляющую при помощи страха и силы. Свои интересы Империя выражает через действия США и союзников, выкачивающих ресурсы из периферии. Войны, которые Империя ведет с теми, кто не поддерживает ее идеологию, имеют сетевую природу. Терроризм становится важнейшим объектом для манипулятивных практик Империи, поскольку борьбой с ним оправдывается реализация собственных интересов и абсолютно любое насилие. Война Империи тотальна. Единственной силой, способной противостоять Империи, по мнению М. Хардта и А. Негри, становится мир Множества, состоящий из «сингуляриев», способных критически осмыслить действия Империи и эмоционально ей не поддающихся. Однако перед Множеством стоит важная задача: «трансформировать свое сопротивление в какую-то форму конституирующей силы, создающей общественные взаимоотношения и институты нового социума».

Теория Империи эстетически довольно привлекательна для большинства читателей, в чем-то даже киногенична (достаточно вспомнить о знаковом для целого поколения людей конца прошлого века фильме «Матрица»). При чтении книг М. Хардта и А. Негри невозможно не вспомнить о дискурсивных практиках времен холодной войны. Но эта теория позволяет выделить основные свойства гибридной войны и концептуализировать этот феномен.

Рассмотренные выше теоретические концепции гибридной войны позволяют аргументированно спорить с авторами, считающими гибридную войну «вымыслом», или выделяющими качество гибридности во всех войнах в истории человечества. Для того чтобы эффективно противостоять информационным ударам и не поддаваться на псевдонаучные провокации, следует ограничить поле применения термина «гибридная война» при исследовании военных конфликтов. Война становится гибридной, когда в операциях противника происходит смещение баланса в сторону невооруженных участников, вовлекается интернет и социальные сети как пространство «военных фронтов», затрагивается менталитет, традиции, общественное мнение и социокультурные установки страны-участника межгосударственного противоборства.

Литература

1. Першин Ю. Ю. «Гибридная война» как интеллектуальная провокация // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. № 1. С. 80–88.
2. Почепцов Г. Слова і смисли. Україна і Росія в інформаційній і смисловій війнах. Київ, 2016.
3. Сидоренко И. Н. Тотальная война: феномен XXI века // Труды БГТУ. 2016. № 5. С. 120–124.
4. Хардт М., Негри А. Множество: Война и демократия в эпоху Империи / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Культурная революция, 2006.
5. Шмитт К. Теория партизана. М. : Праксис, 2007.
6. Mattis J. N., Hoffman F. G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // US Naval Institute Proceedings Magazine. November 2005. Vol. 132/11/1, 233. P. 18–19.

Об авторе:

Кривко Марина Александровна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук; kr_m@mail.ru

References

1. Pershin Yu. Yu. "Hybrid war" as intellectual provocation // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural science [Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya]. 2015. N 1. P. 80–88. (In rus)
2. Pocheptsov G. Words and meanings. Ukraine and Russia in information and semantic wars. Kiev, 2016. (In ukrainian)
3. Sidorenko I. N. Total war: phenomenon of the 21st century // Works of BSTU [Trudy BGTU]. 2016. N 5. P. 120–124. (In rus)
4. Hardt M., Negri A. Multitude: War and democracy in the Age of Empire / under the editorship of V. L. Inozemtsev. M.: Cultural Revolution, 2006. 508 p. (In rus)
5. Schmitt C. Theory of the Partisan. M. : Praxis, 2007. 304 p. (In rus)
6. Mattis J. N., Hoffman F. G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // US Naval Institute Proceedings Magazine. November 2005. Vol. 132/11/1, 233. P. 18–19.

About the author:

Marina A. Krivko, Senior Lecturer of the Chair of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Mikhailovskaya Military Artillery Academy (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy; kr_m@mail.ru

К вопросу о формировании новой политической науки в современной России

Прошина Е. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; elena_proshina@mail.ru

РЕФЕРАТ

В данной статье содержатся размышления автора о необходимости уточнения основных понятий, бытующих (принятых) в нашей современной политологической литературе, таких как «политика», «культура», «политическая культура», «гражданское общество», «гражданская культура» и др. Автор утверждает, что это уточнение понятий может оказаться полезным в формировании новой российской политической науки, учитывающей специфические национальные особенности исторического и современного развития страны. Статья предлагается автором как первая из серии его статей по означенной проблематике и предполагает дальнейшее развитие дискуссии о предмете, концептуальном аппарате и методологии российской политической науки.

Ключевые слова: политическая наука, политическая культура, либерализм, консерватизм, национальная модель развития

The Formation of New Political Science in Modern Russia

Proshina E. M.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; elena_proshina@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the necessity of clarifying basic definitions accepted in our modern political science, such as «politics», «culture», «political culture», «civil society», «civic culture» and others. The author argues that this clarification of concepts may be useful in the formation of a new Russian political science, which would take into account specific national features of the past and present development of the country. The present piece is meant to be the first of a series of articles by the same author in whom she intends to further develop the discussion on the object, concepts and methods of Russian political science.

Keywords: political science, political culture, liberalism, conservatism, the national model of the development

---

Введение

Сегодня проблема формирования новой российской политической науки встает со всей очевидностью. Впервые эта проблема появилась еще в начале 90-х гг. XX в. на рубеже нашей советской истории. Марксистско-ленинская политическая наука, которая в течение 70 лет безраздельно господствовала в СССР, начала сдавать свои позиции, а с отменой КПСС и распадом страны реально встал вопрос о необходимости новой политической науки, базирующейся на новой идеологии. Конституция РФ 1993 г. содержала целый ряд статей, четко фиксирующих в соответствии с современными международными документами, права и свободы человека и гражданина, причем статьи 27–29, 35, 44 и некоторые другие особенно подчеркивали либеральный характер нового общественного устройства страны.

Первые же учебники политологии, появившиеся в начале 90-х гг. XX в., в основном были ярким свидетельством отказа авторов от материалистическо-диалектического подхода старой советской школы и принятия иной политической науки, построенной чаще всего на американских источниках. Бихевиористский принцип осмысления материала, уже прошедший на Западе свой «зенит» в 60-е годы XX в., в новой России занял ведущие позиции. Политическая наука превратилась в «политологию», т.е. науку о политике. Можно рассматривать это, конечно, как игру слов, казалось бы, какая разница «политическая наука» или «наука о политике»? Но бихевиористский подход (метод, принцип), основанный на позитивизме О. Конта (позаимствовавшего, мягко говоря, по утверждению Сен-Симона, его рукописи), диктовал достаточно жестко свои условия исследователям политики. Сама политика — «наивысшая из наук», по определению Аристотеля, превращалась в нечто вроде подопытного кролика, бактерию, молекулу, бабочку или цветок, для исследования которых можно было использовать только естественные, точные методы. Результаты таких исследований и должны были составить массив этой новой науки, ее основные принципы были изложены в новых учебниках по политологии, в статьях ведущих американских и многих российских политологов.

Трудно отвергать достоинства этого подхода и в этом нет нужды. Но все выводы этих работ были построены на опыте, очень далеком от опыта и истории России, только что вышедшей из беспримечной в истории человечества общественной модели, которую советские исследователи утопического сознания неоднократно называли реализацией вековой мечты человечества о коммунизме, т.е. как бы «осуществленной утопией» (по выражению Г. Маркузе)¹. В этом определении таится глубокий (двойной) смысл. Это можно понять как признание героического подвига советских людей, попытавшихся осуществить заведомо неосуществимое. Отсюда тот энтузиазм широких народных масс, которые строили и защитили в Великой войне свою страну. Но это и объяснение неизбежности тех страшных, репрессивных, методов, с помощью которых страна создавалась.

Перестройка и 90-е годы XX в. — попытка построения государства российского на основе чужого опыта, попытка перескочить из эпохи «развитого социализма» в развитый капитализм, минуя многовековой путь постепенного капиталистического развития, была заведомо утопической. Опыт дореволюционной России, прошедшей по пути капиталистического развития лишь несколько ступеней, едва ли мог быть использован, а опыт сотрудничества с индустриально развитым Западом после развала СССР не мог заложить основы ни подъема экономики, ни гармонического развития нового российского общества. Понимание неминуемой катастрофы жило в российском общественном сознании все 90-е годы XX в.

Почти два первых десятилетия XXI в. были годами не только преодоления последствий процессов 90-х, но и попыткой создания нового осмысления гражданами России собственной значимости и идентичности. На пути формирования новой отечественной политической науки оказалось множество препон, среди которых важное место занимает ситуация, сложившаяся в нашем «идеологическом поле». Дискуссии о национальной модели развития, о типе российской модернизации приобретают все более острый характер.

Об особенностях этой ситуации нам уже приходилось говорить в статье 2013 г. [8]. Положение к началу 2018 г. еще более усугубилось в связи с осложнениями в области международной политики, связанными, прежде всего, с успехами новой России на пути формирования системы собственной безопасности. А это, по нашему мнению,

---

¹ Известно, что само понятие «утопия» в переводе с греческого буквально означает «место, которого нет», и что уже автор первой коммунистической утопии Т. Мор признавал, что идеальное государство, описанное им, скорее «желательно, нежели осуществимо» [7].

невозможно без развития политической и гражданской культуры общества, одним из важнейших элементов которой является политическая наука новой России. И это должна быть именно **национальная** политическая наука, внимательная к опыту и мысли других государств, но использующая этот опыт в интересах своего народа и своей страны, действуя по своим историческим «лекалам».

Материалы и методы

Подход к решению этой задачи должен быть начат, по нашему убеждению, со ставшего уже привычным в научной и популярной литературе требования «уточнения понятий». Разумеется, это может и должно быть сделано с опорой на лучшие образцы классической политической мысли, условно, от Аристотеля до Гегеля¹. Нельзя, ни при каких условиях, пройти мимо теоретического и практического наследия Маркса и Энгельса, учитывая тот факт, что современная российская действительность, только что вышедшая из советской истории, во многом сохраняет влияние марксизма. И, конечно, нельзя обойтись без критического анализа того, что сделано в современной мировой политической науке в XX — нач. XXI в., так как знать это необходимо, но следовать этому надо с великой осторожностью.

Но **в основу** этой новой политической науки России как национальной политической науки (по аналогии с американской, французской и т. д.) необходимо положить лучшие образцы именно русской политической мысли с древнейших времен до начала XX в., выделив особым образом «советский этап» развития политической мысли, наконец, обратив пристальное внимание на *утрату российской идентичности* в 90-е годы XX в. и своеобразное приспособление — в этот период и до настоящего времени — западной политической терминологии к исследованию политического процесса и политических институтов современной России.

О каких же понятиях, требующих уточнения, идет речь в первую очередь? Прежде всего, это «политическая культура», «гражданское общество», «гражданская культура». Не обойтись также именно нам, российским исследователям, без уточнения понятия «интеллигенция» и таких идеологических конструкций, как «консерватизм», «либерализм»; понятий «демократия», «либеральная демократия» и др.² Вполне закономерен вопрос, мыслимы ли эти понятия вне исторических и национальных особенностей стран и народов, сохраняют ли они именно то содержание, которое вложено в них создателями этих понятий?³

Одно дело принять термин, другое — осмыслить его наполнение. Термин — это название, «имя» явления. Так, изначально греческий термин «политика» был обозначением нового явления, особого рода деятельности по управлению новым общественным организмом — *полисом* (градом, городом, государством), где имманентно присутствовала идея управления «множеством жителей полиса», «*политес*» (гражданами), что следует из самого происхождения слова, его этимологии. Напомним также, что граждане в полисах Древней Греции в среднем составляли не более 50% населения, а демос — наиболее многочисленная, но при этом наименее обеспеченная часть полноправных граждан — менее трети всего населения полиса. «Полития» Аристотеля потому и называлась им и последующими мыслителями «лучшей из возможных форм правления», что она имела в виду управление полисом силами

¹ Называю эти имена, поскольку именно в них вижу опоры для развития своих предложений.

² Разумеется, в небольшой по объему статье мы не сможем раскрыть все аспекты проблемы. Этот анализ будет продолжен и развит в след. статьях по данной теме.

³ Утвердительный ответ очевиден и даже оправдан, когда это заявляют американские политологи, подобные Л. Даймонду, по мнению которого даже такие дикие племена, как тау-реги, немедленно придут к западной цивилизации, стоит их ознакомить с ценностями либеральной демократии [5].

«среднего класса», объединявшего собственников среднего достатка и демос, что увеличивало численность участников принятия управленческих решений¹ [1]. Отметим также, что совокупность полноправных граждан, принимающих участие в управлении полисом, в античных демократиях, носила название «гражданская община». В Спарте, в частности, такая община, именуемая «Общиной равных», временами насчитывала немногим более сотни человек, а управляла она самым большим по территории полисом Древней Греции.

В Древних государствах Востока, хотя там были города и даже ранее, чем в Атике, не было категории граждан, государство не носило название — «полис» и называлось — «царство». Отметим, что по В. Далю, русское слово «государство» означает «царство, империя, королевство, страна под управлением государя» [6].

Все эти уточнения нам будут нужны, чтобы проследить происхождение и историю некоторых сегодняшних понятий.

По Гегелю, «сущность есть бытие», а «бытие должно являть себя» [3, с. 264–267]. Явление так и понимается, как проявление бытия. Само же понятие — это представление (понимание, рефлексия) о явлении, с претензией выявления его сути. Словосочетание в латинском языке — «*per se*» (когда мы говорим, например: «политика как таковая ...») и есть указание на то, что дальше следует нечто, содержащее самую суть явления. Это часто употребляемое словосочетание, но, к сожалению, оно нередко используется не для того, чтобы открыть суть, а просто для того, чтобы дать новое, именно свое, определение понятия².

Авторы учебников политологии утверждают о наличии более сотни определений термина «политика»³. И почти с каждой новой исследовательской работой число этих определений увеличивается.

Все эти определения могут быть, по нашему мнению, размещены в поле от определений политики как «важнейшей из наук» (Аристотель), как «искусство жить сообща во имя Общего Блага» (Платон) до определения типа «политика — дело грязное». Это, последнее, определение — бытовое, но оно широко распространено разнообразными критиками политики. Отметим, что и выражение «политический подход» употребляют часто в зависимости от ситуации, то в иронически-уничжительном плане: «ну, это *политический* подход!?!», то, в особенно ответственных случаях, восклицают уважительно-требовательно: «здесь нужен *политический* подход!».

Между этими пограничными определениями располагается их основная масса, фиксирующая, как правило, отдельные функции политики, например, целеполагание — «способ достижения коллективных целей» (Т. Парсонс), дистрибутивная — «способ распределения ценностей в обществе» (Д. Истон) и т. п. Значительна в этом плане позиция М. Вебера, который, вводя определения политики в широком и узком смысле, находит это явление во всех сферах человеческой жизни, где есть место «самостоятельному руководству». Но базовое определение политики Вебером — «стремление к власти», несомненно, отражая важную мысль о связи политики и власти, как бы сводит политику исключительно к завоеванию власти [2, с. 646].

Таким образом, суть политики оказывается далеко не однозначной у авторов. Между тем сам термин — «политика» может быть буквально понят «как наука,

¹ Характерно, что термин «полиархия», введенный американским политологом Р. Далем в XX в. в качестве термина, наиболее полно, по его мнению, выражающего идею современной либеральной демократии и означающий «власть многих», близок с точки зрения содержания к термину Аристотеля.

² Замечательно об этом сказано в словах знаменитой песни «Лестница в небо»: «Sometimes all of our thoughts are misgiven».

³ Мне, правда, никогда не доводилось увидеть этого списка, так же, как списка из более чем 500 определений понятия «культура», упоминаемого культурологами.

искусство, умение управлять государством». Более высокое и ответственное дело трудно себе представить, особенно сегодня в нашей стране. Но для того, чтобы его реализовать и для того, чтобы оценить этот труд, нужен исключительно высокий уровень политической культуры как лидеров, так и граждан страны.

Результаты

Принято считать, что каждый автор имеет право на свое определение того или иного понятия, поскольку так или иначе в этом определении возможно содержится частица сущности самого явления. Но представляется необходимым, чтобы в начале своих рассуждений автор предъявил читателю это свое определение понятия. Чаще всего, однако, в одной и той же научной работе понятие употреблено во множестве значений. Думаю, что могут существовать и появляться новые значения понятий в зависимости от исторических ситуаций и национальных особенностей. Но при этом понятие «как таковое», т. е. выражающее саму суть явления (**per se**), должно имманентно присутствовать и главенствовать в мыслительном процессе исследователя. Иначе мы постоянно будем говорить о разном.

То же можно сказать о понятии «культура». Чаще всего авторы в поисках истоков этого термина обращаются к самому раннему значению слова «культ», связывая его с практикой культивирования земли, т. е. облагораживания ее с целью принесения пользы человеку. Вот эти идеи «облагораживания и пользы» и составляют, по нашему мнению, основной смысл понятия «культура» и основное ее предназначение в мире социальном.

В противном случае, могут быть предложены термины «антиполитика» и «антикультура».

Принципиально важным для нас является понимание феномена культуры Г. В. Ф. Гегелем. Перечисляя практически все основные формы человеческой деятельности и ее достижения, он делает вывод: «Культура включает в себя все формы проявления «объективного духа данного народа» [3, с. 264–267].

Это, возможно, и есть то, что мы называем сегодня понятием «идентичность», т. е. тождественность самому себе в своей превосходной форме, а именно — тождественность высшим достижениям совокупного человеческого труда и ума. Думаю, что наличие «объективного духа» в стране и осознание его народом как высшей ценности и есть путь к национальной идентичности. А, возможно, именно ее суть!

В связи с вышеизложенным трудно согласиться с утверждением американского социолога Н. Смелзера, что «культура в жизни людей осуществляет ту же функцию, которую в жизни животных выполняет их генетически запрограммированное поведение» [9, с. 42]. Очевидно, что у животных нет пресловутой «свободы воли», которая, с одной стороны, нарушает «генетически запрограммированное поведение» человека, но, с *другой* стороны, делает его именно Человеком, способным как на героические подвиги — самопожертвование во имя спасения Родины или из религиозных и идейных соображений, так и обрекая его на пороки, вредящие ему самому, его близким, обществу в целом. Эта, *другая*, сторона поведения человека определена именно культурой, в том широком и высоком смысле, который дан в гегелевской формуле и включает в себя, в частности, и науку, и политику, и искусство, и технику. Таким образом, можно утверждать, что Гегель считал и «науку о политике» производной от культуры, одним из ее элементов.

То, что в настоящее время охватывается понятием «политическая культура», являлось предметом внимания многих мыслителей, в том числе Аристотеля, Н. Маки-

авелли, Ш. Монтескье, Г.-Ф. Гегеля, А. де Токвиля, М. Вебера, Н.Я. Данилевского, Н.А. Бердяева и других¹.

В контексте наших размышлений представляется особенно важным упомянуть имя немецкого философа и историка культуры Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803), который, по утверждению исследователей, первым ввел термин «политическая культура» в своем фундаментальном сочинении «Идеи к философии истории» (1784–1791) [4]. Несомненной заслугой философа можно считать факт, что, выдвигая (еще до Гегеля) в качестве основных такие элементы культуры, как язык; государство; семейные отношения; религию, искусство, науку и т.д., он обратил особое внимание на зависимость политической культуры от географических факторов и национальных особенностей. Позже, в 1835 г., ярко проиллюстрировал эту мысль Гердера А. Токвиль в своем труде «О демократии в Америке» [10].

Размышления и опыты выдающихся мыслителей прошлого и настоящего дают нам основания ставить и решить положительно вопрос о правомерности существования национального типа как политической культуры, так и находящейся под ее влиянием политической науки. Политико-культурный подход, как принято его называть, или, как мы бы теперь его обозначили, «культурно-политический», базируется не на противопоставлении политики и культуры, а на принципе их гармонического соединения, на создании некоей «симфонии», идея и суть которой и выражается в понятии «политическая культура». Нам известно понятие «симфония властей» как формула идеального взаимодействия церкви и государства и она вполне реальна, поскольку и религия и политика являются элементами культуры. К тому же, возможно, религия — один из определяющих, главных ее элементов, так как религия способна совершенствовать душу и тем самым способствовать человеческому совершенствованию и взаимопониманию, вне которых невозможна жизнь в обществе. Мне тут же возразят «плюралисты» (сознательно использую этот термин, введенный А.И. Солженицыным, а сегодня употребляемый для обозначения либералов радикального толка), что есть сугубо атеистическая культура. Это невозможно отрицать, но известно, что особенно окрепло атеистическое начало в мировоззрении со времен Лютера и возникновения протестантизма и именно это положило начало либерализму, как политическому, так и экономическому. Провозглашение формулы, созданной политеизмом античности, «человек мера всех вещей», и формулой, принятой атеизмом и либерализмом, — «все для человека», «человек превыше всего» логично приводят к мысли о человеке «безразмерном», которому «все дозволено», а поскольку все одинаково равны и свободны, то все дозволено каждому. Чем это кончается прекрасно выразил Т. Гоббс, назвав это состояние «войной всех против всех». А это конец цивилизации, культуры и существованию человека, вообще.

(Продолжение следует)

Литература

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 376–644.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 2. М., 1971. С. 264–267.
4. Гердер И. О. Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977.
5. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. 1999. № 1. С. 10–25.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 2002.

¹Обращаю внимание читателей на диссертацию 2015 г. А.С. Петровой, в которой дан тщательный анализ этих источников, а также современной российской и западной литературы по данному вопросу.

7. Мор Т. Утопия. М. : Наука, 1978.
8. Прошина Е. М. О консервативно-либеральной модели политической модернизации в современной России // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2013. Т. 4. Вып. 3 (10). С. 56–69.
9. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М. : Феникс, 1998.
10. Токвиль А. Демократия в Америке: пер. с франц. / предисл. Гарольда Дж. Ласки. М. : Прогресс, 1992.

Об авторе:

Прошина Елена Михайловна, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, профессор; elena_proshina@mail.ru

References

1. Aristotle. Politics // Aristotle. Compositions: In 4 v. М. : Thought, 1983. V. 4. P. 376–644.
2. Weber M. Politics as calling and profession//Chosen works. М. : Progress, 1990.
3. Hegel G.W.F. Science of Logic. V. 2. М., 1971. P. 264–267.
4. Herder J.G. Ideas on the Philosophy of the History of Mankind. М. : Science, 1977.
5. Diamond L. Is the Third Wave Over? // Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 1999. N 1. P. 10–25.
6. Dal V. Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language. V. 1. М., 2002.
7. More T. Utopia. М. : Science, 1978.
8. Proshina E.M. On the conservative and liberal model of political modernization in modern Russia // Scientific works of North-West Institute of Management of RANEPА [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]. 2013. V. 4. Issue 3 (10). P. 56–69.
9. Smelser N. Sociology: translation from English М. : Phoenix, 1998.
10. Tocqueville A. Democracy in America: translation from french / Introduction of Harold J. Laski. М. : Progress, 1992.

About the author:

Elena M. Proshina, Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Professor; elena_proshina@mail.ru

Формирование туристского водного кластера в Санкт-Петербурге: анализ и перспективы развития

Шамахов В. А.^{1, *}, Кудряшов В. С.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamahov-va@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Целью статьи является рассмотрение особенностей и целесообразность формирования туристского водного кластера в Санкт-Петербурге, в частности определено, что создание кластеров повышает туристическую привлекательность региона на международной арене, а также способствует развитию внутреннего и въездного туризма, что очень важно для экономики и мирового статуса нашей страны.

Методы. Определены наиболее важные положения по формированию основных компонентов туристского водного кластера Санкт-Петербурга, главная роль при этом отведена туристическим фирмам, доминирующей функцией которых является оказание основных туристских услуг по размещению, питанию, перевозке и развлечению потребителя-туриста.

Результаты. Предложен алгоритм по формированию водного туристского кластера в Санкт-Петербурге, включающий выявление основных конкурентных преимуществ города; выделение мест с уже сложившимися туристическими маршрутами и обозначение их как генеральных; выявление подходящих компонентов кластерной структуры на практике; выделение протокластера; выделение доминирующего объекта в протокластере; работа над обеспечением бесперебойного взаимодействия и сотрудничества всех компонентов кластера; взаимодействие с государственными органами власти.

Выводы. Для развития туристической индустрии Санкт-Петербурга необходимо организовать современные формы взаимодействия предприятий различной величины и формы с государством, построением водного туристского кластера, формы, компоненты и положения для эффективного функционирования которого разработаны в статье.

Ключевые слова: туризм, кластер, синергия, конкурентоспособность, развитие, экономика, Санкт-Петербург

The Formation of the Water Tourism Cluster in Saint-Petersburg: Analysis and Development Prospects

Shamakhov V. A.^{a, *}, Kudryashov V. S.^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; Shamahov-VA@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

Purpose. The purpose of the article is to consider the features and feasibility of the formation of a tourist water cluster in St. Petersburg, in particular, it is determined that the creation of clusters increases the tourist attractiveness of the region in the international arena, and also contributes to the development of domestic and inbound tourism, which is very important for the economy and the world status of our country.

Methods. The main provisions for the formation of the main components of the tourism water cluster of St. Petersburg, the main role in this process is assigned to travel agencies, the dominant function of which is to provide basic tourist services for the placement, nutrition, transportation and entertainment of the consumer-tourist.

Results. An algorithm for the formation of a water tourism cluster in St. Petersburg is proposed, which includes five stages: identification of the main competitive advantages of the city; allocation

of places with existing tourist routes and designation them as General; identification of suitable components of the cluster structure in practice; allocation of the Protocol cluster; allocation of the dominant object in the Protocol cluster; work on ensuring uninterrupted interaction and cooperation of all components of the cluster; interaction with public authorities.

Summary. For the development of the tourism industry of St. Petersburg it is necessary to organize modern forms of interaction of enterprises of different sizes and shapes with the state, the construction of a water tourism cluster, forms, components and provisions for the effective functioning of which are developed in the article.

Keywords: tourism, cluster, synergy, competitiveness, development, economy, St. Petersburg

Введение

В Санкт-Петербурге водный туризм и водный транспорт как часть городской инфраструктуры существуют практически со дня основания города. Петр I мечтал о том, чтобы в городе каждый имел свое судно и передвигался исключительно по воде, как в знаменитой Венеции. Об этом свидетельствуют специальные небольшие бухты у исторических зданий и металлические кольца, вбитые в гранитные укрепления берегов и украшающие современный вид каналов, которые служили именно для пришвартовывания водного транспорта.

Санкт-Петербург нередко называют Северной Венецией из-за огромного количества как мелких, так и крупных водных объектов: каналов, полноводных рек и близости к Финскому заливу, открывающему путь в Мировой океан. Поэтому водный туристический транспорт является доминантой развития региона в качестве водного туристского кластера.

Туристский кластер — это совокупность туристско-рекреационных особых экономических зон, созданных по решению правительства РФ и расположенных на одном или нескольких участках территории субъектов РФ и муниципальных образований, определяемых правительством РФ [6, с. 42].

Также его определяют как объединение организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма.

Туристские кластеры разделяют по следующим классификационным признакам:

- по туристической направленности (развлекательные, музейные, курортные, экологические и др.);
- по масштабам (региональные, локальные, национальные, транснациональные) [4, с. 134].

Идея кластерного объединения состоит во взаимодействии объектов разного назначения (питание, трансфер, отели, музеи). Все участники заключают договор о сотрудничестве по совместному обслуживанию туристов. Создаются направления для различных социальных групп. Так же кластеры могут оказывать влияние на прилегающие структуры, затрагивать даже те компании, которые не являются его частью [11, с. 167].

Кластеры создаются с целью оказания конкурентоспособных туристических услуг, при этом используются современные технологии ведения бизнеса для повышения эффективности. Они также способствуют ускорению процесса развития новых туристических направлений, привлечению инновационных технологий, составлению общей картины о регионе, его перспективах [7, с. 35].

Создание кластеров повышает туристическую привлекательность на международной арене. А также развивает внутренний и въездной туризм, что очень важно для экономики и мирового статуса нашей страны. Являясь полноценной развивающейся структурой, кластеры создают новые ее элементы в той или иной отрасли, привлекая внимание к проблемам сохранения ценностей, и дают толчок к повы-

шению качества туристических услуг. Более того, они могут оказывать влияние на прилегающие структуры, не включенные в кластерное взаимодействие.

Особенности кластера заключаются в том, что:

- он территориально привязан к определенной зоне;
- существует как особая открытая система, однако, ему присуще ограниченное членство;
- взаимодействие в кластере базируется не только на экономическом взаимодействии для повышения эффективности и рентабельности, но и на социальных ценностях и доверии;
- создает и делает более динамичным спрос;
- основывается одновременно и на конкуренции, и кооперации;
- формирует коллективный образ будущего, позволяет ставить общие задачи и находить пути совместного их решения на пути к достижению глобальных целей [2, с. 170].

Главной особенностью кластерного подхода в развитии туризма является объединение организаций для создания взаимодополняющей системы и интеграция различных агентов и субъектов кластера, конкурирующих внутри своей подотрасли [13, с. 435]. Это повышает не только эффективность туризма, но и качество оказываемых услуг, а также регулирует цены на рынке. Имея в виду современные тенденции развития мировой экономики, такие как интернационализация, интеграция и глобализация, можно смело судить об эффективности данных способов формирования и развития сферы услуг, туристических в частности, не только в глобальных масштабах, но и в условиях одной страны, региона, города.

В течение последних лет исследование возможностей реализации потенциала интегрированных структур (в том числе кластеров) в модернизационном развитии экономики региона остается в центре внимания как отечественных, так и зарубежных экономических исследователей.

Усиление глобализационных трендов повышает значение консолидации бизнеса и увеличивает значение интеграции деятельности хозяйствующих субъектов. Развитие региональных туристических кластеров для многих стран становится одним из основных инструментов экономического развития [12, с. 301]. Туристические сети формируют своеобразную матрицу капитализации региональных активов и добавляют к капиталу размещенных на нем предприятий своеобразную «территориальную маржу».

Кроме того, в структуру туристического кластера наряду с поставщиками туристических услуг вовлекаются дополняющие субъекты, деятельность которых непосредственно связана с функционированием туристско-рекреационного комплекса: инженерная инфраструктура, медицинские учреждения, научно-исследовательские организации, предприятия розничной торговли, издательства и прочие. Например, согласно мнению Доргушаовой А. К., если узловые элементы регионального каркаса будут формироваться предприятиями сферы туризма, то в регионе также успешно могут развиваться инновационные производства медицинских препаратов, промышленное производство товаров для туризма и спорта, высокотехнологичное производство строительных материалов (для возведения новых современных объектов санитарно-курортного лечения) и пр. [5, с. 142].

Такая межотраслевая интеграция предполагает возникновение новых форм и технологий сотрудничества. Поэтому в работах исследователей на первый план выходит анализ различных моделей взаимодействия предприятий и организаций туристической сферы с другими отраслями. Как отмечают А. А. Алоева и М. Д. Юсупова, исследуя подходы к формированию туристических кластеров, наибольшее распространение в отечественной и зарубежной практике получила вертикальная модель их формирования, когда каждый последующий субъект взаимодействия

является потребителем продукта предыдущего [1, с. 104]. При горизонтальной модели взаимодействующие предприятия производят одинаковые или схожие услуги.

Изначально цель интеграции компаний туристического бизнеса состояла в мобилизации финансовых ресурсов для повышения возможностей выживания в сложных конкурентных условиях [14, с. 94]. Однако по мере распространения идей о том, что кластерные образования создают преимущества для проявления инновационной активности и понимания того, что использование только ценовых факторов не обеспечивает рост конкурентоспособности, возросла потребность в выявлении возможностей интеграции производственно-хозяйственных связей и процессов в предоставлении туристических услуг нового качества.

Само современное понимание туризма подчеркивает его интеграционную природу. Так, Т. Н. Шильченко определяет кластер как «географически соседствующие взаимосвязанные компании, общественные организации и связанные с ними органы государственного управления, формирующие и обслуживающие туристские потоки, использующие рекреационный потенциал территории» [10, с. 67]. Подобное определение отражается в трудах и других ученых, рассматривающих туристический кластер как межотраслевой хозяйственный комплекс, объединенный единым технологическим процессом обслуживания потребителей или участвующих в формировании единого туристического продукта предприятий и организаций. Причем, многие ученые разделяют позицию о возможности использования интеграционного потенциала туристической индустрии в развитии социально-экономической системы региона.

В этой связи кластерные технологии активно встраиваются в систему регионального стратегического проектирования развития индустрии туризма.

Материалы и методы

Заметим, что, несмотря на достаточно активное использование категории «интеграционный потенциал» в работах отечественных и зарубежных исследователей, до настоящего времени не существует ее единого понимания, особенно в контексте функционирования компаний туристического бизнеса. Так, одними учеными под интеграционным потенциалом понимается совокупность дополнительных конкурентных преимуществ, возникающих при объединении ресурсов, другие делают акцент на ориентированность использования имеющихся ресурсов и возможностей взаимодействующих компаний на достижение общих целей.

Высказывается также точка зрения, что интеграционный потенциал выражается в генерации и углублении связей и отношений взаимодействующих субъектов в результате формирования устойчивых схем трансакций, основанных на системе имущественных отношений и договорной взаимозависимости [3, с. 44].

Общим для всех приведенных определений является акцент на тех преимуществах, которые получают сами участники интеграционных взаимодействий. Тогда как, по нашему мнению, интеграционный потенциал проявляется не только в эффектах, получаемых данными участниками, но и во внешних эффектах, и в частности, синергетических и мультипликативных, выражающихся в изменении показателей социально-экономического развития региона, а также в возникновении дополнительных возможностей решения задач регионального стратегирования.

Соответственно, авторское представление о сущности интеграционного потенциала туристической индустрии может быть сформулировано следующим образом: это совокупность новых системных качественных и количественных характеристик, генерируемых взаимодействующими в сфере туристического бизнеса экономиче-

скими субъектами, обусловленные и, одновременно, обуславливающие региональные факторы и условия социально-экономического развития.

При этом региональные эффекты развития туристической сферы выражаются в следующем:

- преодоление изоляции периферийных территорий и выстраивание эффективных взаимодействий для реализации совместных проектов модернизации;
- повышение открытости экономики региона к развитию внешнеэкономического сотрудничества;
- создание благоприятных условий для инноватизации предприятий с отсталыми укладами;
- возможность вовлечения значительных ресурсов этноэкономики в процессы модернизации;
- увеличение занятости населения периферии и преодоление отрицательных тенденций миграции;
- преодоление кризисных явлений в экономиках регионов с неразвитым уровнем индустриальной занятости.

Таким образом, интеграционный потенциал индустрии туризма в модернизационном развитии экономики региона обусловлен структурно-функциональными особенностями данной сферы деятельности, которая включает в себя деятельность множества взаимосвязанных производственных и инфраструктурных отраслей. Дальнейшее развитие проблематики реализации интеграционного потенциала туристической индустрии связано с исследованием факторов и условий реализации проектов формирования туристических кластеров, которые бы были максимально ориентированы на получение возможных синергетических и мультипликативных эффектов в регионе. При этом следует заметить, что в туристической сфере наиболее ярко проявляется региональная специфика, а разработка стратегий развития данной сферы должна быть ориентирована на первоочередное использование внутреннего регионального потенциала и резервов. В этом отношении особенно подчеркнем необходимость увязки стратегий развития туризма с основными отраслевыми секторами специализации региона, а также с социально-экономическими эффектами регионального развития.

История экономического роста многих регионов свидетельствует о тесной связи индустрии туризма с показателями социально-экономического развития территории. Туризм способствует притоку валюты, обеспечивает создание новых рабочих мест, стимулирует развитие инфраструктуры [9, с. 112].

Туризм — одно из направлений разработки экономики в постиндустриальном обществе, позволяющее решить широкий спектр главных экономико-социальных задач, будь то решение проблем расширенного воспроизведения трудовых ресурсов или увеличение занятости населения, роста благосостояния и улучшения качества жизни.

На современном этапе развития экономики Россия несколько отстает от других стран в направлении совершенствования туризма по некоторым причинам:

- монополия в транспортной сфере и ежегодном росте уровней цен для поезда и билетов авиации;
- слабая инфраструктура: недостаточное число отелей, комплексов отдыха и других средств коллективного размещения туристов;
- слабое использование естественной способности всех областей России, в первую очередь территорий Сибири, Кубани и Ставрополья.

Формирование туристических кластеров должно быть одним из современных инструментов решения этих проблем. Первостепенная задача кластера — формирование и функционирование конкурентоспособного туристического комплекса.

Результаты

Туристский водный кластер в Санкт-Петербурге можно определить такими дефицициями, как в большей степени рекреационный, деловой, музейный и обзорный, а по масштабу — локальный, так как кластер будет располагаться в городе Санкт-Петербург и охватывать его окрестности со стороны Финского залива, Невской губы.

Туризм — это одна из ведущих сфер экономики Санкт-Петербурга. Динамика его роста за последние 10 лет представлена на графике (рис. 1), рост количества въездных туристов за 10 лет составил 1,1 млн чел. Согласно рейтингу ООН, Санкт-Петербург занимает восьмое место в списке наиболее привлекательных для туристов городов мира.

Для построения и эффективной инфраструктуры туристского кластера необходимо обеспечить эффективную работу всех его компонентов, среди которых:

- 1) управляющая компания. Основная функция — осуществление координации и управления территориями;
- 2) агенты туристической отрасли (туроператоры, отели и др.). Основная функция — взаимодействие между собой и организация рекреации;
- 3) субъекты туристической отрасли (трансфер, общепит, парки, музеи, сувенирные лавки). Основная функция — предоставление традиционных туристических услуг.

Необходимо исследовать каждый компонент кластера, выявить, какие цели преследуют фирмы, входящие в него, и сформулировать задачи, которые стоят перед ними. Наиболее важно выявить, по какому признаку будут связаны элементы каждого компонента и принцип их взаимодействия как внутри своей кластерной структуры, так и с другими элементами кластера и внешними объектами, на которые данное объединение будет оказывать влияние.

На рис. 2 представлена структура туристского кластера, предложенная научными деятелями, занимающимися анализом и формированием туристских кластеров, в том числе и водных, в России [8, с. 362].

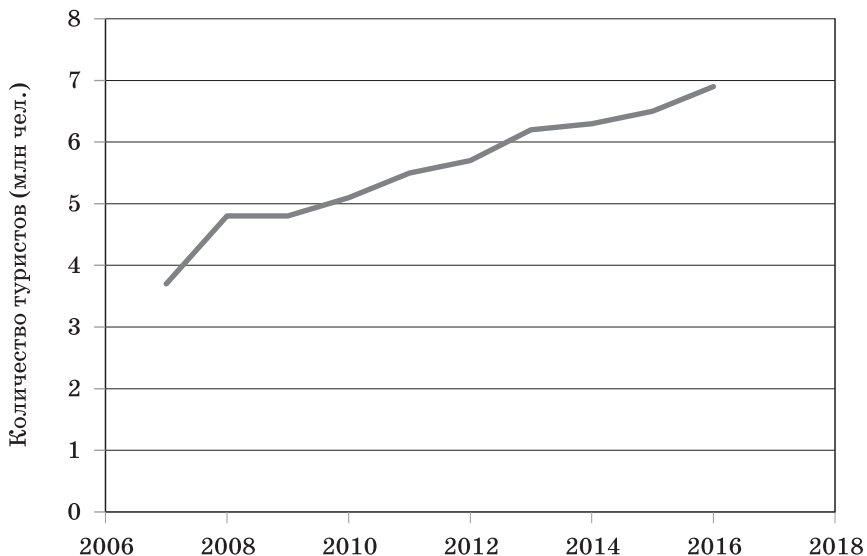

Рис. 1. Общая динамика роста туризма в Санкт-Петербурге
 Fig. 1. The general dynamics of growth of tourism in St. Petersburg

Рис. 2. Структура туристского кластера [8, с. 362]
 Fig. 2. Structure of a tourist cluster

Рассматриваемый подход достаточно современен и начал реализовываться в нашей стране с 2011 г. по программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» с создания туристско-рекреационно-го кластера «Рязанский».

Также кластерный подход будет, по мнению авторов, актуален в грядущем году туризма (год туризма Россия — Греция 2017–2018, открытие которого произошло в сентябре 2017 г.).

Поэтому данная схема достаточно актуальна и современна, ее использование позволит максимально приближенно к существующим условиям создать рекомендации и положения для формирования модели водного туристского кластера Санкт-Петербурга. Для этого, как уже было отмечено ранее, необходимо рассмотреть подробнее каждый его компонент.

В центре структуры туристского кластера, в том числе и водного, традиционно лежат туристские ресурсы, которые определяются как природные, исторические

и культурные объекты туристского показа, а также иные объекты, способные удовлетворить духовные потребности туристов, содействовать восстановлению и развитию их физических сил.

В данном случае туристскими ресурсами, очевидно, является сам город, его историческое и культурное наследие и, непосредственно, водная его составляющая (Финский залив, Нева, каналы и реки). Предлагается формирование кластера именно традиционного обзорного или музейного туризма, так как иные виды рекреации не настолько развиты и более локальны, чтобы интегрировать их в большую сеть водного туризма города. В данном случае включение в кластер компонентов альтернативных видов туризма или туризма оздоровительного нецелесообразно и нерентабельно, так как они либо предполагают наличие определенных природных условий и ресурсов, которыми Санкт-Петербург не обладает, или подразумевают нахождение в одном месте продолжительное время (от недели до месяца, если мы говорим об оздоровительном или санаторно-курортном отдыхе), что пагубно повлияет на интеграцию водного городского транспорта. Во-вторых, анализ пассажиропотока круизных лайнеров, входящих в дельту Невы, показал, что иностранные туристы заинтересованы в городе именно как в культурной столице и его исторической составляющей.

Поэтому, подводя итог по этому компоненту, можем сказать, что необходимо включить в кластер музеи (как здания и места хранения и выставления объектов искусства), исторические здания, архитектуру города, общую атмосферу, реки и каналы, парки и сады, объекты всемирного наследия ЮНЕСКО Санкт-Петербурга и его окрестностей, в которые можно попасть водным транспортом из центра города.

Туристические фирмы (или туроператоры) — следующий по важности компонент туристского кластера. Они играют главную роль в формировании любого туристского объединения, поэтому не стоит упускать их из вида, имея в виду полноценное функционирование водного туристского кластера в Санкт-Петербурге. Их главная функция состоит в привлечении туристов, непосредственно маркетинге, организации рекреации и помощь в формировании тура «под ключ» от покупки билетов и бронирования гостиницы, до планирования экскурсионных маршрутов с учетом пожеланий потребителя. Они задают тон всему объединению и фактически его создают.

Туристические фирмы являются своеобразным проводником между туристом (человеком, решившим совершить туристическую поездку) и субъектами туристической отрасли (фирмами, удовлетворяющими туристские потребности людей, предоставляющие туристические услуги). Их работа позволяет более эффективно выстроить взаимодействие человека с организацией и сделать отдых удобнее и приятнее, исключив нервные моменты поиска гостиницы, мест общественного питания, экскурсионных программ.

С фирмами, оказывающими туристические услуги (общепит, гостиницы, экскурсионные бюро) и другими компонентами туристического кластера, турфирма может выстраивать вертикальные (поставщик — потребитель) или горизонтальные и кооперационные (сотрудничество, кооперация, единая клиентская база, совместные технологии) связи. Чаще всего туристическое агентство является проводником между фирмами услуг и туристом, т. е. доминирует вертикальная связь.

При таком сотрудничестве с мелкими фирмами по оказанию услуг видна явная выгода как для этих предприятий, на которые в результате данного взаимодействия будет направлен поток потребителей, так и для самой турфирмы, которая сможет выбрать наиболее выигрышный вариант, своим сотрудничеством контролировать качество оказываемых услуг и ценовую политику на рынке, а также и самой стать более конкурентоспособной.

Таким образом, проявляется функция турфирм в кластерном взаимодействии, которая заключается в формировании стандартов обслуживания клиентов, производстве высококачественных туристических услуг, решении вопросов объединения, создания единого бренда и сервисной службы, также построении коммуникационных стратегий и путей взаимодействия с клиентами, партнерами, представителями власти и конкурентами — в общем, с остальными субъектами туристского кластера.

Компонентами, над которыми имеют влияние туристические фирмы, и которые уже не раз упоминались при рассмотрении структуры туристского кластера, являются предприятия размещения, питания, культуры, спорта и развлечений, а также транспортные компании. В данном случае рассматриваются большие конкурентоспособные сети или объединения нескольких малых фирм, готовых сотрудничать с крупными туристическими агентствами и идти на риски, связанные со взаимодействием нескольких компонентов разных сфер одной отрасли.

К ним относятся международные и всероссийские сети отелей от трех звезд и выше, транспортные компании, владеющие обширной инфраструктурой транспорта, готовые организовать трансфер клиента из аэропорта и от вокзала или причала, а также имеющие необходимые средства передвижения для различных экскурсий по городу и его окрестностям, поездок в загородную зону с плохой развитостью дорожной инфраструктуры, а также водный транспорт (мелкий — для экстремальных водных видов спорта и более крупный — катера, яхты — для экскурсий и ресторации).

Здесь же можно отнести рестораны и иные организации общественного питания, имеющие туристов в качестве целевой аудитории и располагающиеся на пути следования водных экскурсионных маршрутов. Для въездного и, в особенности, круизного туризма будет актуальным наличие ресторанов, входящих в гастрономический гид Мишлен, а также небольших кафе, имеющих историю и работающих практически со дня основания города. Достаточно популярны среди иностранных туристов места общественного питания с национальной кухней. Они тоже являются неотъемлемой частью данного компонента туристского кластера.

Одним из главных компонентов этого уровня являются предприятия культуры и развлечений. В Санкт-Петербурге их достаточно много, музеи, галереи, выставочные залы, дворцы, царские усадьбы и другие памятники архитектуры непосредственно имеют огромное значение как для данного компонента, так и для всего кластера в целом. Учитывая, что наш кластер именно водный, то в данном пункте мы можем рассматривать только те культурные и развлекательные объекты, которые расположены около рек и каналов, вдоль Невы или вблизи Финского залива. Для внедрения таких объектов в кластер необходимо, чтобы туристы имели возможность осмотреть данные достопримечательности с воды или зайти в них. То есть рядом с объектом должен быть причал, открывающий доступ к нему с воды.

Какие именно объекты включать в водный туристский кластер Санкт-Петербурга будет решено уже на этапе моделирования непосредственно специалистами, занимающимися разработкой кластера, или позже — турфирмой, выстраивающей экскурсионные маршруты на основе связей с организациями, владеющими данными объектами, предприятиями питания и размещения, а также основываясь на доступе к данным объектам.

Таким образом, доминирующей функцией предприятий данного компонента является оказание основных туристских услуг по размещению, питанию, перевозке и развлечению потребителя-туриста. Они также играют немалую роль в формировании кластера и кластерного взаимодействия между всеми компонентами кластера. Данные компании связывают все компоненты воедино, являются связующим звеном между крупной турфирмой и мелкими организациями, речь о которых пойдет далее.

Маркетинговые организации, поставщики продуктов питания, поставщики техники и оборудования, правительственные учреждения, образовательные и научно-исследовательские организации, поставщики услуг по ремонту и технической эксплуатации, различные ассоциации и общественные организации, банки, оказывающие услуги для туристов, местные предприятия туруслуг (экскурсионные бюро, информационные центры), санатории и учреждения здравоохранения, местные организации розничной торговли и сферы услуг — все это элементы следующий компоненты туристического кластера.

Их задачей является предоставление для предыдущих предприятий различных услуг (по поставке продукции, ремонту оборудования и т.д.), обеспечивающих их бесперебойное и эффективное функционирование. А также оказание мелких туристических услуг непосредственно потребителю-туристу (продажа сувенирной продукции, организация разовых экскурсионных туров, объекты общественного питания, маркетинговые и информационные центры и др.). Поэтому на данных предприятиях, можно сказать, базируется весь кластер, ведь без них его функционирование было бы невозможно.

Обсуждение

В результате исследования текущего положения водного туризма Санкт-Петербурга, с учетом целесообразности внедрения туристского кластера как способа повышения эффективности данной сферы туризма в городе Санкт-Петербург и его окрестностях, разработав критерии для построения модели и проанализировав основные компоненты туристских кластеров России, можно предложить следующий алгоритм по формированию водного туристского кластера в Санкт-Петербурге.

1. На первом этапе главной задачей становится выявление основных конкурентных преимуществ города (или региона в целом) среди других городов России и мира, где тоже возможно формирование водного туристского кластера и которые обладают водными туристскими ресурсами и развивают их как объект туризма. Далее нужно обозначить районы в тех местах, где выявленные преимущества проявляются наиболее ярко.
2. На следующем этапе необходимо выделить места с уже сложившимися туристическими маршрутами и обозначить их как генеральные, вокруг которых будет создаваться кластер, впоследствии создавая все новые маршруты.
3. Выявление подходящих компонентов кластерной структуры на практике, оценка возможностей и планирование их взаимодействия друг с другом. Очень важно подобрать компоненты так, чтобы они работали в симбиозе, взаимозаменяли и взаимодополняли друг друга. Необходимо учитывать и возможность взаимодействия данных объектов друг с другом и реальность интеграции. Если этого не учесть на этапе планирования, все остальные положения и модель в целом может работать недостаточно эффективно.
4. Выделение протокластера, т.е. обозначение территории, обладающей основными туристскими ресурсами и способной выполнять основные туристские функции. На данной территории необходимо наличие всех компонентов туристского кластера. Она будет связывать все эти компоненты различных сфер водно-туристской отрасли и задавать тон как взаимодействию подконтрольных объектов кластера, так и всему кластерному объединению.
5. Далее следует выделить доминирующий объект в каждом протокластере. Данный агент должен будет структурировать пространство вокруг себя и создавать атмосферу, привлекающую все новых и новых потребителей. В дальнейшем вокруг такого объекта возможно формирование новых кластеров. Причем протокластер имеет такое же строение, как и кластер, т.е. у него есть ядро — сам объект, туристический ресурс, вокруг которого выстраивается данное объединение, оно

также является генератором инноваций и распределителем туристских потоков. Вторая «оболочка» — это опорная территория, где концентрируются все туристические маршруты. Допустим, если ядром был Эрмитаж, то оболочкой станет Дворцовая площадь, Адмиралтейство и Александровский сад, расположенные неподалеку. Также сюда можно включить объекты общественного питания. В некоторые турист даже может попасть, не сходя с воды, так как в окрестностях достаточно много плавучих ресторанов и кафе на воде. Следующей туристической зоной является ареал вокруг ядра — перспективная зона для развития туристского бизнеса. В нее включаются территории и объекты, которые находятся вблизи нашего объекта, но не связаны с туристической инфраструктурой и которые можно приспособить для функционирования в кластерном объединении. Также ареал может включать в себя пересечения с другими протокластерами или иными кластерными объединениями. Гармоничное определение, выстраивание и взаимодействие всех этих трех оболочек приводит непосредственно к эффективной работе всего кластера и его компонентов.

6. На следующих этапах нужно проводить работу над обеспечением бесперебойного взаимодействия и сотрудничества всех компонентов кластера и протокластеров на всех уровнях. Для этого необходимо грамотно подобрать взаимодействующие предприятия и организовать эффективное ими управление. Также выстроить логистику и цепи поставок между объектами базового уровня и туристскими ресурсами, располагающимися на вершине кластерной структуры, проходя при этом каждый компонент.
7. Далее стоит выстроить взаимодействие с государственными органами власти и понять, в чем будет их роль в качестве посредника, сотрудника, руководителя и заказчика. Взаимодействие с государством будет протекать через все этапы моделирования и формирования туристского кластера, потому что, как мы выяснили ранее, водный туристский кластер Санкт-Петербурга формируется целенаправленно в рамках государственной политики. Однако все бюрократические вопросы распределения ролей стоит решать именно на этом, практически завершающем уровне, подводя итоги совместной работы.

Санкт-Петербург, как один из лидирующих по туристическому потоку городов России и мира, может создать туристский кластер путем взаимодействия государства, в лице центра кластерного развития, мелких частных предприятий и крупных организаций, работающих в сфере туризма. Данный подход позволяет повысить эффективность деятельности локальных предприятий сферы туризма и прилегающих отраслей экономики. Таким образом, мы сможем добиться полного удовлетворения постоянно растущего спроса на туристические услуги, при увеличении локального пассажиропотока водного туристского транспорта.

В данной сфере немало проблем, несмотря на не снижающийся туристический поток. И их решение может заключаться в создании новых современных объектов туризма, диверсификации туристического продукта, создании поводов для повторного визита в город, развитию событийного и альтернативного туризма (в том числе и спортивно-событийного), развитию яхтенного туризма как локомотива комплекса водных видов туризма. Такие цели перед собой ставит комитет по туризму Санкт-Петербурга. И их осуществление может быть проведено наиболее эффективно в формате водного туристского кластера, включающего в себя как традиционный обзорный и музейный отдых, для тех, кто любит осматривать город с воды, путешествуя на маленьком экскурсионном катере. Или для тех, кто прибыл в город меньше, чем на 72 часа, на круизном лайнере и заинтересован в спид-дейтинге с культурной столицей России. Или же для любителей экстрима. А может и для представителей «хайкласса», желающих прокатиться на своей яхте по северной дельте Невы.

Все эти потребности можно удовлетворить посредством организации современной формы взаимодействия предприятий различной величины с государством, построением водного туристского кластера Санкт-Петербурга, формы, компоненты и положения для эффективного функционирования которого разработаны в статье.

Литература

1. Алоева А. А., Юсупова М. Д. Туристические кластеры как особый фактор формирования социально-экономической системы региона // Известия Кабардино-Балкарского центра РАН. 2013. № 4 (54). С. 100–106.
2. Андрейковец И. Н., Кудряшов В. С., Шматко А. Д. Формирование инновационных кластеров: анализ существующего опыта и перспективы // Журнал правовых и экономических исследований. 2012. № 1. С. 168–171.
3. Бакуменко О. А. Развитие подходов к оценке эффективности функционирования региональных кластеров // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 46. С. 41–50.
4. Виноградова М. В., Ульяновченко Л. А. Региональные туристские комплексы и кластеры: общие черты и основные отличия // Сервис в России и за рубежом. 2014. № 8 (55). С. 127–140.
5. Доргушаова А. К. Механизм формирования экономического каркаса инновационного развития региона: монография. Майкоп : Изд-во Майкопского гос. технологич. ун-та, 2016.
6. Кропинова Е. Г., Митрофанова А. В. Региональный туристский кластер как туристско-рекреационная система регионального уровня // Региональные исследования. 2011. № 1. С. 40–46.
7. Кудряшов В. С. Реализация кластерной политики в целях экономического развития регионов России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 1. С. 33–38.
8. Лебединская Ю. С. Региональный туристский кластер: понятие и специфические черты // Научное обозрение. 2015. № 12. С. 360–364.
9. Старокожева Г. И., Полянских Е. А. Кластеризация как условие модернизации индустрии туризма в регионе // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3: Экономика. Экология. 2013. № 1. С. 108–114.
10. Шильченко Т. Н. Перспективы развития туристских кластеров в РФ // Вестник ТИУиЭ. 2015. № 1 (21). С. 65–70.
11. Suherlan H. «Strategic alliances in institutions of higher education: a case study of Bandung and Bali Institutes of Tourism in Indonesia». International Journal of Tourism Cities, 2017. Vol. 3. Is. 2. P. 158–183.
12. Li J., Pearce P. «Tourist scams in the city: challenges for domestic travellers in urban China». International Journal of Tourism Cities, 2016. Vol. 2. Is. 4. P. 294–308.
13. Fazenda N., Nunes da Silva F., Costa C. «Douro Valley Tourism Plan: The plan as part of a sustainable tourist destination development process». Worldwide Hospitality and Tourism Themes, 2010. Vol. 2. Is. 4. P. 428–440.
14. Stepchenkova S., Shichkova E. «Attractiveness of the United States as a travel destination for the Russian tourist in the era of strained bilateral relations». International Journal of Tourism Cities, 2017. Vol. 3. Is. 1. |P. 87–101.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

Кудряшов Вадим Сергеевич, заместитель начальника управления научной работы Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; kudvad88@yandex.ru

References

1. Aloeva A. A., Yusupov M. D. Tourism clusters as a special factor in the formation of the socio-economic system of the region // News of the Kabardino-Balkarian centre of RAS. 2013. N 4 (54). P. 100–106.

2. Andrejkovic I. N., Kudryashov S. V., Shmatko A. D. the Formation of innovation clusters: analysis of existing experience and prospects // *Journal of legal and economic studies*. 2012. N 1. P. 168–171.
3. Bakumenko O. A. Development of approaches to assessing the effectiveness of regional clusters. *Regional economy: theory and practice*. 2014. N 46. P. 41–50.
4. Vinogradova M. V., Ulianchenko L. A. Regional tourist complexes and clusters: common features and main differences // *Service in Russia and abroad*. 2014. N 8 (55). P. 127–140.
5. Dergousova A. K. Mechanism of formation of the economic framework of innovative development of the region: Monograph. Maikop : Publishing house of the Maikop State Technological University, 2016.
6. Kropinova E. G., Mitrofanova A. V. The Regional tourist cluster as a tourist-recreation system at the regional level // *Regional studies*. 2011. N 1. P. 40–46.
7. Kudryashov V. S. Implementation of cluster policy for the economic development of the regions of Russia // *Economics and management: problems, solutions*. 2017. N 1. P. 33–38.
8. Lebedinsky Y. S. Regional tourist cluster: the concept and specific features // *Scientific review*. 2015. N 12. P. 360–364.
9. Starokozheva G. I., Polyanskikh E. A. Clusterization as a condition for the modernization of the tourism industry in the region // *Bulletin of Volgograd state University. Ser. 3: Economy. Ecology*. 2013. N 1. P. 108–114.
10. Silchenko Tn. Prospects of development of tourism clusters in Russia // *Bulletin of Taganrog Management and Economics Institute*. 2015. N 1 (21). P. 65–70.
11. Suherlan H. «Strategic alliances in institutions of higher education: a case study of Bandung and Bali Institutes of Tourism in Indonesia». *International Journal of Tourism Cities*, 2017. Vol. 3. Is. 2. P. 158–183.
12. Li J., Pearce P. «Tourist scams in the city: challenges for domestic travellers in urban China». *International Journal of Tourism Cities*, 2016. Vol. 2. Is. 4. P. 294–308.
13. Fazenda N., Nunes da Silva F., Costa C. «Douro Valley Tourism Plan: The plan as part of a sustainable tourist destination development process». *Worldwide Hospitality and Tourism Themes*, 2010. Vol. 2. Is. 4. P. 428–440.
14. Stepchenkova S., Shichkova E. «Attractiveness of the United States as a travel destination for the Russian tourist in the era of strained bilateral relations». *International Journal of Tourism Cities*, 2017. Vol. 3. Is. 1. |P. 87–101.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhova@sziu.ranepa.ru

Vadim S. Kudryashov, Deputy Head of Scientific Work Department of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; kudvad88@yandex.ru

Подходы к определению ставки дисконтирования в проектном финансировании: отечественный и международный опыт

Моисеев Р. А.¹, Ралков А. А.¹, Тихомиров Д. В.^{1, 2, *}

¹Внешэкономбанк, Москва, Российская Федерация

²Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

*DTikhomirov@bk.ru

РЕФЕРАТ

Дисконтирование денежных потоков сегодня широко используется в практике оценки стоимости бизнеса, проектном финансировании, при составлении финансовой отчетности. При этом подходы к расчету ставки дисконтирования могут различаться в зависимости от объекта и цели анализа, вида денежного потока, имеющихся источников информации и подходов конкретных стандартов оценки или финансовой отчетности, аналитиков, банков, профессиональных сообществ.

В статье рассмотрены подходы к определению основных компонентов наиболее часто применяемой методологии расчета ставки — средневзвешенной стоимости капитала компании. Акцент сделан на выбор между плавающей и фиксированной ставками, определение стоимости заемного финансирования, премии за акционерный риск, а также наиболее субъективного компонента — премии за специфический риск компании или проекта.

Дополнительно в статье представлены результаты эмпирического исследования — обзора ставок крупнейших отечественных компаний, раскрытых в их финансовой отчетности.

Ключевые слова: проектное финансирование, ставка дисконтирования, денежные потоки, средневзвешенная стоимость капитала, финансовое моделирование

Determination of Discount Rate in Project Finance: Russian and International Practice

Moiseev R. A.^a, Ralkov A. A.^a, Tikhomirov D. V.^{a, b, *}

^aVnesheconombank, Moscow, Russian Federation

^bFinancial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

*DTikhomirov@bk.ru

ABSTRACT

Discounting of cash flows methodology is now widely used in practice of business valuation, project finance, and preparation of financial statements. The approaches to determine the discount rate may vary depending on the object and purpose of the analysis, the type of cash flow, available sources of information and approaches prescribed by specific valuation or accounting standards, or commonly used by analysts, banks, professional communities.

The article considers approaches in determination of the main components of the widely used weighted average cost of capital methodology. The emphasis is made on the choice between fixed target and floating rate, determination of the cost of debt applied in the analysis, the equity risk premium, and the most subjective component — premium for specific company or project risk.

In addition, the article includes the results of an empirical study — a review of the actual discount rates of the largest Russian companies disclosed in their financial statements.

Keywords: project finance, discount rate, cash flows, weighted average cost of capital, financial modelling

Введение

На разных этапах процесса проработки инициатором и рассмотрения банком инвестиционного проекта применяется методология дисконтирования прогнозных денежных потоков. Дисконтирование потоков необходимо для расчета чистой приведенной стоимости (NPV) проекта, его срока окупаемости (DPBP — discounted payback period), приведенного чистого бюджетного эффекта и прочих показателей инвестиционной привлекательности и эффективности проекта. Данные показатели используются на разных стадиях в течение всего цикла жизни проекта: на этапе его экспресс-анализа и предварительной экспертизы, комплексной экспертизы, этапе финансирования и далее — сопровождения и мониторинга, а также в случае возможной реструктуризации долга и разработки вариантов работы с проблемной задолженностью по проекту.

Очевидно, что расчет этих показателей требует корректного определения ставки дисконтирования. В общем виде, ставка дисконтирования — это требуемая доходность инвестирования в проект или актив для инвесторов. Причем общие подходы к определению ставки и значения могут отличаться в зависимости от целей анализа, требований конкретных организаций и профессиональных сообществ и т. д. Используемая ставка зависит от вида (базы) NPV и цели расчета (табл. 1). В данной статье предполагается сделать основной акцент на проблемы расчета компонентов и итоговой ставки дисконтирования для расчета *NPV проекта* (NPV_{project}), т. е. чистой приведенной стоимости проекта для всех участников, и соответственно — компонентов средневзвешенной стоимости капитала WACC.

Используемая ставка в значительной степени зависит от вида прогнозируемого и дисконтируемого денежного потока: можно выделить номинальную/реальную, посленалоговую/доналоговую ставку. Очевидно, что ставка должна соответствовать валюте прогнозного денежного потока.

Кратко отметим основные специфические аспекты расчета NPV, которые зачастую ошибочно учитываются в финансовых моделях инвестиционных проектов:

- при расчете NPV не учитываются средства, инвестированные в проект до даты анализа (так называемые sunk costs). Однако, когда проект уже находится на стадии реализации или в операционной фазе, в качестве справочного показателя при регулярном предоставлении в банк показателей проекта следует дополнительно отразить NPV с учетом инвестиций на дату начала реализации проекта;

Таблица 1

Ставка дисконтирования в зависимости от вида денежного потока

Table 1. A discount rate depending on a type of a cash flow

Вид (база) NPV	Денежный поток	Ставка дисконтирования
NPV_{project} <i>Аналог EV (Enterprise value), рассчитываемого при оценке стоимости всего бизнеса</i>	FCFF — средства, которыми располагают акционеры и кредиторы компании	Средневзвешенная стоимость капитала (WACC)
NPV_{equity} <i>Аналог Equity value (стоимости капитала компании), рассчитываемого при оценке акций или долей акционерного капитала компании</i>	FCFE — денежные средства в распоряжении акционеров после расчетов с кредиторами	Стоимость собственного капитала (по модели CAPM)

- при расчете NPV следует также учитывать терминальную / постпрогнозную стоимость проекта: традиционно рассчитывается как сумма дисконтированных денежных потоков после прогнозного периода при условии стабильного роста (по формуле Гордона) или с применением мультипликатора;
- следует не забыть привести (продисконтировать) значение постпрогнозной стоимости к текущему моменту. При этом необходимо использовать фактор дисконтирования на середину последнего прогнозного периода;
- в общем случае текущее (дисконтированное) значение постпрогнозной стоимости должно составлять не более 60–70% NPV;
- при прогнозировании значительной постпрогнозной стоимости необходимо обращать внимание на достаточность капитальных затрат на поддержание в прогножном периоде и остаточную стоимость основных средств в конце прогнозного периода.

Далее мы рассмотрим специфические методологические вопросы расчета ставок — выбор между плавающей и фиксированной ставками, определение стоимости заемного финансирования, премии за акционерный риск, а также наиболее субъективный компонент — премии за специфический риск компании или проекта. Дополнительно в статье представим результаты эмпирического исследования — обзора ставок крупнейших отечественных компаний, раскрытых в их финансовой отчетности.

Плавающая ставка и период дисконтирования

Одним из ключевых вопросов является выбор между фиксированной (текущей или целевой) и плавающей ставкой дисконтирования. Выбор ставки определяется поставленными целями и задачами:

- в рамках нахождения справедливой стоимости бизнеса/проекта обычно используется целевая ставка дисконтирования, которая остается фиксированной на весь прогнозный период, так как предполагается неизменность структуры капитала. Традиционно используется подход перехода от текущей (неоптимальной/специфической) структуры к целевой структуре;
- при анализе инвестиционной стоимости проекта возможно использование плавающей ставки, поскольку структура финансирования меняется от периода к периоду в зависимости от привлечения/погашения заемных средств конкретного проекта. Например, согласно требованиям к построению финансовых моделей государственной корпорации Внешэкономбанк, ставка дисконтирования в прогножном периоде должна учитывать структуру капитала («расчет ставки дисконтирования должен производиться на основе прогнозной структуры капитала получателя средств (в том числе с учетом ранее полученного долгового финансирования)¹) [2].

Пример фиксированной (целевой) и прогнозируемой плавающей ставки представлен в табл. 2. При этом плавающая ставка может изменяться от периода к периоду в зависимости от соотношения структуры капитала, а также изменения основных компонентов (на практике можно ограничиться прогнозом изменения эффективной ставки заемного финансирования, а также изменением премии за специфический риск в стоимости акционерного капитала *cost of equity*).

Очевидно, что на значение прогнозируемой плавающей ставки могут влиять два разнонаправленных фактора:

- с одной стороны, технически при увеличении доли заемного капитала WACC снижается, так как стоимость заемных средств традиционно ниже стоимости

¹ Требования государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» к содержанию бизнес-модели проекта (требования к финансовой модели проекта) [Электронный ресурс]. URL: <https://new.veb.ru/biznesu/finansirovaniye-proyektov/vysokiytekhnologii-i-innovatsii> (дата обращения: 20.05.2018).

Ставка дисконтирования: целевая и динамическая

Table 2. Discount rate: target and dynamic

Вид ставки	Показатель	4 кв. 2017	2018	2019	2020	2021
Целевая ставка	D/E	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25
	WACC ²	16%	16%	16%	16%	16%
Плавающая ставка	D/E	0,67	0,82	0,7	0,6	0,5
	WACC ³	13%	13%	14%	15%	17%

При условии неизменности других параметров.

акционерного капитала. Соответственно, при увеличении доли собственного капитала WACC увеличивается;

- с другой стороны, по мере реализации проекта могут снижаться риски проекта, что целесообразно учесть путем снижения одного из компонентов ставки — премии за специфический риск.

Таким образом, плавающая ставка в течение прогнозного периода может незначительно варьироваться внутри разумного диапазона (например, 13–15%, 17–20% и т. д. в зависимости от отрасли, стадии проекта и иных факторов).

Также важным вопросом при дисконтировании денежных потоков является расчет фактора дисконтирования, который при плавающей ставке имеет дополнительные сложности. Фактор дисконтирования представляет собой коэффициент, показывающий, насколько уменьшатся потоки к заданной дате с учетом фактора времени и рисков проекта:

- рассчитанный за период фактор — коэффициент для каждого периода рассчитывается независимо от предшествующих периодов;
- при этом при плавающей ставке дисконтирования итоговый фактор необходимо рассчитывать накопленным итогом: коэффициент за текущий период должен учитывать факторы дисконтирования предшествующих периодов. Данный коэффициент позволяет учесть изменение структуры капитала компании и плавающее значение ставки.

В любом случае важно определить период дисконтирования: на середину периода — используется при оценке стоимости бизнеса. Основное допущение — все потоки распределяются в течение периода равномерно; на конец периода — используется при оценке стоимости финансовых инструментов. Основное допущение — все потоки приходятся на конец периода. Примеры расчета фактора дисконтирования при целевой и плавающей ставке представлены в табл. 3 и 4 соответственно.

Наиболее распространенной ошибкой в расчете фактора дисконтирования при плавающей ставке является дисконтирование потока каждого года отдельно по

Таблица 3

Расчет фактора дисконтирования при целевой ставке дисконтирования

Table 3. Calculation of a factor of discounting at a target discount rate

Показатель	Расчет	4 кв. 2017	2018	2019	2020	2021
Целевой WACC, %	[1]	16%	16%	16%	16%	16%
Длина периода, инд.	[2]	0,25	1	1	1	1
ФД ² за период	[3] = 1/((1 + [1]) ^[2])	0,9636	0,8621	0,8621	0,8621	0,8621
ФД накопленный		0,9681	0,8947	0,7713	0,6649	0,5732

Расчет фактора дисконтирования при динамической ставке дисконтирования
 Table 4. Calculation of a factor of discounting at a dynamic discount rate

Показатель	Расчет	4 кв. 2017	2018	2019	2020	2021
Динамический WACC, %	[1]	13%	13%	14%	15%	17%
Длина периода, инд.	[2]	0,25	1	1	1	1
ФД за период	[3] = 1/((1 + [1]) ^[2])	0,9699	0,9009	0,8772	0,8696	0,8547
ФД накопленный		0,9736	0,9206	0,8184	0,7147	0,6162

Примечание: пример расчета фактора дисконтирования накопленным итогом за 2019 г.:

$$\text{ФД}_{\text{накоп}_{2019}} = \frac{(0,9699 \cdot 0,9009 \cdot 0,8772)}{0,8772^{0,5}} = 0,8184$$

ставке данного года, без учета накопленного эффекта иных ставок предыдущих периодов. Такой расчет не учитывает изменение структуры капитала по мере привлечения/погашения заемных средств, что играет существенную роль при проектном финансировании.

Стоимость заемного капитала

Традиционно при расчете ставки WACC используется стоимость заемного капитала, скорректированного на налог на прибыль. Это обусловлено тем, что проценты по заемному капиталу компании разрешено относить на текущие расходы компании, что позволяет снизить налогооблагаемую прибыль на величину выплаченных процентов (ст. 265 НК РФ). Подобный налоговый вычет в отношении акционерного капитала не предусмотрен. В результате данный налоговый щит делает привлечение долгового финансирования более привлекательным, так как стоимость заемного капитала с учетом корректировки налога на прибыль ниже, чем стоимость акционерного капитала.

Очевидно, что компании, имеющие сходные финансовые показатели, но работающие не в одной юрисдикции, могут иметь разные ставки налога на прибыль. В результате этого даже при одинаковой процентной ставке привлекаемых средств итоговая стоимость заемного капитала компаний, используемая при расчете ставки WACC, будет отличаться из-за разницы в ставке налога на прибыль. Основные виды заемного капитала — это банковский кредит, эмиссия обыкновенных и конвертируемых облигаций, эмиссия векселей и коммерческих бумаг.

Банковский кредит предполагает предоставление денежных средств компании коммерческими и государственными банками под определенные условия возврата. Кредит, как правило, выдается одним или группой банков (синдицированный кредит, обычно участвуют 2–3 банка), и является самым распространенным видом привлечения долгового финансирования в России.

Эмиссия обыкновенных и конвертируемых облигаций — это выпуск долговых ценных бумаг с целью привлечения заемных средств на финансовом рынке. Данный вид заемного капитала может насчитывать намного больше кредиторов (владельцы облигаций), нежели банковский кредит. Конвертируемые облигации можно обменять на другие ценные бумаги компании (зачастую на обыкновенные акции). Основная идея эмиссии конвертируемых облигаций — привлечь инвесторов, кото-

рые заинтересованы не только в получении фиксированного дохода, но и в увеличении своих финансовых вложений при конвертации облигаций в акции компании и их дальнейшем росте.

При этом долговое финансирование может привлекаться:

- под фиксированную процентную ставку: размер процентной ставки не изменяется на весь прогнозный период/до момента погашения тела долга;
- под плавающую процентную ставку. Процентная ставка по банковскому кредиту может состоять из двух частей: неизменная база (зачастую требуемый минимальный размер доходности самого банка) и переменная часть (ключевая ставка РФ, ставка LIBOR и т. п.). Например, процентная ставка рассчитывается как ключевая процентная ставка (переменная часть) в размере 7,25% плюс постоянная/переменная маржа (база) в размере 2% — итого 9,25%.

Наиболее распространенные источники стоимости заемного капитала:

- средневзвешенные процентные ставки по данным аналитики ЦБ РФ по кредитам, предоставленными кредитными организациями нефинансовым организациям (см. http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=int_rat);
- процентная ставка по банковскому кредиту, указанная в кредитном договоре / индикативе по условиям предполагаемой сделки с банком;
- эффективная (скорректированная) процентная ставка. Если компания получает государственные субсидии на покрытие процентных расходов, то процентная ставка по банковскому кредиту корректируется на размер государственных субсидий. В результате корректировки эффективная процентная ставка должна быть ниже процентной ставки по банковскому кредиту.

Пример ставок для использования в расчете WACC представлен в табл. 5.

Таблица 5

Возможные источники стоимости заемного финансирования

Table 5. Possible sources of cost of loan financing

Источник	Размер стоимости заемного капитала, %
Средняя процентная ставка по данным ЦБ РФ за 2017 г. По кредитам свыше 3 лет в рублях	10,61%
Процентная ставка по кредиту банка (условно)	10,00%
Эффективная процентная ставка (условно)	8,00%

Премия за акционерный риск (ERP)

Премия за акционерный риск (Equity Risk Premium, ERP) отражает разницу между ожидаемой доходностью от вложений в диверсифицированный портфель акций и доходностью от инвестиций в безрисковые активы (облигации). Инвесторы получают сверхдоход за более высокий риск инвестирования в акции: чем выше риск инвестирования в акции, тем выше данная премия. Премия за акционерный риск является теоретической величиной, так как никто не может спрогнозировать точное поведение акций компании или рынка в целом. В результате премия за акционерный риск рассчитывается на основе исторических данных путем анализа поведения рынка акций за определенный период времени.

Стоит отметить, что премия за акционерный риск может существенно отличаться в зависимости от временных рамок и метода расчета. Так, некоторые рынки в разные периоды времени могли демонстрировать различные премии за акционерный риск. Среднеарифметическое превышение акций над облигациями в США за 1928–1965 гг. составляет порядка 9,2%, 1966–2000 гг. — 4,97%, 2001–2017 гг. — 2,96%.

Несмотря на вариативность значений, существование премии за акционерный риск является неоспоримым фактом, так как в долгосрочной перспективе рынок предоставляет больший доход за более высокий риск инвестирования в акции. ERP используется как один из компонентов стоимости собственного капитала в модели ценообразования на рынке капитальных финансовых активов (CAPM). Значение ERP может быть рассчитано на базе рыночной информации самостоятельно. Существует несколько вариантов расчета данного показателя:

- самостоятельный расчет премии за акционерный риск — на основе разницы средних арифметических/геометрических доходностей индекса S&P500 и 10-летних казначейских облигаций. Данный подход к расчету является наиболее распространенным;
- ряд аналитиков и консультантов публикуют регулярные отчеты об уровне ERP — к примеру, издательство Ibbotson («Stocks, Bonds, Bills and Inflation. Valuation Year-Book»), Асват Дамодаран (<http://pages.stern.nyu.edu/~adamodar>), консалтинговая компания KPMG («Cost of Capital Study»), Credit Suisse («Global Investment Returns Sourcebook»), информационная система Bloomberg (рис.).

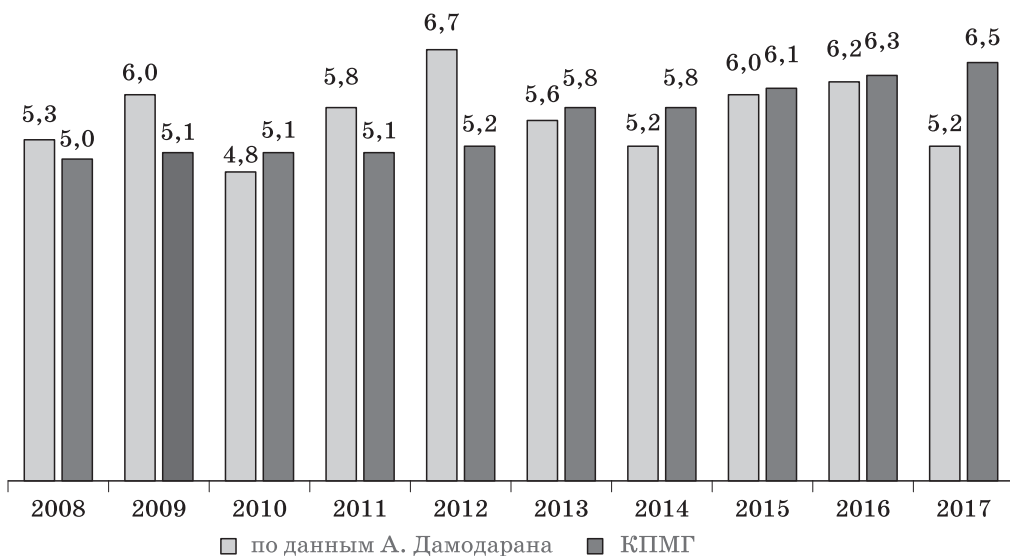

Рис. Премии ERP за последние 10 лет по данным А. Дамодарана и КПМГ
Fig. The awards ERP for the last 10 years according to A. Damodaran and KPMG

Источники: www.pages.stern.nyu.edu/~adamodar/, www.kpmg.com

Поскольку ERP традиционно варьируется в незначительном диапазоне, в практике оценки бизнеса и анализа проектов международных консалтинговых компаний принято использование значения на уровне порядка 4,5–6%. Большинство международных консультантов использует фиксированное значение из этого диапазона и не проводит детального анализа в каждом конкретном случае.

Премия за специфический риск проекта

Премия за специфический риск проекта/компании (Specific risk premium, SRP) представляет собой дополнительную доходность за риск, который характерен для выбранного проекта/компании. Данный показатель является одним из компонентов

ставки дисконтирования в модели CAPM. Традиционно применяется от 0 до 5% в зависимости от рисков проекта и оптимистичности прогнозов. В современной литературе и стандартах оценки отсутствуют общепризнанные подходы к расчету, на практике зачастую используются экспертные оценки без каких-либо четких обоснований и привязки к реальным рискам потоков проекта.

По нашему мнению, наиболее наглядный подход для расчета SRP, который не представлен в современной литературе, — это подбор значения, т. е. изменение основных параметров проекта и подбор SRP, применение которой в исходной модели даст аналогичный эффект на NPV. При этом: в случае достоверной информации о необходимости корректировки предпосылок корректируются потоки финансовой модели; в случае неопределенностей возможны премии за специфические риски в ставке дисконтирования. То есть корректировка ставки и применение SRP целесообразны в том случае, когда дальнейшее уточнение самих прогнозируемых потоков нецелесообразно или невозможно.

В табл. 6 представлена чувствительность изменения стоимости бизнеса при изменении ставки дисконтирования (WACC) и долгосрочного темпа роста (ИПЦ). Например, базовая стоимость бизнеса компании составляет 30,8 млрд руб., при увеличении ставки дисконтирования на 2 пп. (до 17,85%) и долгосрочных темпов роста потоков (до 5,5%) стоимость бизнеса опускается до 22 млрд руб.

Предположим, что инвестиционному проекту присущи два основных риска — сдвиг срока строительства и недостижение планируемой цены на продукцию. Также предположим, что в финансовой модели сдвиг срока реализации проекта на 4 месяца и снижение цены на 5% (табл. 7, сценарий 1) приводит к снижению стоимости бизнеса до 16,8 млрд руб. Чтобы получить аналогичную стоимость бизнеса при базовом сценарии (без изменения цены и сдвига сроков реализации проекта), стоимость акционерного капитала при условии неизменности других входных параметров ставки дисконтирования WACC должна увеличиться на 6%.

В то же время, данные риски имеют некоторые вероятности. В сценарии 2 добавляется вероятность наступления сценария 1, т. е. вероятность сдвига срока реализации проекта на 4 месяца и снижения цены на 5% составляет 50%. При реализации данного сценария в финансовой модели стоимость бизнеса компании снизится по сравнению с базовым сценарием с 30,8 до 26,5 млрд руб. Данное снижение стоимости бизнеса аналогично увеличению стоимости акционерного капитала в базовом сценарии на 2% (при условии неизменности других входных параметров ставки дисконтирования WACC) — до 23,7%. Таким образом, в исходной финансовой модели проекта целесообразно применение премии за специфический риск в размере от 2%.

Таблица 6

Анализ чувствительности — стандартный формат представления

Table 6. The analysis of sensitivity — a standard format of representation

Стоимость бизнеса/NPV согласно базовому сценарию без учета специфического риска						
	WACC	13,85%	14,85%	15,85%	16,85%	17,85%
Долгосрочный темп роста (ИПЦ)	1,5%	47 791	40 061	35 528	31 039	27 290
	2,5%	43 513	37 727	32 978	29 014	25 657
	3,5%	40 062	35 035	30 842	27 293	24 253
	4,5%	37 845	32 780	29 025	25 811	23 031
	5,5%	34 836	30 862	27 462	24 522	21 959

Стоимость акционерного капитала без учета премии за специфический риск = 21,7%

Факторный анализ стоимости. Определение премии за специфический риск
 Table 7. Factorial analysis of cost. Definition of an award for specific risk

Сценарий 1. Определение стоимости проекта/бизнеса при изменении предпосылок

	30 842	Задержка срока				
		2 мес.	4 мес.	6 мес.	8 мес.	10 мес.
Цена реализации	-1%	—	—	—	—	—
	-2%	—	—	—	—	—
	-5%	—	16 843	—	—	—
	-10%	—	—	—	—	—
	-15%	—	—	—	—	—

Сценарий 2. Определение стоимости проекта/бизнеса в зависимости от вероятности изменения предпосылок

	30 842	Задержка срока на 4 мес. (вероятность)				
		0%	25%	50%	75%	100%
Снижение цены на 5% (вероятность)	0%	—	—	—	—	—
	25%	—	—	—	—	—
	50%	—	—	26 543	—	—
	75%	—	—	—	—	—
	100%	—	—	—	—	16 843

На практике часто размер премии за специфический риск определяется экспертным путем. Описанная выше методология минимизирует субъективность в рамках выбора/расчета премии за специфический риск проекта.

Фактические ставки по отраслям экономики

Фактически применяемые компаниями ставки дисконтирования по конкретным инвестиционным проектам можно найти в соответствующих финансовых моделях, бизнес-планах и презентациях компаний. При этом в публичном пространстве ставки раскрываются в финансовой отчетности компаний, публикующих отчетность по МСФО/ОПБУ США/иным стандартам в случае проведения теста на обесценение активов, однако имеют несколько иное применение — использование в тесте на предмет обесценения активов, отражаемых в их финансовой отчетности.

Например, в соответствии с требованиями стандарта МСФО № 36 «Обесценение активов» при подготовке и публикации финансовой отчетности компания, имеющая на балансе гудвилл или нематериальные активы с неопределенным сроком использования (а также основные средства), должна раскрывать не только сумму обесценения какого-либо вида активов, но и основные предположения, которые использовались при тестировании этих активов на обесценение, а также анализ чувствительности возмещаемой стоимости актива к изменениям в основных предположениях (подробнее см. [1]).

К основным раскрытиям при этом можно отнести период прогнозирования денежных потоков, предположения о росте тех или иных показателей, формирующих итоговое значение денежного потока, размер и обоснование использованной ставки дисконтирования. Отметим, что значительное число компаний не уделяют внимания данным раскрытиям и детальному анализу чувствительности стоимости

активов к предположениям. Среди основных причин можно указать на недостаток опыта и недооценку важности раскрытий для пользователей отчетности. В частности, при раскрытии используемой ставки дисконтирования (по МСФО № 36, пара 130, п. «g») компании зачастую не указывают вид ставки и характеристики денежного потока: доналоговая/посленалоговая, номинальная/реальная, для какой валюты применяется ставка.

Все же очевидно, что в целом данные ставки не должны существенно отличаться от ставок, используемых для дисконтирования потоков инвестиционных проектов, — отличия в каждом конкретном случае могут быть обусловлены статусом проекта, специфическими рисками, валютой и типом прогнозируемого денежного потока и проч.

Рассмотрим средневзвешенную стоимость капитала на примере ряда компаний и отраслей в целом. Для этого были выгружены показатели отчетности крупнейших компаний четырех отраслей экономики, на базе системы Блумберг и фактической отчетности подготовлен свод показателей (табл. 8). В целом по выбранным индустриям средняя средневзвешенная стоимость капитала составляет порядка 12–13%.

В рамках одной индустрии можно заметить, как сильно разнится средневзвешенная стоимость капитала. Например, ставка для потоков ПАО «Корпорация «Иркут» меньше НПО «Наука» в три раза (4,2% и 13,5% соответственно). Во многом это обусловлено структурой капитала компаний. Высокая доля заемного капитала (до 92,2%) и низкая стоимость заемного финансирования у ПАО «Корпорация «Иркут» приводит к ставке в размере 4,2% в отличие от НПО «Наука», где доля акционерного капитала составляет 91,3%. Самая высокая ставка WACC среди выбранных компаний наблюдалась у ПАО «НОВАТЭК» (15,8%), что обусловлено высокой долей акционерного капитала (92,7%), а также самой высокой стоимостью акционерного капитала (16,4%).

При этом обратим внимание, что при анализе ставок в отчетности методика расчета ставки дисконтирования согласно требованиям стандартов является одним из наиболее спорных моментов на практике. Отсутствие дополнительной информации делает невозможным сравнение предположений и ухудшает сопоставимость финансовых показателей компаний.

Во-первых, стандарт предусматривает прогнозирование денежных потоков без учета расходов по налогу на прибыль и последующее их дисконтирование по доналоговой ставке дисконтирования. Согласно мнению ведущих консультантов, не существует общепризнанной методики расчета доналоговой ставки, а простая корректировка ставки на величину ставки по налогу на прибыль привносит некоторое упрощение. В то же время, перестройка детальной модели для перерасчета посленалоговой в доналоговую ставку лишь незначительно повышает точность расчета (в общем случае, не более 1%, что не превышает доверительный интервал в расчете самой ставки).

Во-вторых, ставка дисконтирования должна отражать риски денежных потоков, к которым она применяется, следовательно, в ней должны быть заложены риски, присущие прогнозам в конкретной валюте. Традиционно расчет ставки с использованием модели CAPM (для определения стоимости собственного капитала) базируется на данных развитого фондового рынка, например рынка США. Уже далее делаются дополнительные корректировки на страновой риск, риск изменения курса валюты и т. д. При таком подходе потоки, выраженные в рублях, долларах, евро и т. д., должны дисконтироваться по разным ставкам в соответствии с различиями в ожиданиях относительно темпов инфляции и соотношения курсов валют. Практика применения этого общего положения различна. Например, специалисты компании Deloitte&Toush склонны включать риски изменения курсов валют в потоки, а оценщики компании КПМГ — в саму ставку. В последние годы зачастую расчет

Ставки дисконтирования и компоненты расчета по избранным отраслям экономики
 Table 8. Discount rates and components of calculation for the elected branches of economy

Отрасль/компания	WACC, %	Стоимость акционерного капитала, %	Стоимость заемного капитала, %	Доля акционерного капитала, %	Доля заемного капитала, %	Рыночная капитализация, млрд руб.
Космос и оборонно-промышленный комплекс	14,60%	—	—	—	—	—
ОАО «ОАК»	6,8%	12,4%	3,3%	38,1%	61,9%	292
ПАО «Корпорация «Иркут»	4,4%	14,4%	3,6%	7,8%	92,2%	18
НПО «Наука»	15,1%	15,6%	6,5%	94,5%	5,5%	5
Транспорт	10,36%	—	—	—	—	—
ПАО «Аэрофлот»	11,0%	14,1%	6,5%	59,7%	40,3%	155
ПАО «Новороссийский морской торговый порт»	11,5%	12,9%	8,7%	67,8%	32,2%	129
ПАО «Авиакомпания «Ютэйр»	10,7%	12,9%	9,5%	32,6%	67,4%	31
ПАО «Дальневосточное морское пароходство»	5,1%	15,9%	2,7%	17,7%	82,3%	17
Химия	12,56%	—	—	—	—	—
ПАО «ФосАгро»	12,5%	14,7%	6,7%	72,7%	27,3%	300
ПАО «Уралкалий»	9,2%	12,3%	7,9%	29,0%	71,0%	317
ПАО «Акрон»	10,4%	12,0%	7,2%	67,2%	32,8%	176
ПАО «Органический синтез»	10,1%	10,6%	6,1%	89,3%	10,5%	170
ПАО «Нижнекамскнефтехим»	11,8%	11,9%	5,1%	98,9%	0,9%	82
Энергетика и ресурсы	12,62%	—	—	—	—	—
ПАО «Газпром»	11,8%	17,4%	6,9%	48,4%	51,6%	3391
ПАО «Лукойл»	14,8%	16,3%	7,7%	82,2%	17,8%	3612
ПАО «НК «Роснефть»	11,7%	16,8%	7,3%	45,9%	54,1%	4038
ПАО «Новатэк»	15,6%	16,1%	8,6%	93,5%	6,5%	2493
ПАО «Газпром нефть»	11,4%	13,3%	8,3%	65,6%	34,4%	1560

Источник: информационная система Блумберг, данные финансовой отчетности компаний.

начинается с данных отечественного рынка, и применение валютной и страновой премии становится неактуальным.

В-третьих, споры при расчете ставки дисконтирования по методу средневзвешенной стоимости капитала вызывают вопрос о расчете финансового рычага. Пункт 19 Приложения к стандарту МСФО № 36 говорит о необходимости использования став-

ки, не зависящей от структуры капитала компании, и способа финансирования приобретения актива, поскольку будущие денежные потоки не зависят от того, каким образом компания финансировала его приобретение. Из этого тезиса оценщики делают вывод о том, что необходимо применять среднерыночную, а не специфическую для конкретной компании структуру капитала. Действительно, поскольку в данном случае тестируется на обесценение не компания, а именно актив, целесообразно использовать среднерыночный рычаг и, следовательно, ориентированную на рынок ставку и стоимость актива в использовании. В то же время получается, что при расчете ставки происходит смешение компонентов: некоторые компоненты берутся среднерыночными (например, рыночная премия за риск, финансовый рычаг), другие — специфическими, в частности, надбавка за специфический риск, которая на практике обычно составляет до двух процентов.

Аналогичный спор возникает по вопросу о включении в расчет стоимости заемного финансирования — среднерыночной или фактической, т. е. той, по которой компания привлекает заемное финансирование (незадолго до отчетной даты или уже после отчетной даты, до даты публикации отчетности). При рассмотрении данных особенностей применительно к каждому из компонентов ставки следует не забывать об ее итоговом значении и сопоставимости с денежными потоками и другими схожими компаниями/проектами. В любом случае, целесообразно в каждом случае рассчитывать разумный интервал ставок и определять наиболее применимую ставку для дисконтирования конкретных потоков.

Заключение

В данной статье рассмотрен один из наиболее спорных с методологической точки зрения вопросов в анализе инвестиционных проектов и оценке стоимости бизнеса — определение ставки дисконтирования. Как мы отметили, ставки могут различаться в зависимости от объекта анализа, цели, требования стандартов, конкретных устоявшихся практик. Мы рассмотрели лишь несколько специфических вопросов — технику расчета дисконтированных потоков при плавающей (динамической) ставке, источники определения стоимости заемного финансирования, компоненты премии за акционерный риск и риск конкретного проекта. Отдельными вопросами, требующими детального рассмотрения, могут быть также премии за страновой и валютный риски, премии за размер проекта/компании, подходы к прогнозированию отдельных компонентов ставки. В статье также представлен обзор ставок дисконтирования ряда крупнейших компаний России на основе публично доступной информации в финансовой отчетности данных компаний.

Литература

1. Тихомиров Д. В. Обесценение активов: проблемы оценки и отражения в финансовой отчетности // Известия СПбГЭУ. 2010. № 1. С. 7–16.
2. Тихомиров Д. В. Финансовая модель как инструмент принятия решений в проектном финансировании // Известия СПбГЭУ. 2018. № 2. С. 44–51.

Об авторах:

Моисеев Роман Александрович, старший аналитик направления финансового моделирования, Внешэкономбанк (Москва, Российская Федерация)

Ралков Александр Анатольевич, инвестиционный менеджер направления финансового моделирования, Внешэкономбанк (Москва, Российская Федерация)

Тихомиров Дмитрий Викторович, доцент кафедры КПМГ Финансового университета при Правительстве РФ; куратор направления финансового моделирования, Внешэкономбанк; кандидат экономических наук; DTikhomirov@bk.ru

References

1. Tikhomirov D. V. Depreciation of assets: problems of assessment and reflection in financial statements // News of SPbSUE [Izvestiya SPbGEU]. 2010. N 1. P. 7–16.
2. Tikhomirov D. V. Financial model as the instrument of decision-making in project financing // News of SPbSUE [Izvestiya SPbGEU]. 2018. N 2. P. 44–51.

About the author:

Roman A. Moiseev, senior analyst, financial modelling division, Vnesheconombank (Moscow, Russian Federation)

Aleksander A. Ralkov, investment manager, financial modelling division, Vnesheconombank (Moscow, Russian Federation)

Dmitry V. Tikhomirov, Associate Professor of the Department KPMG of Financial University under the Government of the Russian Federation; Head of Financial Modelling, Vnesheconombank (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; DTikhomirov@bk.ru

City as an Object of Ecological and Economic Researches: the Example of Russian Cities

Shcherbakova N. V.^{1, *}, *Khaikin M. M.*²

¹Scientific Research and Design Institute of Territorial Development and Transport Infrastructure, St. Petersburg, Russian Federation; *nadshch@mail.ru

²St. Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The growth of environmental pollution especially in big cities dictates the need to search for the reasons of this trend, most of which refer to the economic sphere. The aim of this work is not only to describe the state of environment in Russian cities with the population of 100 thousand inhabitants and more, but also to reveal the main economic factors that influence on the intensity of their environmental pollution. The ecological and economic analysis of Russian cities, fulfilled in this work, helped to identify the most unfavourable of them in terms of the level of environmental impact. The low quality of environment in these cities is largely due to natural and climatic conditions (bad conditions for contaminants dispersion) and specifics of their economic development: functioning of large industrial enterprises of ferrous and non-ferrous metallurgy, petrochemistry, construction industry. The conclusion is that to improve the environmental quality in these cities comprehensive social, environmental and economic solutions are required.

Keywords: environmental pollution, urban area, pollution growth, Russian cities, ecological rating

Город как объект эколого-экономических исследований: пример российских городов

Щербакова Н. В.^{1, *}, *Хайкин М. М.*²

¹ООО «Научно-исследовательский и проектный институт территориального развития и транспортной инфраструктуры», Санкт-Петербург, Российская Федерация; *nadshch@mail.ru

²Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Рост загрязнения окружающей среды, особенно в больших городах, диктует необходимость поиска причин этой тенденции, большинство из которых относятся к экономической сфере. Целью этой работы является не только описание состояния окружающей среды в российских городах с населением в 100 тыс. жителей и более, но и выявление основных экономических факторов, влияющих на интенсивность загрязнения окружающей среды. Экологический и экономический анализ городов России, выполненный в этой работе, помог выявить наиболее неблагоприятные из них с точки зрения уровня воздействия на окружающую среду. Низкое качество окружающей среды в этих городах во многом обусловлено природными и климатическими факторами (плохие условия для дисперсии загрязняющих веществ) и особенностями их экономического развития: функционированием крупных промышленных предприятий черной и цветной металлургии, нефтехимии, строительной отрасли. Вывод заключается в том, что для улучшения качества окружающей среды в этих городах требуются комплексные социальные, экологические и экономические решения.

Ключевые слова: загрязнение окружающей среды, городская территория, рост загрязнения, города России, экологический рейтинг

---

1. Introduction

It is well-known that at the planetary scale the most important global economic problem of the modern society is the ecological one. Environmental safety is influenced by the number of factors, the most significant among which is the economic growth as the

result of modern achievements in science and technology. On the other hand, in the system «society — production — nature» a key place is occupied by modern scientific and technological achievements and they should be regarded as the effective means of scientific and technical development of natural environment.

The organizational and economic mechanism of nature management should be directed not only to the use of science and technology achievements in the sphere of material production, but also to the ecologization of productive processes themselves. The ecologization of material production processes implies their compliance with the principle of their «inscribing» into natural processes. In the last quarter of the century this principle became especially actual not only for agriculture, forestry, livestock husbandry, but also for other sectors of economy, including urban economy (Khaikin M. M., Zhukova P. S., 2015).

The latest achievements of scientific and technological progress are realized mainly in urban areas, chiefly in large industrial centre. However, these achievements are often detrimental to quality of life and they have negative consequences. Therefore, the environmental conditions in many cities are evidently unfavourable (Bitjukova V. R., 2012).

Taking into account that at the present time approximately 50% of the world's population lives in urban areas and the forecast value of this indicator will increase to 60% by 2030 and in industrialized countries will exceed 80% (United Nations, 2016), it is obvious that urban areas become the main ones in solving environmental problems.

Thus, within the framework of spatial ecological and economic analysis city is the main object of research.

Since the second half of the 19th century urban population growth was so intense in the world and the spheres of material and non-material production developed so rapidly that the state of the environment of a number of cities no longer satisfied the needs of a city dweller as a biocultural creature. The beginning of the processes of active urbanization in our country dates back to the last quarter of the 19th century, which especially intensified after the revolutions of 1917.

Megalopolises qualitatively transform almost all elements of nature: climate, atmosphere, soil, flora, fauna, relief, soils, groundwater and water. 80% of all air emissions and 75% of the total pollution are concentrated in cities. The harmful impact of cities on the state of the environment extends over a distance of about 70–100 km from their borders.

The concept of «pollution» has significantly expanded. Now it includes any biological species, chemical compound, anthropogenic and natural physical agent, which, entering the ecosystem, begins to influence the change of its parameters (Satterthwaite D., Dodman D., 2013).

In Table 1 the most significant ecological problems of cities, which especially exacerbate in connection with the active processes of formation and growth of urban agglomerations, are considered:

Table 1

Ecological Problems of Urban Areas

Problem	Directions of Impact
High loads on lithosphere	Changes in the relief, in the structure of catchment basins, in the properties of lithosphere, formation of caverns as results of construction works
High loads on landscape	Destruction of natural landscapes in cities and their suburbs as a result of high attendance of recreational areas; the alienation of land for landfills, residential development, motorways; lack of recreational areas; plant diseases as a consequence of changes in the composition of soils, atmosphere and hydrosphere pollution; the formation of «urban» species composition of vegetation

Problem	Directions of Impact
Problems related to water supply	Significant changes in the water balance; active exploitation of water resources and changes in the hydrological and hydrogeological situation as consequences; influence of economic activities on the state of sources of drinking water; interaction of surface and ground waters
Problems associated with air pollution	Acid precipitation; excessive dust content in the atmosphere, «heat islands», etc.
Problems of solid waste management	Accumulation of solid wastes in urban areas, institutional contradictions accompanying the process of their utilization
Light pollution, vibration, noise, electromagnetic radiation	Light pollution, vibration, noise, electromagnetic radiation that have negative impact on the population of a city and its suburbs
Problems associated with the functioning of city's engineering and transport infrastructure (power supply, sewerage, transport, water, heat, gas, etc.)	Negative impact of engineering and transport infrastructure of a city and its suburbs on the state of urban environment

Source: compiled by the authors

2. Literature review

In this study our attention is concentrated on Russian cities. The ecological problems of Russian cities are very acute. There are various approaches to assessing the quality of urban environment. For example, an ecological rating of Russian cities is drawn up annually by the specialists of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation (The Ministry of Natural Resources..., 2016). The rating methodology was developed by the company EY (Ernst & Young) under the order of the Ministry of Natural Resources of Russia, taking into account the recommendations of the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) and world analogues. This methodology provides for an assessment on basis of 26 indicators, which are grouped according to the following sections: air quality (4 indicators), water consumption and its quality (4 indicators), use of territories (2 indicators), waste management (3 indicators), transport (4 indicators), energy consumption (4 indicators) and environmental impact management (5 indicators). In order to obtain the initial data official requests are sent to all regions of the Russian Federation.

94 cities took part in the last rating of 2015 (as well as in the rating of 2014). Besides the capitals of all regions of Russia and federal cities, 9 other cities participated in the rating: Vyborg, Glazov, Evpatoria, Yelets, Mzhzha, Nefteyugansk, Ramenskoye, Sarapul, Surgut. At the same time, 39 cities could not collect enough data for one or several categories and they did not enter the general rating.

In the rating of 2015 leading positions were occupied by Gorno-Altaysk, Moscow, Vologda, Magas and Kursk. Simultaneously Simferopol was the first in air quality, Syktyvkar — in the level of waste management, and Kyzyl — in water quality. Lipetsk, Yuzhno-Sakhalinsk, Salekhard, Vladivostok and Tyumen were in the end of the general rating.

Despite the fact that the ecological rating of Russian cities (described above) is considered to be the most comprehensive, objective and compiled annually (from 2013), its methodology implies the collection of hard-to-access information (for example, the indicator «the share of more ecological transport» from the section «transport»), which is not always reflected in official statistical publications. Moreover, the lack of actual data on indicators reduces the position of a city in the rating, which significantly distorts the results of the assessment.

The rating of sustainable development of Russian cities, which is compiled annually (since 2012) by the rating agency «SGM» (The «SGM» Agency, 2016), is another example of an integrated assessment of environmental quality of cities in Russia.

The methodological basis of the rating is founded on the concept of a triune outcome, which takes into account both economic performance of activities, and social, environmental impact of economic entities or a city/ a region. All three components are included in the final index of sustainable development of a city on the basis of the principle of equivalence.

The assessment of sustainable urban development is based on the analysis of 31 statistical indicators, describing a city by four main categories: social infrastructure (9 indicators), urban infrastructure (7 indicators), economic development (9 indicators), ecology (3 indicators). The three remaining indicators characterize demographic situation in a city. The converted private indicators are included in the final index of a category according to their weight, determined expertly. Only those indicators are used in the assessment that is available for the largest number of cities (at least 95% of the total number). It is worth mentioning that the division of indicators into categories and their number differ depending on the year of rating, which makes it difficult to analyze the dynamics of sustainable development of Russian cities.

Open statistical data on municipalities, the websites of regional divisions of Rosstat and the chargeable statistical portal «Multistat» are the main sources of information for drawing up the rating.

The rating embraces the cities of the Russian Federation with a population of 100 thousand people and more (in 2015 179 Russia's cities met this criterion).

In 2015 the absolute leaders of the sustainable development rating were Tyumen, Surgut and Moscow. The top ten leaders also included Krasnodar, Perm, St. Petersburg, Ekaterinburg, Kazan, Nizhnevartovsk and Nefteugansk. The cities-outsiders of the rating were Kamyshin, Novocherkassk, Taganrog, Grozny, Murom, Biysk, Miass, Nizhny Tagil, Artem, Belovo.

This rating mainly assesses the level of socio-economic development of cities rather than their sustainability. The ecological component is represented by only three indicators, one of which describes the degree of air pollution (specific emissions of pollutants per 1 sq. km of urban area), the other — the level of water consumption (water consumption per unit of industrial output), the third — the density of urban population. The use of expert assessments when calculating summary indices by categories imparts subjective character to the rating.

3. Methodology

In this study our attention is concentrated on Russian cities with the population of 100 thousand inhabitants and more. In 2015 74% of Russia's population lived in cities; 29% of the urban population — in big cities with a population of 1 million people and more (United Nations, 2016).

The analysis of open, officially published statistics of the Federal State Statistics Service for Russian cities with the population of 100 thousand people and more over a period of 2004–2016 (Federal Service of State Statistics (Rosstat), 2005, 2006, 2007,

2009, 2011, 2013, 2015, 2017) allowed us to identify cities with unfavourable ecological situation and to determine the trends of pollution of atmospheric air, surface water bodies and land resources. It is worth noting that, unlike regional statistics, municipal one has a very narrow set of indicators and different time series.

In 2013 the Federal State Statistics Service (Rosstat) published the bulletin «Key Environmental Indicators», where, among other things, the data on emissions of air pollutants from stationary sources and road transport were presented for 181 Russian cities for 2012.

In the bulletin of 2015 the data for 2014 were published on the Rosstat website, but these data were focused on regions in general, and not on certain cities. In the survey of 2015 the list of cities is much smaller (37 cities) than in the bulletin of 2013 and the surveys of 2015 and of 2017 do not have data on automobile emissions. Therefore, in our study of the most environmentally polluted cities in Russia the data from the bulletin of 2013 (rather than from the one of 2015 and of 2017) were used.

It is also worth mentioning that the distribution of places in the rating by total volume of emissions does not always reflect the real difference in environmental pollution of cities. For example, by total emissions Moscow is in the second place, and Krasnoyarsk is in the 11th place. But in Krasnoyarsk sulfur dioxide prevails in emissions of pollutants (more than 80%), which is 2 times more toxic than nitrogen dioxide, whose content is about 50% in pollutant emissions in Moscow.

4. Key Results

Figure 1 shows the emission of pollutants into atmosphere (per square kilometer of urban area) in twenty cities of Russia with the highest values of this indicator as of 2012.

In 2012 the leader in the emissions of pollutants from all sources was Norilsk. The basic mass of pollution came from stationary sources, mainly from the world's largest mining and metallurgical plant (Polar Division of Public Joint Stock Company "Mining and Metallurgical Company "Norilsk Nickel"). Cherepovets and Angarsk are also among the top three leaders in this indicator. In other cities the values of this indicator did not exceed the value of 1000 tons per square kilometre of urban area. In 2012 in Moscow the contribution of road transport to air pollution was 93%, in Yaroslavl — 48%, in Ryazan — 38%, in Krasnoyarsk and Chelyabinsk — 37%, in Tula — 33%, in Omsk — 28%. In the other cities, shown in Fig. 1, the main contribution to air pollution was made by stationary sources (enterprises, organizations).

The dynamics of pollutant emissions into atmosphere from stationary sources in twenty cities of the Russian Federation under consideration for the period from 2004 to 2012 testifies to the lack of a common trend for all cities (see Figure 2).

In Angarsk, Novochoerkassk and Omsk there is a tendency to the increase in emissions of pollutants into atmosphere from stationary sources (per square kilometre of urban area), in Cherepovets, Sterlitamak, Tula, Achinsk, Severodvinsk, Chelyabinsk, Volzhsky, Salavat and Ryazan — a tendency to the decrease, and in Norilsk, Lipetsk, Moscow, Novokuznetsk, Magnitogorsk, Krasnoyarsk, Nizhny Tagil and Yaroslavl — stabilization at approximately the same level.

Figure 3 presents the dynamics of pollutants' emissions from road transport in twenty cities of the Russian Federation — leaders in total emissions into atmosphere in 2012, calculated per square kilometre of urban area. This dynamics was formed, using available statistics for three years: 2010, 2012 and 2014. As above no common tendency for the cities under consideration was observed. The clear tendency of growth of pollutants' emissions into atmosphere from road transport was traced in Moscow, Sterlitamak, Chelyabinsk and Salavat, and the reduction of emissions was in Norilsk, Novokuznetsk, Volzhsky and Yaroslavl.

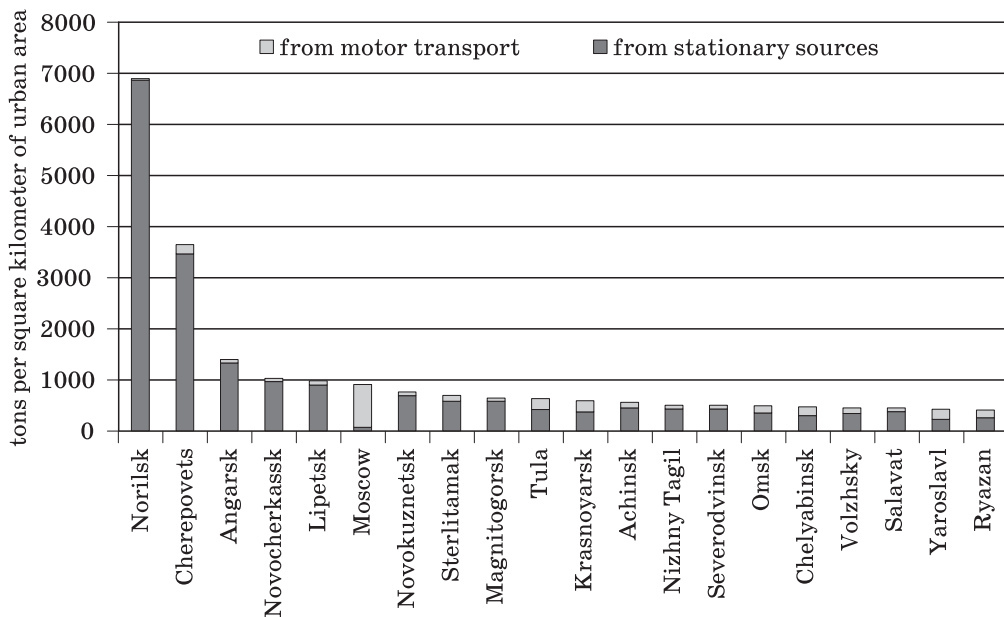

Figure 1. Emission of Pollutants into Atmosphere in Twenty Russian Cities with the Highest Values of This Indicator (as of 2012)

Source: compiled by the authors.

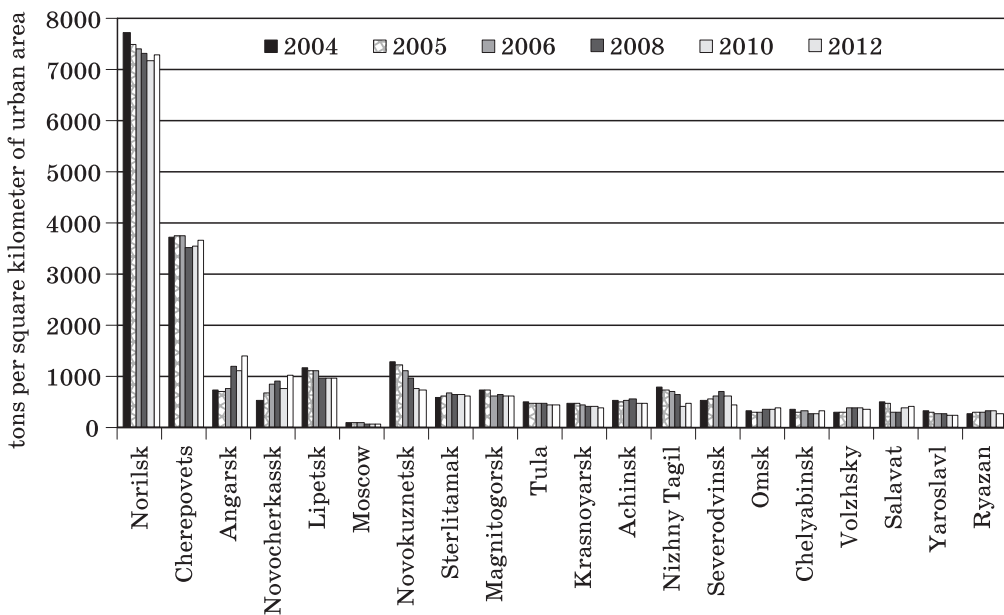

Figure 2. Dynamics of Pollutant Emissions into Atmosphere from Stationary Sources in Twenty Cities of the Russian Federation — Leaders in Total Pollutant Emissions in 2012

Source: compiled by the authors.

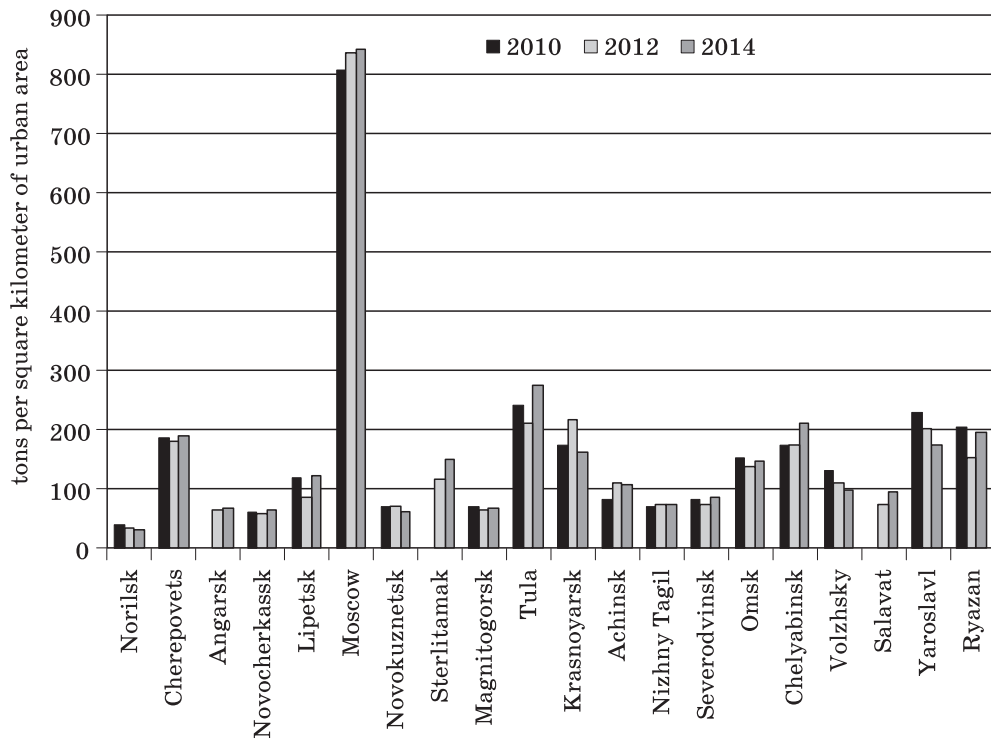

Figure 3. Dynamics of Pollutant Emissions into Atmosphere from Motor Transport in Twenty Russian Cities — Leaders in Total Pollutant Emissions in 2012

Source: compiled by the authors.

Nine of the considered cities — leaders in total emissions into atmosphere in 2012, calculated per square kilometre of urban area, (Norilsk, Novocherkassk, Moscow, Sterlitamak, Magnitogorsk, Krasnoyarsk, Achinsk, Nizhny Tagil and Chelyabinsk) were included in the Priority List of cities with very high levels of atmospheric air pollution. The Priority List was drawn up by specialists of Roshydromet based on the comprehensive analysis of observations in 2012 (Roshydromet, 2013). It includes 28 cities with different population size (including less than 100 thousand people), in which Roshydromet conducts regular observations of atmospheric condition. 20 out of 28 cities are located in the Asian part of Russia, which is characterized by particularly unfavourable climatic conditions for dispersion of impurities.

Further, on the basis of available data for 2008 twenty cities of the Russian Federation with population of 100 thousand people and more — the leaders in the volume of polluted sewage, discharged into surface water bodies, (per capita) were sorted out (see Figure 4). This list of cities differs from the previous one. However, there are cities that are included in both lists. These are Norilsk, Angarsk, Novokuznetsk, Magnitogorsk, Achinsk and Nizhny Tagil.

Data on the volume of wastewater, discharged into surface water bodies, for Russian cities are given for 2009, since no information for later periods has been published (Federal Service of State Statistics (Rosstat), 2011, 2013, 2015, 2017).

In 2009 Vladivostok, Angarsk and Magnitogorsk were among the top three leaders in discharging contaminated sewage into surface water bodies. Despite the fact that Mag-

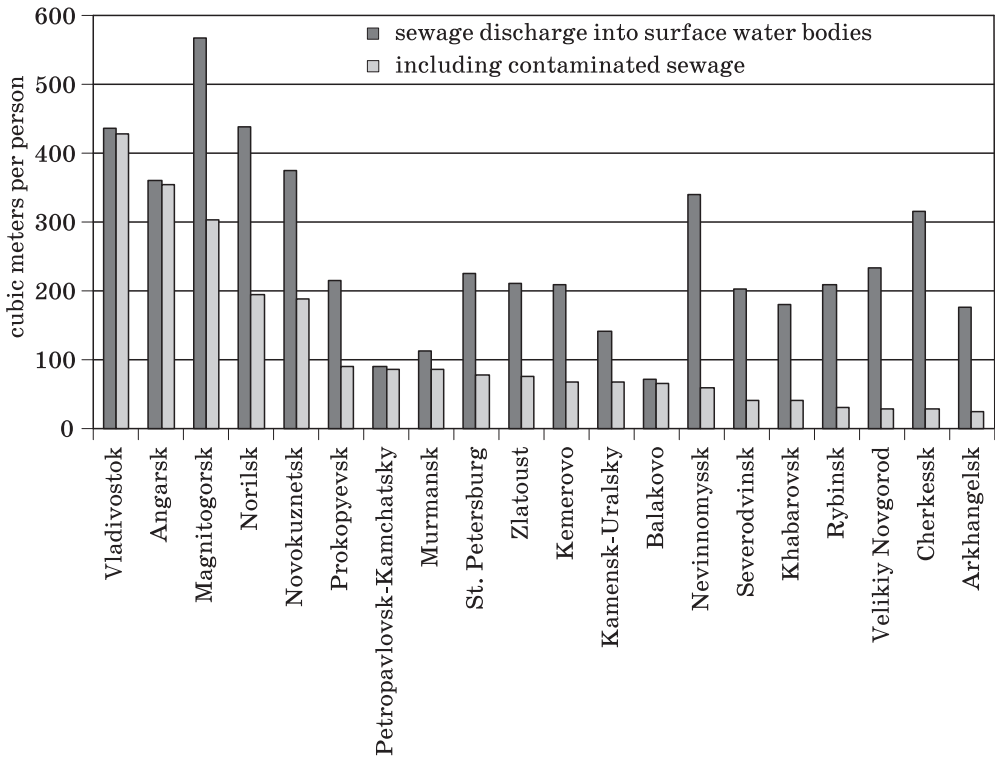

Figure 4. Volume of Wastewater, Discharged into Surface Water Bodies, in Twenty Russian Cities — Leaders in Volume of Discharged Polluted Sewage (as of 2009, volume per capita)

Source: compiled by the authors.

nitogorsk is in this list, the volume of discharged contaminated sewage was 53,5% of total discharge of sewage. Only in Vladivostok, Angarsk, Petropavlovsk-Kamchatsky and Balakovo discharged sewage was not partially cleaned at treatment facilities. In other cities under consideration all wastewater was discharged into surface water bodies with treatment, preventing environmental damage.

The dynamic analysis of per capita polluted sewage, discharged into surface water bodies, also shows the absence of a common trend for all cities, but almost in all twenty cities the value of this indicator in 2009 was the lowest in comparison with its value in other years (see Figure 5).

Thousands, millions cubic meters of solid domestic wastes are generated in cities annually. They can be transported to landfills after or without industrial reprocessing. Waste disposal without recycling causes the greatest damage to environment than waste burial of industrial reprocessing leavings. Table 2 shows twenty Russian cities with the largest per capita volume of solid domestic wastes, buried without their industrial reprocessing, as of 2012.

As it can be seen from Table 1, in all cities under consideration (except Arkhangelsk and Vladimir) almost all domestic wastes were delivered to landfills without industrial reprocessing. In Arkhangelsk 16% of removed solid domestic wastes were reprocessed, in Vladimir — 5%.

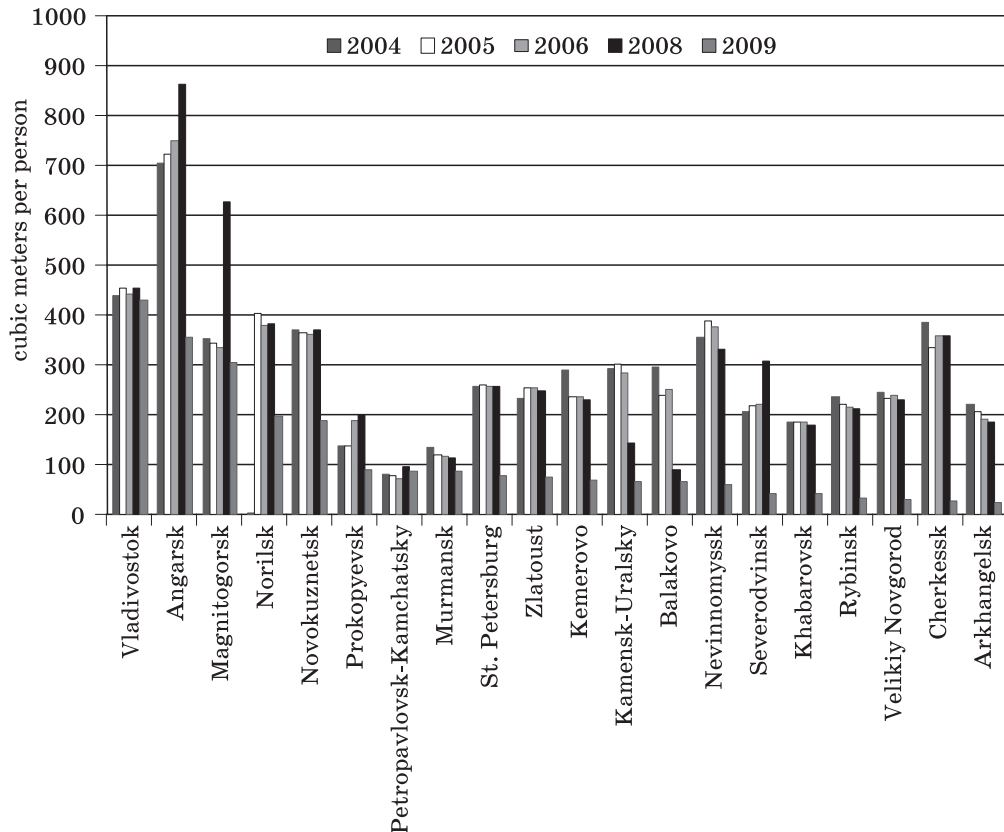

Figure 5. Dynamics of Per Capita Volume of Polluted Sewage, Discharged into Surface Water Bodies, in Twenty Cities with the Largest Values of This Indicator in 2009

Source: compiled by the authors.

Table 2

Russian Cities with the Largest Volumes of Solid Domestic Wastes Transported to Landfills without Industrial Reprocessing in 2012

City	Removed Solid Domestic Wastes per Year, thousand cubic meters	Solid Domestic Wastes, Buried without Industrial Reprocessing	
		Thousand Cubic Meters	Cubic Meters per Capita
1	2	3	4
Elista	996,4	996,4	9,6
Samara	9202,1	9202,1	7,9
Irkutsk	4678,5	4678,5	7,8
Krasnodar	4334,3	4334,3	5,7
Saratov	4702,6	4699,6	5,6
Penza	2341,6	2341,6	4,5

1	2	3	4
Veliky Novgorod	962,7	962,7	4,4
Petropavlovsk-Kamchatsky	760,0	760,0	4,2
Blagoveshchensk (Amur Region)	895,6	895,6	4,1
Kaluga	1328,5	1328,5	4,1
Arkhangelsk	1687,6	1420,5	4,1
Vladimir	1352,4	1281,1	3,7
Tyumen	2231,1	2231,1	3,7
Kaliningrad	1485,0	1485,0	3,4
Tomsk	1831,0	1831,0	3,4
Nizhny Novgorod	4219,7	4219,7	3,4
Tver	1355,1	1355,1	3,3
Yuzhno-Sakhalinsk	613,0	613,0	3,3
Syktvyvkar	783,0	783,0	3,3
Volgograd	3163,7	3163,7	3,1

Source: compiled by the authors.

It is worth noting that in 2002 in the Russian cities under consideration per capita volumes of solid domestic wastes were high enough. The specific value of the analyzed indicator ranged from 3 to 10 cubic meters per person. It is well known that the volume of solid domestic wastes formation is chiefly determined by standard of living of population. In 2012 in Moscow the volume of removed solid domestic wastes per capita amounted to 1.1 cubic meters, in St. Petersburg — to 1.5 cubic meters. The issue of dependence of the volumes of solid domestic wastes formation on standard of living of Russian urban population requires special consideration and analysis.

From 2005 to 2012 in all twenty cities under consideration there was an increase in the volume of removed solid domestic wastes (see Figure 6). The greatest growth for this period was observed in the top three leading cities in terms of the volume of solid domestic wastes, transported to landfills without industrial reprocessing: in Elista (six times), in Samara (four times) and in Irkutsk (three times). The increase in the volume of removed solid domestic wastes may indicate either a growth of city-dwellers' well-being, or an efficiency increase of public utilities supply, or an improvement in the quality of functioning of accounting and controlling wastes system. There may be other factors that require a special study in each particular city.

Russian cities, presented in Table 2 and in Figure 6, are neither among twenty cities with the highest total air pollutant emissions in 2012 nor among the number of cities with the maximum volume of discharged untreated sewage in 2009 (see Table 3).

Russian cities with unfavourable ecological situation by three indicators (criteria) are presented in Table 3. There are some cities with unfavourable ecological situation according to the first two above-mentioned criteria simultaneously. These are Norilsk, Angarsk, Novokuznetsk, and Magnitogorsk. In these cities negative impact on atmospheric air and surface water bodies is one of the strongest in comparison with other cities in Russia not included in the corresponding lists. This negative impact is chiefly induced by large industrial enterprises, located in these cities (see Table 4).

Arkhangelsk and Petropavlovsk-Kamchatsky are among the cities with the highest negative impact on water and soil resources in Russia.

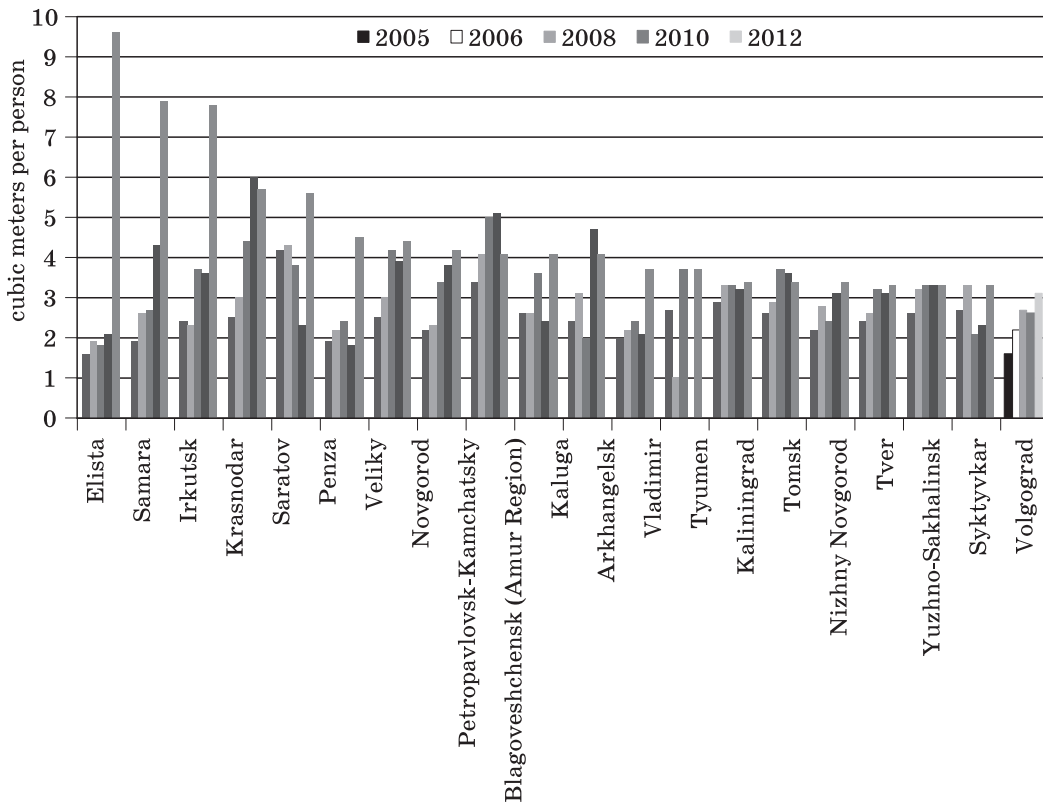

Figure 6. Dynamics of Volume of Solid Domestic Wastes, Transported to Landfills Without Industrial Reprocessing, in Russian Cities with the Largest Values of This Indicator in 2012

Source: compiled by the authors.

Table 3

Twenty Russian Cities with the Most Unfavourable Ecological Situation According to Three Considered Criteria

(The Most Polluted Cities of the Russian Federation, According to the Indicator (Criterion))

Total Emissions of Air Pollutants, tons per square kilometer of urban territory (as of 2012)	Volume of Contaminated Sewage Discharge, cubic meters per person (as of 2009)	Volume of Solid Domestic Wastes, Buried without Industrial Reprocessing, cubic meters per person (as of 2012)
1	2	3
Norilsk	Vladivostok	Elista
Cherepovets	Angarsk	Samara
Angarsk	Magnitogorsk	Irkutsk
Novocherkassk	Norilsk	Krasnodar
Lipetsk	Novokuznetsk	Saratov
Moscow	Prokopyevsk	Penza
Novokuznetsk	Petropavlovsk-Kamchatsky	Veliky Novgorod

1	2	3
Sterlitamak	Murmansk	Petropavlovsk-Kamchatsky
Magnitogorsk	St. Petersburg	Blagoveshchensk (Amur Region)
Tula	Zlatoust	Kaluga
Krasnoyarsk	Kemerovo	Arkhangelsk
Achinsk	Kamensk-Uralsky	Vladimir
Nizhny Tagil	Balakovo	Tyumen
Severodvinsk	Nevinnomyssk	Kaliningrad
Omsk	Severodvinsk	Tomsk
Chelyabinsk	Khabarovsk	Nizhny Novgorod
Volzhsky	Rybinsk	Tver
Salavat	Velikiy Novgorod	Yuzhno-Sakhalinsk
Yaroslavl	Cherkessk	Syktyvkar
Ryazan	Arkhangelsk	Volgograd

Source: compiled by the authors.

Table 4

**Main Polluters in Russian Cities with the Most Unfavourable Ecological Situation
According to Two of Three Considered Criteria**

City	Main Sources of Pollution
Norilsk	Polar Division of PJSC Mining and Metallurgical Company «Norilsk Nickel»
Angarsk	Number of factories of JSC «Angarsk petrochemical company», heat power plants, construction plants, PJSC «Sibreactiv», JSC «Angarsk Electrolysis Chemical Combine»
Novokuznetsk	Plants of ferrous and non-ferrous metallurgy (first of all PJSC West-Siberian Metallurgical Combine, including West Siberian heat and power plant)
Magnitogorsk	Plants of ferrous metallurgy (primarily PJSC «Magnitogorsk Iron and Steel Works»)

Source: compiled by the authors.

5. Discussion and Conclusion

The analysis of the approaches to the integrated assessment of environmental quality in Russian cities (the rating of sustainable development of Russian cities, the ecological rating of Russian cities), fulfilled in this research, showed that such assessments entail great difficulties with the collection of hard-to-access information, which is not always reflected in official statistical publications, and as a result they are often unrepresentative. Taking into account that, unlike regional statistics, municipal (urban) one has a very narrow set of indicators and different time series, the integrated assessments of environmental quality in Russian cities is not recommended for practice.

So within the bounds of this work ecological and economic analysis of Russian cities with the population of 100 thousand people or more was performed separately for different components of the urban environment: air, water and ground. This analysis made it possible to identify the cities with the most unfavourable environmental conditions. Norilsk, Angarsk, Novokuznetsk, and Magnitogorsk were in the top 20 cities of Russia, which have the strongest negative impact on the state of atmospheric air (per square kilometer of urban area, as of 2012), and simultaneously in the top twenty Russian Cities, most intensively polluting surface water bodies (per inhabitant, as of 2009).

Two cities — Arkhangelsk and Petropavlovsk-Kamchatsky — were the worst according to the second and the third criteria: per capita volume of contaminated sewage discharge and per capita volume of solid domestic wastes, buried without industrial reprocessing, respectively.

From 2005 to 2012 in most Russian cities there was a total increase in the volume of the solid domestic wastes transported to landfills without industrial reprocessing.

The low quality of environment in these cities is largely due to natural and climatic conditions (bad conditions for contaminants dispersion) and specifics of their economic development: functioning of large industrial enterprises of ferrous and non-ferrous metallurgy, petrochemistry, construction industry. To improve the environmental quality in these cities comprehensive social, environmental and economic solutions are required.

The basis of environmental issues is socio-economic processes and phenomena. In the development strategies of these cities it should be recognized that the creation of favourable environmental conditions for cities' dwellers is impossible without solving the problems of functioning of industrial enterprises located in these cities. Either a lot of financial resources should be spent to create an expensive system of treatment facilities at enterprises, or these enterprises should be relocated from the cities at a safe for urban environment distance and the problem of transport availability of these enterprises to their workers should be solved.

References

1. Bityukova V.R. *Socio-ecological problems of urban development in Russia* (monograph). Ed. 3-rd revised and supplemented. M. : Book House LIBROKOM, 2012. (In rus)
2. Cherepovitsyn A. E., Ilinova A. A., Smirnova N. V. Key stakeholders in the development of transboundary hydrocarbon deposits: The interaction potential and the degree of influence / *Academy of Strategic Management Journal*, N 16, V. 2, 2017. P. 1–12.
3. Cherepovitsyn A. E., Smirnova N. V., Moe A. A. Development of transboundary hydrocarbon fields: Legal and economic aspects / *Indian Journal of Science and Technology*, N 46, V. 9, 2016. P. 1–10.
4. Cherepovitsyn A. E., Tsvetkov P. S. *Overview of the prospects for developing a renewable energy in Russia* / Proceedings of 2017 International Conference on Green Energy and Applications, ICGEA 2017, N 7925466, 2017. P. 113–117.
5. Federal Service of State Statistics (Rosstat). *Main indicators of environmental protection: statistical bulletin*. M., 2009. (In rus)
6. Federal Service of State Statistics (Rosstat). *Main indicators of environmental protection: statistical bulletin*. M., 2011. (In rus)
7. Federal Service of State Statistics (Rosstat). *Main indicators of environmental protection: statistical bulletin*. M., 2013. (In rus)
8. Federal Service of State Statistics (Rosstat). *Main indicators of environmental protection: statistical bulletin*. M., 2015. (In rus)
9. Federal Service of State Statistics (Rosstat). *Main indicators of environmental protection: statistical bulletin*. M., 2017. (In rus)
10. Khaikin M. M., Zhukova P. S. Development of the «green» energy economy in the context of the processes of ecologicalization of economic systems. *Development of modern Russia: the problems of reproduction and creation: a collection of scientific papers, 1580–1590*. 2015. (In rus)

11. Kirsanova N. U., Lenkovec O. M. Future Vision and Possibilities of Russia's Transition to «Green» Economy / *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. N 26. V. 26, 2017. P. 514–521.
12. Kirsanova N. U., Lenkovec O. M. Solving Monocities Problem as a Basis to Improve the Quality of Life in Russia / *Life Science Journal*. N 6. V. 11, 2014. P. 522–525.
13. Nikolaichuk L. A., Sergeev I. B., Malyshkov G. B. Integration of economic aspects into the teaching system for disciplines in the field of natural resource management and environmental protection / *International Journal of Applied Engineering Research*. N 6. V. 12, 2017. P. 928–931.
14. Pacione M. Urban environmental quality and human wellbeing—a social geographical perspective / *Landscape and Urban Planning*. N 65, 2003. P. 19–30.
15. Peshkova G. Y., Tsvetkov P. N., Cherepovitsyn A. E. Prospects of the environmental technologies implementation in the cement industry in Russia / *Journal of Ecological Engineering*. N 17. V. 4, 2016. P. 17–24.
16. Roshydromet. *The state of atmospheric pollution in cities on Russian territory in 2012: yearbook*. SPb., 2013. (In rus)
17. Satterthwaite D., Dodman D. Ed. towards resilience and transformation for cities within a finite planet. *Environment & Urbanization*. 2013. 25 (2). 291–298.
18. The «SGM» Agency. *Rating of sustainable development of Russian cities in 2015*. M., 2016. URL <http://agencysgm.com/projects/Rating%20stable%20development-2015.pdf> (date of access: February 26, 2017). (In rus)
19. The Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation. *Rating of ecological development of Russian cities — 2015*. M., 2016. URL: <http://www.mnr.gov.ru/> (date of access: February 26, 2018). (In rus)
20. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2016, *Policies on Spatial Distribution and Urbanization: Data Booklet (ST/ESA/SER.A/394)*
21. Van Kampb I., Leidelmeijer K., Marsmana G., De Hollander A., Urban environmental quality and human well-being Towards a conceptual framework and demarcation of concepts; a literature study/ *Landscape and Urban Planning*, N 65, 2003. P. 5–18.

About the author:

Nadezhda V. Shcherbakova, chief specialist of LLC Research and Design Institute of Territorial Development and Transport Infrastructure (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; nadshch@mail.ru

Mark M. Khaikin, head of the Chair of the Economic theory of the St. Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); marcsmix.spb@gmail.com

Об авторах:

Щербакова Надежда Викторовна, главный специалист ООО «Научно-исследовательский и проектный институт территориального развития и транспортной инфраструктуры» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; nadshch@mail.ru

Хайкин Марк Михайлович, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; marcsmix.spb@gmail.com

Факторы конвергенции и дивергенции в мировой экономике: краткий обзор

Казакова М. В.^{1, 2}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

²Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара (Институт Гайдара), Москва, Российская Федерация
kazakova@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Великая дивергенция, а именно расхождение в подушевом ВВП между странами первого и третьего мира, началось около 1820 г. и продолжалось ускоренными темпами в течение следующей половины XIX в. и более медленными темпами — в XX в. Дивергенция Запада в первую очередь была связана с технологическим прорывом и экономическим развитием, которые привели к росту производительности труда и ВВП на душу населения. Однако в конце 1980-х гг. на смену Великой дивергенции пришла Великая конвергенция, другими словами, существенное опережение темпов экономического роста развитых стран Запада развивающимися странами третьего мира, объясняемое, в том числе, улучшением уровня образования и здоровья населения, другими словами, повышением качества человеческого капитала. Имеется целый пласт литературы, посвященной факторам, обуславливающим конвергенцию или дивергенцию различных стран. Изучение указанных факторов с помощью обзора и систематизации релевантной литературы и представляет цель настоящей статьи. В работе кратко проанализированы теоретические и эмпирические исследования, описывающие тенденции конвергенции и дивергенции в глобальной экономике, в качестве иллюстрации выводов приведены статистические данные по регионам мира за период с 1960 г. по настоящее время. По результатам исследования в статье делается вывод о существовании довольно большого числа работ, посвященных анализу факторов, объясняющих дивергенцию или конвергенцию стран мира. По мнению авторов, проведенный обзор представляет ценность с точки зрения понимания текущих тенденций, имеющих место в мировой экономике, и факторов, их обуславливающих, а также построения прогнозов ее развития в будущем.

Ключевые слова: экономический рост, мировая экономика, конвергенция, дивергенция, неравенство доходов

Factors of Convergence and Divergence in the Global Economy: A Brief Review

Kazakova M. V.^{a, b}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

^bGaidar Institute for Economic Policy (Gaidar Institute), Moscow, Russian Federation
kazakova@ranepa.ru

ABSTRACT

The Great Divergence, namely the divergence in per capita GDP between the first and the third worlds, started around 1820 and continued at an accelerated pace during the next half of the 19th century and at a slower pace in the 20th century. Divergence of the West was primarily associated with a technological breakthrough and economic development that led to higher labor productivity and GDP per capita. However, in the late 1980s the Great Convergence, which implied substantial advance of economic growth rates of developed West by developing countries of the third world, replaced the Great Divergence. Great Divergence was due to the improving of education and public health systems, in other words, to human capital development. There is a bulk of literature focusing on convergence or divergence of various countries. The purpose of this article is to study these factors by the means of review and systematization of relevant literature. Authors briefly

analyze theoretical and empirical studies describing drivers of convergence and divergence in the global economy. They also consider statistical data on world regions for the period since 1960 until present days to justify conclusions. The article concludes that there are quite a large number of works devoted to the analysis of factors explaining the divergence or convergence trends in the world. This review is useful in terms of understanding current trends in the world economy, as well as developing scenarios of its development in the future.

Keywords: economic growth, world economy, convergence, divergence, income inequality

---

Введение

В большой литературе обсуждаются факторы, приводящие к конвергенции или дивергенции в мировой экономике. Так, авторы работы [4] стремятся доказать ненадежность таких традиционных объяснений экономических успехов или неудач государств, как географические и этнические факторы, а именно: климата, природных ресурсов, культуры и религии. Авторы утверждают, что процветание или упадок стран обусловлены прежде всего характером их экономических и политических институтов. Они подтверждают этот тезис посредством анализа экономического развития в привязке к развитию политических институтов в большом числе стран в разные периоды времени. Авторы различают «экстрактивные» и «инклюзивные» институты. При экстрактивных экономических институтах элиты управляют экономикой ради собственной выгоды, не позволяя другим группам граждан извлекать выгоду из участия в экономических отношениях; при этом собственность сосредоточена в руках узких групп людей (примеры таких институтов: неограниченные монархии и различные типы диктаторских и тоталитарных режимов). Напротив, инклюзивные экономические институты позволяют большому числу граждан участвовать и извлекать выгоду из экономических отношений при гарантированной защите прав собственности; эти институты поддерживаются инклюзивными политическими институтами, которые мешают узким группам граждан управлять экономикой в свою пользу (например, либеральные демократии).

В [4] делается вывод о том, что экономический рост и процветание государств возможны в рамках обоих типов институтов, а не только инклюзивных институтов, хотя экстрактивные институты не приводят к устойчивому, долгосрочному росту и благосостоянию большинства населения. Авторы указывают на то, что появление инклюзивных институтов в Западной Европе и сохранение экстрактивных институтов в других частях мира приводят к проблеме мирового неравенства. Как отмечалось выше, некоторые страны терпят неудачу из-за низкого качества своих экономических и политических институтов. Тем не менее трагедия глобальной бедности, по мнению [21], никогда не будет решена до тех пор, пока не придет понимание неэффективности постоянных усилий западных организаций, направленных на смягчение проблемы бедности, которые тратят триллионы долларов на улучшение состояния дел в Африке и других регионах с аналогичным уровнем развития, не имеющих человеческого капитала, инфраструктуры и технологий, позволяющих эффективно осваивать масштабные финансовые вливания. Вместо этого Запад, как полагает автор, должен разработать более прагматичный и конструктивный подход и искать способы улучшения благосостояния бедных стран, базируясь на системе, которая подразумевает получение дополнительных ресурсов теми, кто может найти правильные и эффективные способы инвестирования этих денег.

В свою очередь, как отмечает [50], растущее неравенство в доходах и социальная изоляция, устойчивый быстрый рост населения в Африке и Южной Азии наряду со старением населения в развитых странах, а также глобальные системы производства, быстрые технологические изменения, глобальное сокращение чис-

ла профессий среднего уровня квалификации, а также экономическая и геополитическая многополярность и растущие экологические проблемы рассматриваются в качестве основных препятствий для экономического процветания мира. Автор предполагает, что описанные выше проблемы, с которыми сталкивается мировая экономика, можно понять и решить в рамках подхода устойчивого развития. Устойчивое развитие создает целостную структуру, объединяющую три сложные системы: мировую экономику, глобальное общество и физическую среду Земли. Цели этой системы включают в себя прекращение нищеты и голода, здоровье и образование для всех, сокращение экономического неравенства, устойчивый рост, эффективное управление и т. д. Как утверждает [50], эта стратегия является способом достижения экономического процветания, социальной интеграции и экологической устойчивости в мире.

Работа [38] анализирует процесс роста Европы в начале XVI века. Как он отмечает, основным источником экономического успеха в Европе в средние века была международная торговля с Венецией, играющая важную роль в открытии торгового взаимодействия между Европой и Средиземноморьем в 1000–1500 гг. В свою очередь, Португалия была пионером торговли между Европой и Атлантическими островами, Африкой, Китаем и Японией. В то же время Нидерланды усиливали свою морскую деятельность, которая вместе с развитием голландской экономики и ее международной специализацией сделала Нидерланды самой динамичной европейской страной с 1400 г. до середины XVII в. Британия развивалась быстрее, чем другие европейские страны, с точки зрения доходов на душу населения в период с 1680 по 1820 г. путем улучшения банковских, финансовых и налоговых институтов и сельского хозяйства, а также прорыва в промышленной политике к концу этого периода.

Несмотря на эти очевидные и несомненные экономические достижения, «Великая дивергенция» в валовом внутреннем продукте (ВВП) на душу населения между регионами «первого мира» и «третьего мира» началась примерно в 1820 г. и продолжалась быстрыми темпами в течение следующей половины столетия и более медленными темпами для следующего века. Изучению данного феномена, обусловленного появлением капиталоемких и ископаемых видов топлива¹, посвящены такие исследования, как, например, [4; 14; 24; 25; 41] и др. Однако впоследствии с конца 1980-х годов имело место другое явление, известное как «Великая конвергенция» и связанное с существенным опережением темпов экономического роста стран Запада развивающимися странами третьего мира (см. [51; 16; 34; 31; 33] и др.). Оба указанных феномена будут подробнее рассмотрены далее в работе.

Материалы и методы

Мировое экономическое развитие: конвергенция или дивергенция?

Как отмечает А. В. Коротаев², теория конвергенции берет начало в работах [21; 22; 53]. Согласно [21; 22], диффузия технологий была основным фактором, способствующим процессу конвергенции. Но процесс накопления капитала, предсказанный как моделями с закрытой, так и моделями с открытой экономикой [17; 45; 53], также может объяснить глобальную конвергенцию. Другими словами, в странах

¹ Коротаев А. В. Глобальный демографический переход и фазы дивергенции — конвергенции центра и периферии мир-системы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 1. С. 149–162. См. также [27].

² Коротаев А. В. Глобальный демографический переход и фазы дивергенции — конвергенции центра и периферии мир-системы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 1. С. 149–162.

с более низким уровнем капитала на одного работника, ключевой характеристикой стран с развивающейся экономикой, будет иметь место догоняющий рост.

Тем не менее [47] утверждает, что, обратно гипотезе об уменьшающейся отдаче, «темпы роста могут со временем увеличиваться, последствия небольших нарушений могут усиливаться действиями частных агентов». Другими словами, крупные экономики могут постоянно расти быстрее, чем малые экономики, что отвергает идею Солоу об абсолютной конвергенции и дает начало большому количеству исследований, которые выдвигают идею условной конвергенции вместо абсолютной конвергенции. Например, [7] предполагает, что конвергенция может быть свойственна отдельным группам стран. Точнее, как показано в этой статье, данные Мэддисона за период 1870–1979 гг. [37] подтверждают идею конвергенции в рамках группы промышленно развитых стран, а не в менее развитых странах.

В свою очередь [6] опровергает абсолютную конвергенцию после изучения эмпирических данных 98 стран за период 1960–1985 гг. Автор показывает, что существует положительная связь между ростом ВВП на душу населения в реальном выражении и первоначальным человеческим капиталом и отрицательная — между ростом ВВП на душу населения в реальном выражении и начальным (1960 г.) уровнем подушевого ВВП в реальном выражении. Таким образом, бедные страны склонны догонять богатые страны при условии наличия высокого уровня человеческого капитала на душу населения (относительно уровня их подушевого ВВП в реальном выражении), но не наоборот.

Авторы работы [39] тестируют гипотезу модели Солоу, состоящую в том, что бедные страны растут быстрее, чем богатые страны. После изучения данных почти во всех странах мира, за исключением плановых экономик, за период 1960–1985 гг. они пришли к выводу, что страны конвергируют только при контроле параметров устойчивого состояния. Другими словами, конвергенция в модели Солоу происходит для стран со схожими технологиями и темпами накопления и роста населения. Авторы утверждают, что модель Солоу согласуется с эмпирическими данными только в ее расширенной версии, учитывающей человеческий капитал. Таким образом, авторы вводят понятие «условной конвергенции», которое широко изучается в большой литературе второй половины XX в. ([6; 12; 15; 29; 30; 36; 50] и др.). Большинство из этих работ единодушно согласны с опровержением абсолютной конвергенции и тенденцией более бедных стран догонять в 1970–1995 гг. (см. [18; 48] и т. д.).

Автор работ [42–44] применяет модель с ростом и несовершенной мобильностью капитала к ряду стран для проверки гипотезы о конвергенции и выясняет, что существует очень мало доказательств безусловной конвергенции между странами. В то же время [35] рассматривают группу из 102 стран на период между 1960 и 1989 гг. и показывают, что между странами наблюдается дивергенция, а не конвергенция. Этот тезис разделяет [2], проанализировавший данные по странам за 1960–2000 гг. и указавший на существенное увеличение неравенства между странами, а также многие другие исследования (см. [18] или, например, [28], которые утверждают, что начиная с середины XIX в. можно наблюдать дивергенцию между странами мира, а не конвергенцию).

Однако можно было бы сделать одно исключение, а именно очевидную конвергенцию в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), доказанную в работе А. В. Коротаева¹, в которой изучался опыт группы из 16 промышленно развитых стран в период с 1870 по 1979 гг. Тем не менее автор указывает на заметную вариацию скорости конвергенции в разные периоды времени, которая продемонстрировала «заметную силу только в первой четверти века после

¹ Коротаев А. В. Указ. соч.

Второй мировой войны», а также на резкие сдвиги в рейтингах производительности стран. Интересен тот факт, что автор утверждает, что сближение не следует рассматривать как всемирное явление, отмечая, что «долгосрочная конвергенция... является лишь тенденцией, которая возникает на усредненном уровне группы стран».

Если обратиться к современным эмпирическим работам, изучающим явления дивергенции и конвергенции, стоит отметить, что, например, [34] предоставляют достаточно убедительные доказательства существования безусловной конвергенции среди всех крупнейших стран, которые составляют подавляющее большинство населения мира и производят подавляющее большинство мирового ВВП после 1998 г. Эти данные не противоречат результатам предыдущих работ, связанных с изучением конвергенции. Фактически эти работы не отрицали феномен конвергенции как таковой, а скорее настаивали на ее обусловленности, в то время как [34] показывают, что наблюдаемый в последнее время глобальный переход от условной к безусловной конвергенции объясняется тем, что к концу 1990-х годов все основные развивающиеся страны и экономики мира стали соответствовать основным условиям существования условной конвергенции.

В работе [33] подчеркивается, что значительная часть исследований посвящена глобальной экономической динамике того времени в целях опровержения безусловной конвергенции, в том числе, самой идеи о ней, описав вместо этого феномен условной конвергенции. Тем не менее большинство таких работ ограничивается периодом начала-середины 2000-х годов. По мнению авторов, некоторые из глобальных тенденций, которые особенно ярко проявились во второй половине 2000-х годов, требуют пересмотра проблемы конвергенции. Работа [33] изучает эти вопросы для внесения вклада в существующую литературу о безусловной b-конвергенции доходов на душу населения на глобальном уровне.

Авторы заключают, что в последние годы разрыв между странами с высокими доходами и странами со средним уровнем доходов особенно быстро снижается. Между тем разрыв между странами с высоким уровнем доходов и низким уровнем доходов сокращается гораздо медленнее. В то же время, как показывают авторы, наблюдается увеличение разрыва между странами со средним и низким доходом. Действительно, в начале 1980-х годов ВВП на душу населения в странах с низкими доходами был в среднем в три раза ниже, чем в странах со средним уровнем дохода, и этот разрыв был полностью перекрыт более чем десятикратной пропастью между странами со средними доходами и странами с высокими доходами. Однако сейчас ВВП на душу населения в странах с низким доходом отстает от стран со средним уровнем доходов более чем в пять раз, что, как показано в работе [33], во многом близко к разрыву (быстро сокращающемуся в последние годы) между высокодоходными странами и странами со средними доходами.

Как отмечают авторы в работе [31], в последние десятилетия страны пережили беспрецедентный рост человеческого развития. В 1980 г. существовали две страны с индексом развития человеческого потенциала, близким к 0,90 или выше, сейчас их 22. Хорошо известно, что рост человеческого развития положительно связан с экономическим ростом. Авторы применяют лонгитюдный статистический анализ для доказательства существования «старой модели» взаимосвязи между развитием человека и экономическим ростом, которая поддерживает существование этих циклов, и «новой модели», которая их опровергает. Авторы показывают, что условное и возможное абсолютное сближение между богатыми и бедными странами с точки зрения человеческого развития, демонстрируемое «новой моделью», обусловлено двумя факторами: ростом средне- и высоко развитых стран и высокими темпами экономического роста и развития человеческого потенциала среди стран с низким и средним уровнем доходов. Полученные в работе резуль-

таты соответствуют уже опубликованным ранее исследованиям и свидетельствуют о том, что для стран с высоким индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП) между 0,85 и 0,95, происходит разворот ранее сложившегося отрицательного соотношения между развитием и рождаемостью. Таким образом, авторы демонстрируют более сложную взаимосвязь между ИРЧП и темпами экономического роста, чем считалось ранее, а также настаивают на необходимости учета социокультурных факторов, не зависящих от экономического или человеческого развития, при построении более полной модели зависимости между изменениями в экономическом и человеческом развитии.

На наш взгляд, исследование причин феноменов дивергенции и конвергенции в мировой экономике представляет большой интерес как с точки зрения анализа ретроспективы, так и с позиции прогнозов развития стран в будущем. Так, А. В. Коротаев¹ указывает на существенное соотношение разрыва между странами первого и третьего мира и изменения темпов роста населения в этих странах. Однако это не означает, что динамика мирового населения была основным фактором перехода от Великой дивергенции к Великой конвергенции. Как отмечалось выше, дивергенция Запада в первую очередь была связана с технологическим прорывом и экономическим развитием, которые привели к росту производительности труда и ВВП на душу населения. Это существенное увеличение уровня доходов воплотилось в повышении уровня жизни и привело к снижению смертности населения [5; 11; 13], что наряду с высокой рождаемостью, которая сохранялась в течение XIX в., стало причиной ускорения темпов роста мирового населения в XIX в. (см. например [5; 19; 26; 46] и т. д.).

К концу 1980-х годов высокие доходы на душу населения в развитых странах значительно улучшили уровень образования и здоровье населения, т. е. качество человеческого капитала. Это, с одной стороны, привело к более высоким темпам роста, а с другой стороны, к снижению рождаемости и замедлению роста населения. В то же время развивающиеся страны столкнулись с заметным ускорением темпов роста, которые вместе с ростом населения в этих странах привели к сокращению разрыва между странами первого и третьего мира. Таким образом, А. В. Коротаев приходит к выводу, что существует сильная корреляция между фазами Великой дивергенции/конвергенции и глобальным демографическим переходом.

К похожему выводу приходят в своей работе авторы [32]. Они отмечают, что феномены Великой дивергенции и, в меньшей степени, Великой конвергенции привлекали внимание многих исследователей; большой интерес с точки зрения проведения научных исследований эти понятия продолжают привлекать и сейчас. Однако, по мнению авторов, существующие попытки объяснить эти явления и их предысторию имеют два существенных недостатка: во-первых, ни одна из известных авторам этой работы моделей не смогла проинтерпретировать ни Великую дивергенцию, ни Великую конвергенцию так, чтобы объяснить период смены тренда (около 1970-х годов). Во-вторых, большинство существующих моделей в значительной степени концентрируются на экономических силах, часто пренебрегая демографическим фактором. В [32] предлагается подход, позволяющий преодолеть эти недостатки посредством выявления тесной связи между этапами глобального демографического перехода и фазами Великой дивергенции и Великой конвергенции. Учет решающей роли демографического компонента в этих процессах позволил авторам прийти к выводу, что время изменения тренда не было случайным. Полученные данные свидетельствуют о высокой корреляции между динамикой глобального прироста населения и Великой дивергенции и Великой конвергенции. Таким образом, оба этих феномена могут считаться двумя сторонами одной и той

¹ Коротаев А. В. Указ. соч.

же монеты. С другой стороны, авторы также полагают, что Великую дивергенцию и Великую конвергенцию следует рассматривать как единый процесс, иными словами, как два этапа глобальной модернизации.

В работе [51] оценивается мировое распределение дохода путем объединения отдельных распределений доходов для 138 стран в период с 1970 по 2000 г. Распределение стран строится путем объединения национальных счетов ВВП на душу населения, чтобы привязать среднее значение к данным опроса для определения дисперсии.

В работе также приводятся уровни бедности и численности персонала для четырех конкретных черт бедности. Уровни в 2000 г. составляли от одной трети до половины от уровней, наблюдавшихся в 1970 г. для всех четырех черт. В 2000 г. численность бедного населения была на 250–50 млн чел. меньше, чем в 1970 г. Работа [51] оценивает восемь показателей неравенства в доходах, которые вытекают из полученного в работе мирового распределения доходов. Как показано в данной работе, все эти показатели свидетельствуют о сокращении глобального неравенства в 1980-х и 1990-х годах.

В свою очередь [16] выделяет три основных тренда, характеризующих мировую экономику уже с конца XXI в. Во-первых, новая конвергенция развивающегося и развитого мира. Так, данные примерно с 1990 г. демонстрируют, что темпы роста подушевого дохода в появляющихся и развивающихся экономиках в значительной степени ускорился и существенно превысил рост доходов в развитых экономиках (см. [54]). Это является свидетельством колоссального структурного сдвига в динамике мировой экономики (см. рисунки далее; состав регионов мира в соответствии с данными Всемирного банка и расчетами авторов представлен в табл.).

Так, рис. 1, на котором показаны уровни подушевого ВВП в постоянных долларах США 2010 различных регионов мира за период с 1960 по 2016 гг., демонстрирует, что во всех рассматриваемых регионах уровень ВВП в 2016 г. оказался выше, чем в 1960 г.; при этом его рост был неравномерным (так, за изучаемый период можно выделить стремительный рост уровня подушевого ВВП Китая, тогда как, например, экономика регионов Ближний Восток и Северная Африка и Африка южнее Сахары упала примерно на 25% (или даже больше) в период с конца 1970-х по 1980-е годы). Соответственно, как продемонстрировано на рис. 2, коэффициент вариации подушевого ВВП регионов мира в течение анализируемого периода изменялся неравномерно, сократившись к 2016 г. примерно на 11% по сравнению с 1960 г.; тогда как коэффициент вариации подушевого ВВП, взвешенного по численности населения, за указанный период упал на 33%, что свидетельствует в пользу тезиса о том, что наиболее быстрый рост ВВП на душу населения происходил в самых населенных регионах, таких как Китай и Индия [52].

Рис. 3 иллюстрирует конвергенцию ВВП на душу населения в мировых регионах за период 1960–2016 гг. Из него видно, что соотношение максимального уровня жизни с минимальным достигает своего пика в 1962 г. (143,4) и снижается до 32,0 к 2016 г. Причем конвергенция наблюдается как выше, так и ниже медианного уровня ВВП. Так, соотношение медианного и минимального уровней жизни достигает максимального значения в 1969 г. (75,7), однако, снижается до 15,3 в 2016 г. Наконец, соотношение максимального и медианного уровней жизни составило 2,1 в 1968 г. и 1,7 в 2016 г.¹

¹ По данным Всемирного банка [54], максимальный уровень жизни в течение анализируемого периода наблюдался в регионе Канада, Австралия и Новая Зеландия (1960–1988 гг.) и в США (1989–2016 гг.); медианный уровень жизни — в регионе Япония, Южная Корея, Сингапур и Гонконг (1960–1969 гг.) и в регионе Европа и Центральная Азия (1970–2016 гг.); а минимальный уровень жизни — в Китае (1960–1983 гг.), Индии (1984–1997 гг.) и Южной Азии (1998–2016).

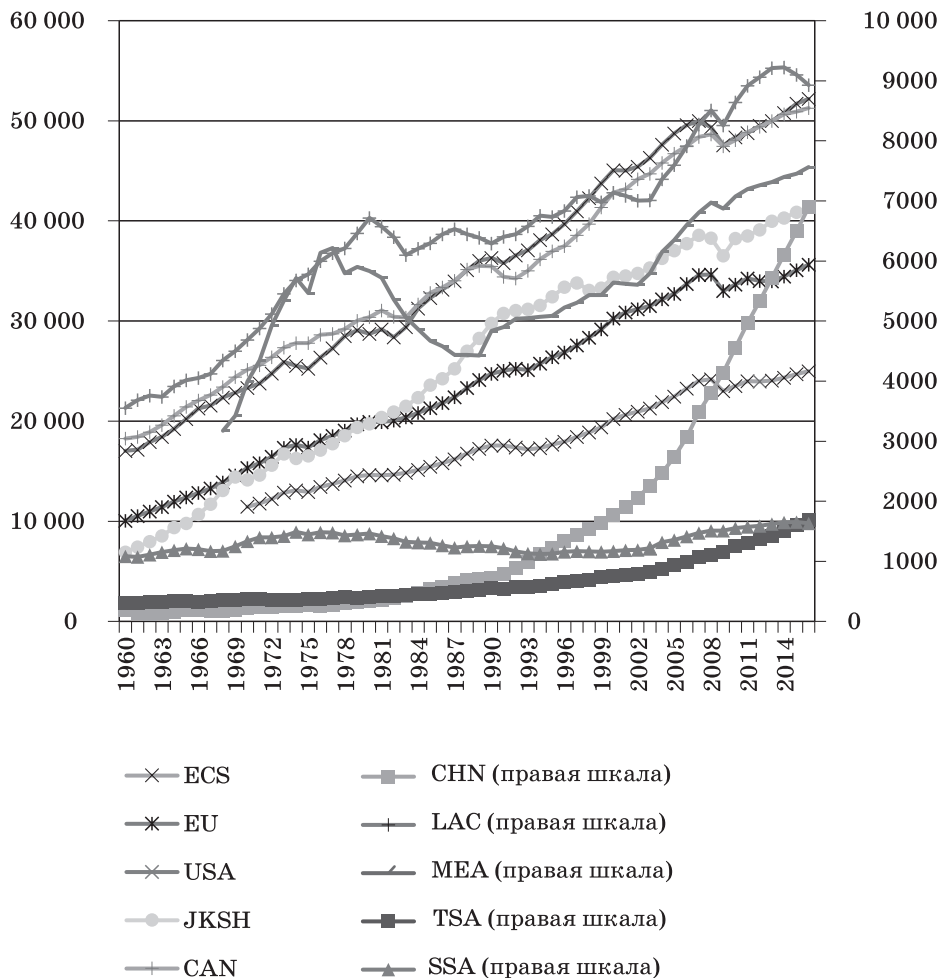

Рис. 1. ВВП на душу населения в различных регионах мира в постоянных долларах 2010 г., 1960–2016 гг.

Fig. 1. GDP per capita in various regions of the world in constant US dollars 2010, 1960–2016

Источник: расчеты автора по данным [52], [54].

Другая иллюстрация конвергенции мировых регионов приведена на рис. 4, который показывает темпы прироста подушевого ВВП в постоянных ценах 2010 г. в странах с максимальным за период 1960–2016 гг. уровнем жизни (Соединенные Штаты Америки (США) и регион Канада, Австралия и Новая Зеландия) и минимальным уровнем жизни (регион Южной Азии и Китай). Из данного рисунка можно заключить, что конвергенция обусловлена более быстрым ростом регионов с низким уровнем жизни (так, средние темпы прироста подушевого ВВП в Китае и Южной Азии за рассматриваемый период составили 6,6 и 3,1%, соответственно) по сравнению с регионами, где уровень жизни очень высокий (средние темпы прироста в США и регионе Канада, Австралия и Новая Зеландия составили порядка 2% за 1960–2016 гг.) [52].

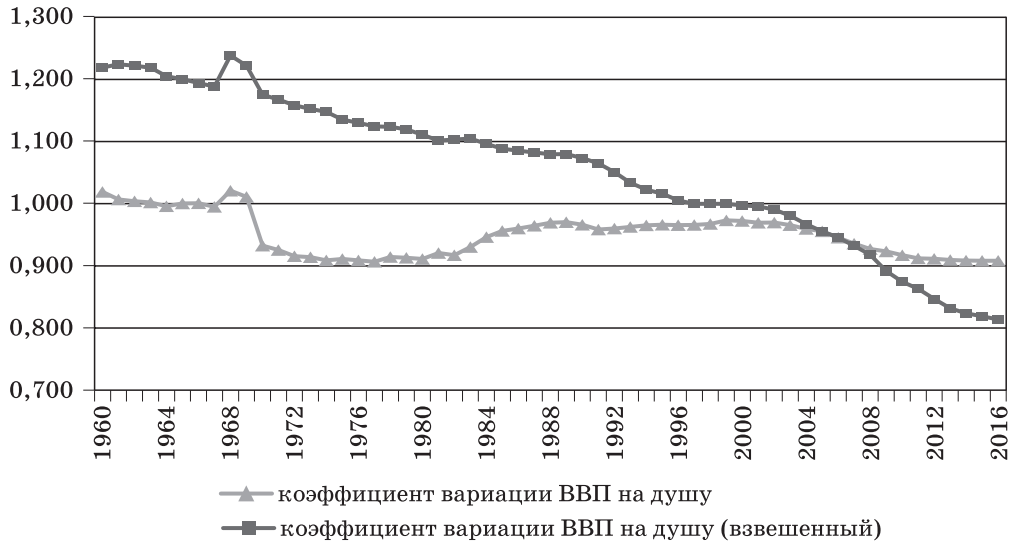

Рис. 2. Коэффициенты вариации ВВП на душу населения в регионах мира, 1960–2016 гг.
 Fig. 2. Variation of GDP per capita in the world regions, 1960–2016

Источник: расчеты автора по данным [52], [54].

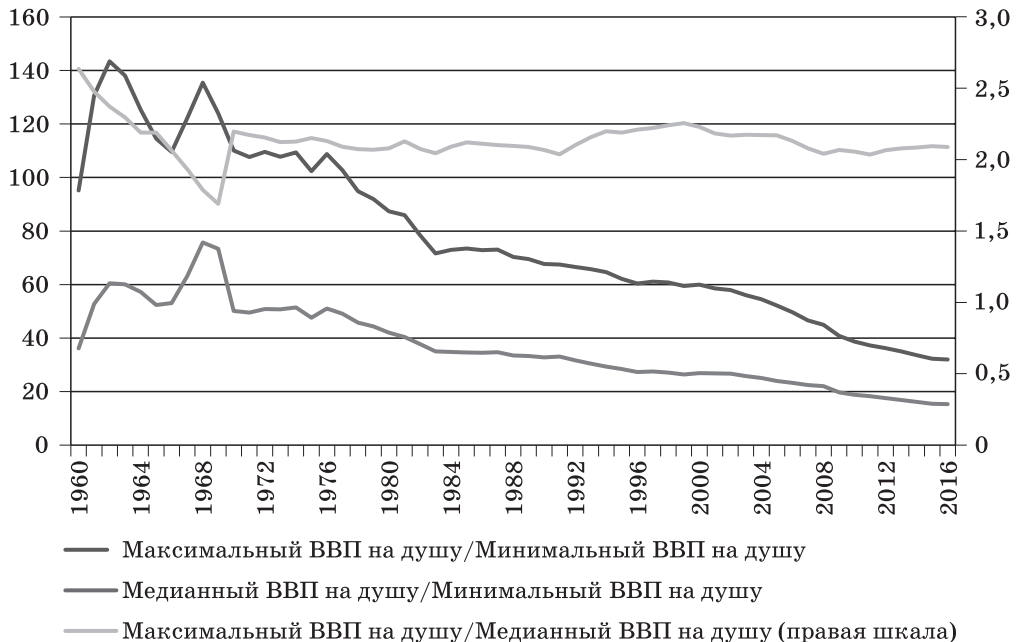

Рис. 3. Соотношения различных уровней ВВП на душу населения в регионах мира, 1960–2016 гг.

Fig. 3. Ratios of different per capita GDP levels in the world regions, 1960–2016

Источник: расчеты автора по данным [52], [54].

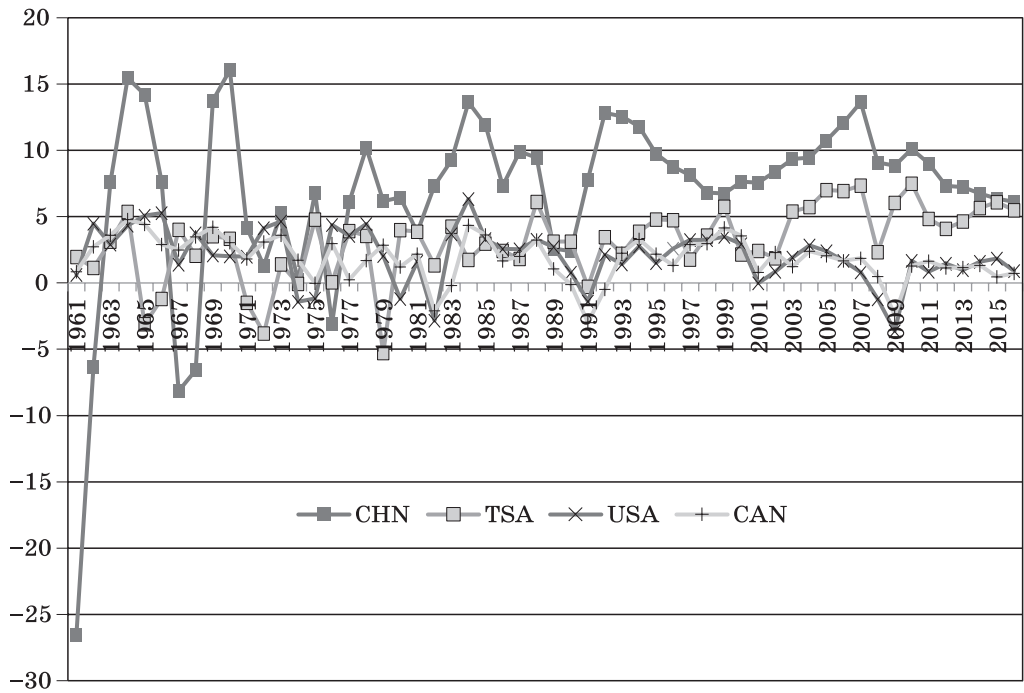

Рис. 4. Годовые темпы прироста ВВП на душу населения в регионах с самым высоким и самым низким уровнем подушевого ВВП, % к предыдущему году, 1960–2016 гг.
 Fig. 4. Annual rates of GDP growth per capita in regions with the highest and lowest per capita GDP, % to previous year, 1960–2016

Источник: расчеты автора по данным [52], [54].

Таблица

Состав регионов мира в соответствии с классификацией Всемирного банка и собственными расчетами

Table. Composition of the world regions in accordance with the World Bank classification and author's own calculations

Обозначение	Наименование региона	Страны
1	2	3
USA	США	Соединенные Штаты Америки
CHN	CHN	Китай
JKSH	JKSH	Япония, Южная Корея, Сингапур, Гонконг
CAN	CAN	Австралия, Канада, Новая Зеландия
EU	Европейский союз	Австрия, Бельгия, Болгария, бывшая югославская Республика Македония, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Кипр, Литва, Люксембург, Мальта, Швеция, Великобритания
CSS	Небольшие государства Карибского бассейна	Антигуа и Барбуда, Багамские Острова, Барбадос, Белиз, Доминика, Гренада, Гайана, Ямайка, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Суринам, Тринидад и Тобаго

1	2	3
MEA	Ближний Восток и Северная Африка	Объединенные Арабские Эмираты, Бахрейн, Джибути, Алжир, Арабская Республика Египет, Иран, Исламская Республика, Ирак, Израиль, Иордания, Кувейт, Ливан, Ливия, Марокко, Мальта, Оман, Западный берег и Газа, Катар, Саудовская Аравия, Сирийская Арабская Республика, Тунис, республика Йемен
TSA	Южная Азия (страны IDA и IBRD)	Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Шри-Ланка, Мальдивские Острова, Непал, Пакистан
LAC	Латинская Америка и Карибские острова (кроме стран с высоким уровнем дохода)	Аргентина, Белиз, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Доминика, Доминиканская Республика, Гренада, Гватемала, Гайана, Гондурас, Гаити, Ямайка, Сент-Люсия, Мексика, Никарагуа, Панама, Перу, Парагвай, Сальвадор, Суринам, Сент-Винсент и Гренадины, Венесуэла
ECS	Европа и Центральная Азия	Албания, Андорра, Армения, Австрия, Азербайджан, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Беларусь, Швейцария, Нормандские острова, Кипр, Чешская Республика, Германия, Дания, Испания, Эстония, Финляндия, Франция, Фарерские острова, Великобритания, Гибралтар, Греция, Гренландия, Хорватия, Венгрия, остров Мэн, Ирландия, Исландия, Италия, Казахстан, Кыргызская Республика, Лихтенштейн, Литва, Люксембург, Латвия, Монако, Молдова, бывшая югославская Республика Македония, Черногория, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Российская Федерация, Сан-Марино, Сербия, Словакия, Словения, Швеция, Таджикистан, Туркменистан, Турция, Украина, Узбекистан, Косово
SSA	Африка южнее Сахары (кроме стран с высоким уровнем дохода)	Ангола, Бурунди, Бенин, Буркина-Фасо, Ботсвана, Центрально-Африканская Республика, Кот-д'Ивуар, Камерун, Демократическая Республика Конго, Республика Конго, Камерун, Кабо-Верде, Эритрея, Габон, Гана, Гвинея, Гамбия, Гвинея-Бисау, Экваториальная Гвинея, Кения, Либерия, Лесото, Мадагаскар, Мали, Мозамбик, Мавритания, Маврикий, Малави, Намибия, Нигер, Нигерия, Руанда, Судан, Сенегал, Сьерра-Леоне, Сомали, Южный Судан, Сан-Томе и Принсипи, Свазиленд, Чад, Того, Танзания, Уганда, Южная Африка, Замбия, Зимбабве

Источник: [52], [54].

Во-вторых, фундаментальной характеристикой мировой экономики, по мнению [16], является циклическая взаимозависимость: несмотря на то, что долгосрочные трендовые составляющие темпов экономического роста появляющихся и развивающихся стран отделились от развитых стран, между циклическими колебаниями вокруг этих трендов существует взаимозависимость.

Наконец, автор показывает, что третий тренд, характеризующий мировую экономику с 1990-х годов, связан с распределением доходов, а именно растущим неравенством, в частности, с ростом доли доходов наиболее богатых индивидов на фоне сохранения бедности в течение почти века среди миллионов граждан наиболее бедных стран (эта тенденция также продемонстрирована в [40]). Например, [23] утверждает, что «в то время как нижняя половина взрослых индивидов в совокупности владеет менее чем 1% общего богатства, самый богатый дециль (10% взрослых индивидов) владеет 88% глобальных активов, а самый высокий процентиль единолично владеет половиной от общего благосостояния домохозяйств». Этот феномен обуславливает дивергенцию между самыми богатыми и самыми бедными слоями населения мира на фоне наблюдающейся конвергенции доходов на агрегированном уровне.

В исследовании [10] авторы реконструируют ВВП со стороны производства для средневековой и ранней современной Британии. По их данным, в отличие от долгосрочной стагнации уровня жизни, которая иллюстрируется ежедневными реальными величинами заработной платы, ВВП на душу населения на основе производства демонстрирует скромный, но положительный тренд. Исследование показывает, что один из способов согласования двух рядов заключается в вариации числа рабочих дней за год, однако также существуют причины усомниться в репрезентативности резкого роста и падения ежедневных реальных величин заработной платы в позднем средневековье, что создает впечатление отсутствия роста уровня жизни.

Работа [8] рассматривает Великую дивергенцию между Европой и Азией под двумя углами зрения. С одной стороны, с точки зрения измерения существует традиционный подход, подтвержденный в литературе, в рамках которого Великая дивергенция имеет свои корни в позднем средневековье и была уже хорошо развита в начале современного периода; хотя критики в данном случае указывают на необходимость учета региональных особенностей обоих континентов. Маленькая дивергенция наблюдалась среди европейских стран, расхождение имело место между североморской и средиземноморской Европой. Эта работа также показывает, что была небольшая дивергенция в Азии, когда Япония обогнала Китай и Индию. Однако Япония стартовала с более низкого уровня подушевого дохода по сравнению со странами североморского региона и росла с меньшим темпом, поэтому продолжала отставать от них до восстановления Мэйдзи в 1868 г.

С другой стороны, в работе [8] отмечается, что с точки зрения интерпретации, черная смерть привела к постоянному приросту доходов на душу населения в регионе Северного моря, но не в остальной части Евразии. Автор показывает, что торговля на дальних расстояниях ускорила дивергенцию через канал взаимодействия на институциональном уровне. Значительная доля пастбищного сельского хозяйства способствовала выходу североморских стран на высокодоходное, капиталоемкое и энергоемкое производство. Поздние браки в странах региона Северного моря привели к снижению рождаемости и способствовали формированию человеческого капитала. Наконец, в этой работе показано, что промышленная революция играла более важную роль в объяснении скорее Маленькой дивергенции в Европе и Азии, чем Великой дивергенции.

На основе годовых данных с тринадцатого века и до настоящего времени авторы исследования [9] показывают, что улучшение долгосрочных экономических показателей произошло в основном за счет снижения скорости и частоты сжатия, а не увеличения темпа роста в странах. Авторы подчеркивают, что, действительно, по мере улучшения экономических показателей в странах с течением времени, краткосрочные темпы роста, как правило, снижались, а не росли. Большинство исследований процесса экономического развития до сих пор концентрировались на увеличении темпов роста. В свою очередь, авторы фокусируются на понимании

сил, приводящих к снижению темпов сжатия экономик стран. К таким силам авторы относят демографию, периоды войны и мира, экономическую структуру, технологические изменения и институты. Авторы работы заключают, что история указывает на институциональные изменения как ключевой общий фактор перехода к современному экономическому росту.

Результаты и обсуждение

В средние века экономическое развитие Европы переживало колоссальный подъем, ассоциирующийся, в первую очередь, с открытием международной торговли в Венеции, ставшей отправной точкой для торгового взаимодействия между Европой и Средиземноморскими странами в 1000–1500 гг. Однако несмотря на достигнутые успехи, расхождение в подушевом ВВП между странами первого и третьего мира, известное как феномен Великой дивергенции, началось около 1820 г. и продолжалось ускоренными темпами в течение следующей половины XIX в. и более медленными темпами — в XX в. Как показано в работе, дивергенция Запада в первую очередь была связана с технологическим прорывом и экономическим развитием, которые привели к росту производительности труда и ВВП на душу населения.

В конце 1980-х годов Великая дивергенция сменилась на Великую конвергенцию, а именно существенное опережение темпов экономического роста развитых стран Запада развивающимися странами третьего мира, которое в литературе объясняется, в том числе, улучшением уровня образования и здоровья населения, другими словами, повышением качества человеческого капитала.

Таким образом, как показал наш обзор, существует довольно большое число работ, посвященных анализу факторов, объясняющих дивергенцию или конвергенцию стран мира. Проведенное в настоящей работе исследование причин феноменов дивергенции и конвергенции в мировой экономике представляет большой интерес и будет полезно как с точки зрения анализа ретроспективы и текущих тенденций, характеризующих мировую экономику, так и с позиции построения сценариев развития стран/регионов мира в будущем.

Литература/References

1. Abramovitz M. Catching up, forging ahead, and falling behind // *The Journal of Economic History*. 1986. Vol. 46. N 2. P. 385–406.
2. Acemoglu D. *Introduction to Modern Economic Growth*. NJ : Princeton University Press, 2009.
3. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. Crown Publishing Group, 2012.
4. Allen R.C. *Global Economic History*. Oxford : Oxford University Press, 2011.
5. Bacci M.L. *A concise history of world population*. John Wiley & Sons, 2017.
6. Barro R.J. Economic growth in a cross section of countries // *The Quarterly Journal of Economics*. 1991. Vol. 106 (2). P. 407–443.
7. Baumol W.J. Productivity growth, convergence, and welfare: what the long-run data show // *The American Economic Review*. 1986. Vol. 76 (5). P. 1072–1085.
8. Broadberry S. *Accounting for the great divergence* (2013).
9. Broadberry S., Wallis J.J. *Growing, Shrinking, and Long Run Economic Performance. Historical Perspectives on Economic Development, Technical Report*. National Bureau of Economic Research, 2017.
10. Broadberry S., Campbell B., Klein A. et al. *British Economic Growth, 1270–1870. An Output-Based Approach*, 18 December 2011.
11. Caldwell J.C. *Demographic transition theory*. Springer, 2007.
12. Caselli F., Esquivel G., Lefort F. Reopening the convergence debate: a new look at cross-country growth empirics // *Journal of Economic Growth*. 1996. Vol. 1. N 3. P. 363–389.

13. Chesnais J.-C. et al. The demographic transition. Stages, patterns, and economic implications. OUP Catalogue (1992).
14. Clark G. A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2007.
15. De Long J.B., Summers L.H. Equipment investment and economic growth // The Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106. N 2 (May). P. 445–502.
16. Derviş K. Convergence, Interdependence and Divergence // Finance&Development. 2012. Vol. 49. Iss. 3. P. 10–14.
17. Diamond P.A. National Debt in a Neoclassical Growth Model // The American Economic Review. 1965. Vol. 55. N 5. P. 1 (Dec.). P. 1126–1150.
18. Durlauf S.N., Johnson P.A. Multiple regimes and cross-country growth behavior // Journal of Applied Econometrics. 1965. Vol. 10. N 4 (Oct.-Dec.). P. 365–384.
19. Dyson T. Population and development: the demographic transition. Zed Books Ltd., 2013.
20. Easterly W. The White Man's Burden. Why the West's Efforts to Aid the Rest Have Done So Much Ill and So Little Good. Penguin, 2006.
21. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. In B.F. Hoselitz (Ed.). The Progress of Underdeveloped Areas. Chicago : University of Chicago Press, 1952.
22. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, MA : Belknap Press of Harvard University Press, 1962.
23. Global Wealth Report Credit Suisse, Credit Suisse global wealth report. Credit Suisse (2017).
24. Goldstone J. «Divergence in Cultural Trajectories: The Power of the Traditional within the Early Modern» In Comparative Early Modernities 1100–1800 / Ed. D. Porter. NY : Palgrave-Macmillan, 2012. P. 165–192.
25. Goldstone J. Why Europe? The Rise of the West in Global History, 1500–1850. NY : McGraw-Hill, 2008.
26. Gould W.T. Population and development. Routledge, 2015.
27. Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Convergence, International Perspectives on Social Policy, Administration and Practice. Springer International Publishing Switzerland, 2015.
28. Howitt P., Mayer-Foulkes D. R&D, implementation, and stagnation. A schumpeterian theory of convergence clubs // Journal of Money, Credit & Banking (Ohio State University Press). 2005. Vol. 37. N 1 (Feb.). P. 147–177.
29. Jones C.I. Convergence revisited // Journal of Economic Growth. 1997. Vol. 2. Iss. 2. P. 131–153.
30. King R.G., Levine R. Finance and growth: Schumpeter might be right // The Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 108. N 3 (Aug.). P. 717–737.
31. Korotayev A., de Munck V. Advances in Development Reverse Inequality Trends // Journal of Globalization Studies. 2013. Vol. 4. N 1. P. 105–124.
32. Korotayev A., Goldstone J., Zinkina J. Phases of global demographic transition correlate with phases of the Great Divergence and Great Convergence // Technological Forecasting and Social Change. 2015. Vol. 95 (June). P. 163–169.
33. Korotayev A., Zinkina J. On the Structure of the Present-Day Convergence // Campus-Wide Information Systems. 2014. Vol. 31. N 2. P. 41–57.
34. Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998 // Journal of Globalization Studies. Vol. 2. N 2. P. 25–61.
35. Lee K., Pesaran M.H., Smith R. Growth and convergence in a multi-country empirical stochastic Solow model // Journal of Applied Econometrics. 1997. Vol. 12. N 4 (Jul.–Aug.). P. 357–392.
36. Levine R., Renelt D. A sensitivity analysis of cross-country growth regressions // The American Economic Review. 1992. Vol. 82. N 4 (Sep.). P. 942–963.
37. Maddison Project Database [Electronic resource]. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/>.
38. Maddison A. The World Economy, Vol. 1: A Millennial Perspective, OECD Publishing, 2001.
39. Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1992. Vol. 107. N 2. P. 407–437.
40. Piketty T. Capital in the 21st Century, 2014.
41. Pomeranz K. The Great Divergence: China, Europe and the Making of the Modern World Economy. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2000.
42. Quah D.T. Convergence empirics across economies with (some) capital mobility // Journal of Economic Growth. 1996. Vol. 1. N 1 (Mar.). P. 95–124.

43. Quah D. T. Empirics for economic growth and convergence // *European Economic Review*. 1996. Vol. 40. Iss. 6 (June). P. 1353–1375.
44. Quah D. T. Twin peaks: growth and convergence in models of distribution dynamics // *The Economic Journal*. 1996. Vol. 106. N 437 (Jul.). P. 1045–1055.
45. Ramsey F. P. A Mathematical Theory of Saving // *The Economic Journal*. 1928. Vol. 38. N 152 (Dec.). P. 543–559.
46. Reher D. S. Economic and social implications of the demographic transition // *Population and Development Review*. 2011. Vol. 37, Demographic Transition and Its Consequences. P. 11–33.
47. Romer P. M. Increasing returns and long-run growth // *Journal of Political Economy*. 1986. Vol. 94. N 5 (Oct.). P. 1002–1037.
48. Sachs J. D., Warner A., Aslund A., Fischer S. Economic reform and the process of global integration // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1995. Vol. 1. P. 1–118.
49. Sachs J. D. *The Age of Sustainable Development*. Columbia University Press, 2015.
50. Sala-i Martin X. X. The classical approach to convergence analysis // *The Economic Journal*. 1996. Vol. 106. N 437. P. 1019–1036.
51. Sala-i-Martin X. X. The World Distribution of Income: Falling Poverty and ... Convergence, Period // *The Quarterly Journal of Economics*. 2006. Vol. 121. N 2 (May). P. 351–397.
52. Benzell S. G., Kotlikoff L. J., Kazakova M. et al. Simulating the Global Economic Transition — Convergence or Divergence? // *NBER Working Paper*, 2018, forthcoming.
53. Solow R. Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70. N 1 (Feb.). P. 65–94.
54. WB World Development Indicators Database [Electronic resource]. World Bank, 2017. URL: <https://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>.

Об авторе:

Казакова Мария Владимировна, заведующая лабораторией исследований проблем экономического роста Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); заместитель заведующего Международной лабораторией изучения бюджетной устойчивости научного направления «Макроэкономика и финансы» Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; kazakova@ranepa.ru

About the author:

Maria V. Kazakova, Head of Department for Economic Growth Studies of RANEPА (Moscow, Russian Federation), Deputy Head of International Department for Fiscal Sustainability Studies, Scientific Direction “Macroeconomics and Finance” of Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; kazakova@ranepa.ru

СССР и современные США: две парадигмы тупика общественного развития

Кавеев К. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kawejew@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В данной статье содержатся размышления автора о двух принципиально разных подходах к путям исторически сложившегося общественного развития: либерального и социалистического, каждый из которых обеспечил на определенном отрезке времени общественный прогресс, в то же время, по мере реализации и в разной степени каждый из них оказался тупиковым. Автор утверждает, что без учета особенностей и конкретных условий исторического развития стран насаждение того или иного пути общественного развития приводит в конечном счете к тупику. Автор полагает, что только следование естественному ходу общественного развития конкретных стран, без его искусственного ускорения и с учетом позитивного опыта, что предлагает тот или иной путь, может быть обеспечен общественный прогресс конкретной страны и государства.

Ключевые слова: либерализм, социализм, социальное развитие, прогресс, идеология, парадигма

USSR and Contemporary USA: Two Paradigms of the Social Development Deadlock

Kaveev K. A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; kawejew@yandex.ru

ABSTRACT

This article contains reflections of the author about two essentially different approaches by the ways of historical social development: liberal and socialist, each of which has provided social progress on a certain interval of time, at the same time, in process of realization and in different degree, each of them was deadlock. The author claims that without consideration of features and specific conditions of historical development of the countries, instilment of the way of social development, brings eventually to the deadlock. The author believes that only following to the natural course of social development of the concrete countries, without his artificial acceleration and taking into account positive experience what offers concrete way, the social progress of the concrete country and state can be provided.

Keywords: liberalism, socialism, social development, progress, ideology, paradigm

Введение

До XX в. проблема выбора пути общественного развития политическая практика показала два направления: либо либерализм, либо консерватизм. Первое направление своим содержанием имело формирование правового государства и гражданского общества, характерное для большинства европейских государств. Второе — сохранение авторитаризма, в крайней форме — самодержавие в России, или конституционная монархия.

Следует отметить, что именно Великая французская революция (ВФР) провозгласила и реализовала на практике права и свободы отдельной личности как базисные ценности либерализма, дала огромный импульс общественного развития. Провозглашая необходимость соблюдения неотчуждаемых прав и свобод человека на жизнь, свободу, и частную собственность, она создала необходимые предпосылки для общественного прогресса. Известно, что провозглашенные лозунги ВФР имели своей целью их реализацию и были направлены на отмену сословных отношений как основы социального неравенства. На смену сословных различий пришли классовые различия. Если сословия — это социально-правовая категория, то классы — это уже экономическая. Принадлежность к конкретному сословию определяло реальное, настоящее и будущее положение человека. Личные качества и способности человека не были востребованы и это, в конечном счете, выступало тормозом развития общества. Формирование капиталистических отношений, когда во главу угла ставилась прибыль, именно личные качества, прагматизм и отчасти авантюризм, стало стимулом экономического и общественного развития. Не сословные, а классовые отношения стали основным содержанием общественного развития. Именно наличие или отсутствие собственности, стало основным мерилом общественной оценки человека. Либерализм как концепция формировалась достаточно долго. Теоретическое становление и развитие либерализма нашло отражение в работах Локка, Монтескье, Руссо, Вольтера и пр. Либерализм стал основной парадигмой социального прогресса. В странах, где произошли буржуазные революции мирным или не мирным путем, стала быстро развиваться экономика, совершенствовались общественные отношения. Пример этих стран стал привлекательным и для других.

* * *

Известно, что развитие противоречиво. Дialeктика гласит, что любое явление в себе содержит собственное противоречие. Либерализм как идеология, провозгласив права и свободы человека, породил новые социальные противоречия, зачатки которых существовали и ранее, но они не выступали на первый план, это противоречия экономические. Историческая практика показала, что экономическая свобода в силу объективных условий порождает в конечном счете имущественное неравенство. Оно становится главным. Об этом свидетельствует Парижская коммуна во Франции, лозунги которой носили уже экономический характер. Идеи необходимости экономического равенства исторически были востребованы во все времена. В работах многих авторов, особенно социалистов-утопистов, эти идеи нашли наибольшее развитие. Это, в частности, известные произведения, посвященные данной теме: Томас Мор «Утопия» Томазо Кампанелла «Город Солнца» и пр. И далее более зрелые работы зарубежных и отечественных теоретиков. Принципиальными в этом плане является возникновение марксизма. Именно в работах К. Маркса и Ф. Энгельса и позднее В. И. Ленина была сделана попытка научного обоснования возможности [7] и необходимости [2, 4] появления нового коммунистического общественного строя, основанного, прежде всего, на основе социально-экономического равенства. В этих работах утверждалось двухэтапное становление нового общественного строя: на первом этапе — социализма и на втором — коммунизма. Возникло мировое коммунистическое движение. Была создана международная коммунистическая организация «Коминтерн».

Октябрьская социалистическая революция стала вторым по значимости фактором после Великой французской революции, который изменил вектор общественного

развития. Октябрьская революция не была случайным событием. Общественное развитие конца XIX и начала XX в. характеризовалось обострением экономических противоречий между ведущими развитыми странами, ступившими, по определению В. И. Ленина, в высшую стадию развития капитализма — империализм [3]. Следствием разрешения крайне обострившихся мировых экономических, а значит и политических, отношений стала Первая мировая война.

Характеристика этого этапа мирового экономического и политического развития хорошо известна и описана в научной литературе. Лишь подчеркнем, что идеи и ценности свободного рынка, предпринимательства и конкуренции привели, в конечном счете, к монополизации экономики, к неравномерности экономического развития между ведущими экономически развитыми странами, следствием которого стала борьба за передел мирового рынка. «Свободная рука рынка» (А. Смит) [8] оказалась не способной обеспечить в сложившихся условиях общественный прогресс. Помимо противоречий между ведущими государствами, обострились и противоречия внутри этих государств между имущими и неимущими классами. В отличие от большинства ведущих Западных стран, где сформировались развитые капиталистические отношения, сословные различия ушли на второй план, в России же эти отношения обострялись. Среди наиболее экономически развитых стран, по меткому выражению В. И. Ленина, Россия оказалась «слабым звеном» в цепи империализма [3]. Помимо противоречий, вызванных чисто экономическими причинами, в России это было вызвано сложившимися феодальными, сословными отношениями. Таким образом, в России возникла революционная ситуация. Февральская буржуазная революция и далее Октябрьская социалистическая революции стали реакцией на сложившиеся обстоятельства. Революционная ситуация была также характерна и не только для России. Это в полной мере относится к Германии, Венгрии и к ряду других государств. Возникло понимание возможности и неизбежности мировой социалистической революции, теоретическое обоснование которой было дано К. Марксом, Ф. Энгельсом [5; 6] и В. И. Лениным. Таким образом, возникла другая альтернатива общественному развитию. Если либеральная концепция основывалась на формальном равенстве граждан, на предпринимательстве, свободном рынке, конкуренции и эксплуатации человека человеком, на противоположности экономических интересов имущих и неимущих, то новая социалистическая альтернатива провозглашала социальное равенство, исключении эксплуатации человека человеком.

Понимая, какую угрозу представляет для существующих буржуазных отношений и для господствующего положения имущего класса со стороны левых политических сил, прежде всего, нарастающего коммунистического движения, примера успеха Октябрьской социалистической революции, в Западных странах были предприняты соответствующие меры, приведшие к институционализации отношений между имущими и неимущими классами, в результате которых удалось сбить остроту классовых противоречий путем нахождения компромисса. Таким образом, на смену классического либерализма пришел неолиберализм. Идеи Кейнса и их реализация воплотились в «Новом Курсе Рузвельта» в США. Регулирующая роль государства в экономике (законы против монополизма, профсоюзы, коллективные договоры и пр.) сыграла позитивную роль. В результате капитализм получил новые возможности для своего существования. По этому пути пошли наиболее экономически развитые страны Запада. В целом, что следует подчеркнуть, неолиберализм дал новый импульс для общественного развития.

С другой стороны, в мировом коммунистическом движении возник определенный кризис. Ожидания возможности наступления мировой социалистической революции не оправдались. Успешная реализация неолиберального экономического курса позволила правящим кругам ведущих капиталистических стран сбить волну недо-

вольства и сгладить экономические противоречия. Этому также способствовал углубляющийся раскол внутри коммунистического движения, связанный с ростом социал-реформистских взглядов в мировом коммунистическом движении, тогда в СССР была принята на вооружение концепция построения социализма в отдельно взятой стране, теоретическую основу которой сформулировал В. И. Ленин [1]. СССР приступил к строительству социализма.

По сравнению с СССР для экономически развитых стран было характерно относительно равномерное развитие всех территорий. В силу исторического развития и характера экономики СССР имел в своем составе территории, которые в экономическом и социальном отношении были отсталыми. Это территории Юга и Востока страны. Характерным для социальных и экономических отношений этих территорий было существование, помимо чисто экономических противоречий, также наличие феодальных и родовых отношений. Возникла задача ликвидации экономической отсталости этих территорий. Реализация этой задачи основывалась на концепции, согласно которой «переход от феодализма к социализму минуя капитализм возможен, если пролетариат страны победившего социализма окажет соответствующую помощь». Согласно марксистской концепции основным субъектом построения социализма является рабочий класс в союзе с крестьянством, таким образом, ставилась задача формирования рабочего класса посредством индустриализации этих республик и создания коллективных хозяйств. Реализация этой концепции придала импульс дальнейшего развития страны. В ранее отсталых территориях были построены промышленные предприятия, объекты культуры, некоторые народы получили свою письменность. Таким образом был создан экономический фундамент народно-хозяйственного комплекса, благодаря которому была одержана победа в Великой Отечественной войне. Эта концепция была взята в дальнейшем на вооружение политическим руководством СССР.

Победа СССР во Второй мировой войне привела к созданию социалистического лагеря. В странах, входящих в социалистическое содружество, было сильно влияние коммунистических партий и не без помощи СССР эти партии стали правящими. Восстановление экономики этих стран осуществлялось при помощи СССР. Так на практике реализовывался принцип «пролетарского интернационализма». При всех трудностях и противоречиях развития пример СССР был притягателен и для других стран. Во многих странах существовали коммунистические и социалистические партии. Мировое коммунистическое движение в целом представляло собой значительную политическую силу в мире.

Вторая мировая война способствовала росту экономики США. Война требовала много вооружения, что способствовало росту производства, созданию большого числа рабочих мест. Таким образом, реализация на практике «Нового Курса Рузвельта» сделала США мировым экономическим и политическим лидером. Именно США стали локомотивом восстановления экономики западных стран. В результате США стали самой мощной экономической державой и наряду с СССР стали наиболее влиятельной политической силой в мире.

Победа СССР во Второй мировой войне, создание содружества социалистических государств сыграли решающую роль в развитии национально-освободительного и демократического движения и привлекательности выбора социалистического пути развития, а также движения неприсоединения. Таким образом, возникновение и укрепление стран социалистического содружества породило мифическую угрозу Западу. Как ответная мера возникла военная организация НАТО в противовес Варшавскому договору. Возникла биполярная мировая система и, соответственно, две соревнующиеся мировые экономические системы, две сферы мирового влияния, два вектора общественного развития. Страны, где были сильны симпатии к СССР и сильные левые взгляды, получали поддержку со стороны СССР и были

ориентированы на социалистический вектор развития. В крайних случаях, когда возникала необходимость поддержки ориентированных на социализм (СССР) государств, осуществлялась военная интервенция (Афганистан). В последнем случае реализовывалась прежняя концепция перехода к социализму, минуя капитализм, странами, находящимися на феодальном уровне развития.

Привлекательность и выбор того или иного вектора общественного развития, социалистического или либерального, конкретными странами и государствами, как показала историческая практика, определяются, в конечном счете, и тем, в какой мере этот выбор обеспечивает социальный прогресс, насколько такой выбор создает условия для экономического, социального и культурного развития населения этих стран и государств. В современном мире существуют государства, которые развиваются по одному из двух векторов развития.

Конечно, либеральная парадигма выбора доминирует. Тем не менее социалистическая парадигма выбора тоже существует и не без успеха. Конечно, время приносит в нее свои коррективы, учитывающие современные реалии, но вектор все же остается прежним. В частности, Китай, Вьетнам тому примеры. В исторической перспективе, какой путь будет более привлекателен, не до конца ясен. Но ясно одно, что, как показала практика, насилие над историей невозможно. Нельзя навязывать направление общественного развития другим странам, каким бы прогрессивным оно не казалось по объективным критериям, если не сформировались соответствующие условия в этих странах. Поэтому опыт СССР в этом поучителен. С другой стороны, признание либеральных ценностей как общепринятых общечеловеческих в качестве универсальных и их навязывание другим, по примеру Запада и прежде всего США, дает обратный эффект. Пример «цветных революций», имеющих целью установление либеральных ценностей, демократии в странах, где господствуют традиционные отношения, навязываемые современными США, порождает обратный эффект. Хаос, межэтнические столкновения, потеря государственности — таков результат такого «культуртрегерства».

Заключение

Резюмируя изложенное, можно полагать, что и та парадигма, которой придерживался СССР в отношении стран, которым был привлекателен опыт построения социализма, без учета соответствующих условий, не оказалась жизнеспособной. Здесь возник исторический тупик. Не стало мощного и влиятельного государства, как СССР, а значит, возможности выбора такого пути развития. С другой стороны, парадигма, которую предлагает Запад, прежде всего США, путем навязывания универсальных либеральных ценностей странам, объективно не имеющим соответствующих условий, также обречена на провал. При выборе пути общественного развития каждой страной необходимо учитывать сложившиеся исторические традиции и формировать необходимые условия, обеспечивающие прогрессивное и самобытное развитие.

Литература

1. Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции // Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. М., 1967–1981. Т. 30. С. 133.
2. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 33. Гл. 5.
3. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 27. С. 299–426.
4. Маркс К. Критика Готской Программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М., 1955–1974. Т. 19. С. 9–32.

5. *Маркс К.* Немецкая идеология // Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 2. С. 3.
6. *Обращение* Центрального комитета к Союзу коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 7. С. 260–267.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 419–459.
8. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2007.

Об авторе:

Кавеев Камил Акрямович, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент; kawejew@yandex.ru

References

1. Lenin V.I. Military program of proletarian revolution // V.I. Lenin. Complete works. 5 ed. M., 1967–1981. V. 30. P. 133. (In rus)
2. Lenin V.I. State and revolution // V.I. Lenin. Complete Works. 5 ed. V. 33. P. 5. (In rus)
3. Lenin V.I. Imperialism as the highest stage of capitalism // V.I. Lenin. Complete works. 5 ed. V. 27. P. 299–426. (In rus)
4. Marx K. Criticism of the Gothic Program.//Marx K., Engels F. Works. Ed. 2. M., 1955–1974. V. 19. P. 9–32. (In rus)
5. Marx K. German ideology // Marx K., Engels F. Works. Ed. 2. V. 2. P. 3. (In rus)
6. The appeal of the Central Committee to the Union of communists // Marx K., Engels F. Works. Ed. 2. V. 7. P. 260–267. (In rus)
7. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party // Marx K, Engels F. Works. Ed. 2. V. 4. P. 419–459. (In rus)
8. Smith A. Research about the nature and the reasons of wealth of the people. M. : Eksmo, 2007. (In rus)

About the author:

Kamil A. Kaveev, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Associate Professor; kawejew@yandex.ru

Из истории развития конструкторской мысли и взглядов на боевое применение батальонной артиллерии РККА в 1920–1930-е годы

Щербаков Ю. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация scherbackowiury@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается исторический аспект формирования, становления и развития в РСФСР/СССР конструкторской мысли и взглядов на боевое применение батальонной артиллерии РККА в 1920–1930-е годы. Акцентируется внимание на факторах, оказывающих влияние на принятие органами государственной власти и военного управления конкретных мер, направленных на разработку образцов артиллерии малых калибров, внедрение батальонной артиллерии в серийное производство и принятие ее на вооружение в РККА. Отмечается, что военно-научная мысль в 1920–1930-е годы внесла огромный вклад в развитие военной теории. На ее основе советская политическая и военная элита проводила комплекс мероприятий по укреплению обороноспособности страны, в том числе проводя модернизацию штатного вооружения и военной техники и одновременно с этим осуществляя разработку принципиально новых образцов на базе отечественного производства, что позволило РККА добиться высоких результатов в вооруженных конфликтах 30-х годов XX столетия.

Ключевые слова: артиллерия, Главное артиллерийское управление, КОСАРТОП, военная наука, военная теория, конструкторское бюро, межвоенный период, Красная армия, Советское государство

From the History of the Development of Design Ideas and Views on the Combat Use of the Battalion Artillery of the Red Army in the 1920–1930s

Shcherbakov Yu. V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation
scherbackowiury@yandex.ru

ABSTRACT

The article deals with the historical aspect of the formation, formation and development in the RSFSR/USSR of constructive thought and views on the combat use of the Red Army battalion artillery in the 1920–1930s. Attention is focused on the factors that influence the adoption by government and military authorities of specific measures aimed at developing artillery samples of small calibers, the introduction of battalion artillery into batch production and its acceptance into service in the Red Army. It is noted that military-scientific thought in the 1920–1930s contributed immensely to the development of military theory. Its Soviet political and military elite carried out a complex of measures to strengthen the country's defense capability, including carrying out the modernization of the standard armament and military equipment, and simultaneously developing new models on the basis of domestic production, which enabled the Red Army to achieve high results in armed conflicts 30th years of XX century.

Keywords: artillery, Main Missile and Artillery Directorate, Commission for Special Artillery Experiments, military science, military theory, design department, interwar period, Red army, Soviet state

Состояние современной международной обстановки и наличие угроз безопасности Российской Федерации, в том числе вокруг государственных границ, требуют все-сторонней модернизации Вооруженных сил. Одной из приоритетных задач их развития является оснащение армии и флота современными образцами военной техники и вооружения. Наряду с укреплением ракетно-ядерного щита, большая роль отводится модернизации обычных систем вооружения. Особое внимание со стороны российского военно-политического руководства уделяется вопросам, связанным с разработкой принципиально нового оружия на базе отечественного производства, поскольку в России было время (кон. XIX — нач. XX вв.), когда большинство отечественных артиллерийских систем создавалось на основе германских и французских образцов, либо эти образцы, после проведения испытаний, принимались на вооружение русской артиллерии. При этом роль русских инженеров зачастую сводилась лишь к адаптации иностранных образцов к российским условиям. Как отмечает А. Г. Шалковской, «...военное ведомство царской России не особенно заботилось о создании отечественной конструкторской школы, а искало вооружение за рубежом. Несмотря на появление отдельных талантливых конструкторов, таких как А. П. Энгельгардт, В. С. Барановский, Ф. Ф. Лендер, царской России не удалось создать школу творцов артиллерийского вооружения» [11, с. 359].

С приходом в России к власти большевиков в 1917 г. вопросам разработки новых артиллерийских систем стало уделяться пристальное внимание. На основании Приказа Наркомвоена РСФСР № 31 от 11 декабря 1917 г. в военном ведомстве Советской Республики создается Совет для руководства деятельностью Главного артиллерийского управления (ГАУ) старой армии [1, с. 176].

17 декабря 1918 г. была сформирована Комиссия особых артиллерийских опытов (КОСАТОП), ставшая центром артиллерийской научной мысли молодого Советского государства¹. Организационно Комиссия входила в Артиллерийский комитет Главного артиллерийского управления (ГАУ) Красной армии [10, с. 70–71]. Перед Комиссией, председателем которой стал генерал-лейтенант В. М. Трофимов², была поставлена задача развития артиллерии как науки и создание качественно новых образцов ее материальной части [7, с. 147].

Для решения сложившейся проблемы высшие органы государственной власти и военного управления Советской Республики, несмотря на экономические трудности и недостаточное финансирование Красной армии, сумели нацелить деятельность ГАУ на разработку и создание отечественной артиллерии — важнейшему для обороны государства роду войск [8, с. 95]. Решением этих проблем в 1921 г. занялись сотрудники КОСАТОПа Е. К. Смысловский³ и В. И. Гаврилов, работавшие в конструкторско-исследовательской секции над теорией разработки новых орудий, получившей название «Общие основания устройства облегченной пушки» [3, с. 8–9].

Серьезное внимание артиллерии стало уделяться сразу после окончания Гражданской войны, так как артиллерийский парк в ходе прошедших боев понес тя-

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее ВИМАИВиВС). Ф. 24. «Копийные приказы». Оп. 97/1-97/20.

² Трофимов Василий Михайлович (1865–1926) — известный ученый, артиллерист. Окончил 4-й Московский кадетский корпус (1883), Михайловскую артиллерийскую академию (1892). Автор ряда работ по теории стрельбы артиллерии и артиллерийских боеприпасов.

³ Смысловский Евгений Константинович — (23 ноября 1868, Киев — 4 ноября 1933, Москва) — генерал-лейтенант Российской Императорской армии, военспец РККА, специалист и автор трудов по артиллерии. В ноябре 1918 г. поступает на службу в РККА на должность инспектора артиллерии Высшей военной инспекции. С 1924 г. — главный руководитель по артиллерии в Военной академии РККА и преподаватель Военно-хозяйственной академии по циклу артиллерийского снабжения (по совместительству). В 1927 г. приказом по РВС СССР присвоено звание преподавателя Высших военных учебных заведений РККА по тактике.

железные потери. Истощенная Первой мировой и Гражданской войнами промышленность была не в состоянии восполнить недостаток орудий, боеприпасов и комплектов запасных изделий, инструментов и принадлежностей (ЗИП). Оставшиеся немногочисленные исправные орудия концентрировались в бригадах и дивизиях, а также находились в прямом подчинении Главного командования. Принимая это обстоятельство во внимание, руководство Главного артиллерийского управления (ГАУ) РККА в 1922 г. приняло решение о проведении инвентаризации материальной части артиллерии¹, в ходе которой было выявлено только 1260 единиц исправных орудий. Все оставшиеся немногочисленные исправные орудия, в том числе 200 единиц орудий малых калибров: (37-мм пушки Розенберга, 37-мм французские пушки Пюто и 37-мм пушки немецкого завода «Грюзонверке») [13, с. 576], концентрировались либо в соединениях (в бригадах и дивизиях), либо находились в прямом подчинении Главного командования. По этой причине после окончания Гражданской войны, в условиях низкого уровня материально-технического обеспечения Красной армии, вопрос организации артиллерии в деле укрепления обороноспособности Советского государства приобрел важнейшее значение.

К концу 1922 г., согласно сведениям Управления делами Наркомата обороны СССР, артиллерия Красной армии состояла из артиллерийских дивизионов, входивших в состав стрелковых дивизий и отдельных стрелковых бригад, а также армейских артиллерийских бригад артиллерии особого назначения (АОН), запасных, учебных частей и отдельных дивизионов, которые предназначались для обучения и подготовки младшего командно-начальствующего состава с целью формирования обученными кадрами новых артиллерийских подразделений². Таким образом, архивные данные позволяют сделать вывод, что в конце 1922 г. в штате полков и корпусов Красной армии собственной или приданной противотанковой и батальонной (пехотной, стрелковой) артиллерии не было³.

Отметим, что необходимость введения в тактическое звено стрелковых воинских частей батальонной артиллерии была вызвана несколькими обстоятельствами. Во-первых, ее огонь был признан наиболее эффективным средством прокладывать путь пехоте. Поэтому батальонная артиллерия должна следовать на поле боя с пехотой и танками, обеспечивая выполнение ими поставленных боевых задач. Их количество на поле боя в годы Первой мировой войны возросло в 30 раз⁴.

Вторая причина введения в тактическое звено стрелковых воинских частей батальонной артиллерии заключалась в необходимости увеличения глубины оборонительных позиций, оборудованных траншеями и ходами сообщения до 1,5–2 км и более. Для организации поддержки пехоты при ее продвижении в глубину обороны требовалось и перемещение вперед артиллерийских позиций. Все это нередко негативно сказывалось на темпах продвижения «царицы полей», увеличивало ее потери в личном составе, как следствие — нередко приводило к невыполнению боевой задачи. Исходя из того, что основное предназначение батальонной артиллерии на поле боя заключалось в том, чтобы всегда оказывать непосредственную

¹ Инвентаризация материальной части артиллерии РККА проводилась в 1922–1924 гг.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. «Управление делами Наркомата обороны СССР». Оп. 2. Д. 480. Л. 11.

³ В зарубежных армиях артиллерия малых калибров получила наименование «орудий непосредственной поддержки пехоты» (Франция), «пехотных орудий» (Германия), а в российской армии «прижилось» название «батальонная артиллерия».

⁴ РГВА. Ф. 20. «Главное артиллерийское управление (ГАУ) Красной армии (быв. Артиллерийское управление (АУ), Артиллерийское управление снабжения РККА, Артиллерийское управление РККА). 1916–1941». Оп. 1. Д. 22. Л. 44.

и своевременную огневую поддержку пехоте, уничтожая или подавляя пулеметы противника для обеспечения продвижения пехоты в глубину обороны противника, необходимость создания облегченной пушки, ее испытания и принятие на вооружение становилась чрезвычайно важной задачей для повышения боеспособности подразделений тактического уровня. Следовательно, ведение наступательного боя с целью прорыва оборонительных полос и позиций стал занимать доминирующее положение в организации наступательного боя, в котором пехоте — как главному роду войск — отводилась ведущая роль.

В сентябре 1922 г. начальник артиллерии РККА Ю. М. Шейдеман поставил перед Артиллерийским комитетом (ГАУ) задачу по разработке проекта батальонного орудия¹. Спустя 6 месяцев, руководство КОСАРТОП получило от ГАУ указание приступить к разработке орудий для частей и подразделений тактического и оперативно-тактического уровней. Взяв за основу эскизные проекты², выполненные конструкторами Н. Ф. Дроздовым³ и М. Ф. Розенбергом⁴, в КОСАРТОП началась их разработка. Вместе с тем разработчики нового орудия столкнулись с трудностями при конструировании лафета⁵. Кроме того, все разработанные орудия имели отклонения от технического задания, поскольку они не имели угла возвышения ствола в 45°. Анализ переписки между Председателем Комиссии особых артиллерийских опытов и начальником артиллерии Красной армии по вопросам разработки и создания отечественной артиллерии показывает, что В. М. Трофимов настаивал на вооружении РККА батальонной артиллерии сразу двумя типами орудий — пушкой и минометом⁶. Но реализовать на практике это было невозможно по двум причинам — нехватки бюджетных средств и отсутствия в стране соответствующей производственной базы.

В мае 1923 г. в Реввоенсовете обсуждался пятилетний план военного строительства, при этом состояние артиллерии в целом характеризовалось как удовлетворительное, но слабой оставалась ее материальная часть⁷.

¹ Шейдеман Юрий Михайлович (1 февраля 1867 — 22 июня 1940) — генерал-лейтенант русской армии, начальник артиллерии Красной армии. С 1918 г. служил в РККА, участвовал в формировании артиллерийских частей, обеспечении их боеприпасами и подготовке командных кадров. С октября 1918 по август 1921 гг. — инспектор артиллерии полевого штаба РВСР. С 21.08.1921 г. — начальник артиллерии РККА. С 1922 г. — начальник бронесил РККА.

² Пушки калибра 45 мм (облегченного и удлиненного типов), а также 52-мм и 60-мм гаубицы.

³ Дроздов Николай Федорович (1862–1953). Генерал-лейтенант российской императорской армии, генерал-полковник артиллерии СССР (1944). В феврале 1918 г. добровольно вступил в РККА. С октября 1918 г. консультант в артиллерийском отделе Научно-артиллерийской комиссии Главного управления кораблестроения. С марта 1919 г. работал в Комиссии особых артиллерийских опытов (КОСАРТОП). С 1922 г. — помощник директора Государственного научно-технического института. С 1924 г. — приватный преподаватель Морской академии (до 1933 г.).

⁴ Розенберг Михаил Федорович (1861–1928) — русский, советский конструктор артиллерийского вооружения, генерал-майор. Автор разработки 37-мм траншейной пушки, 91-мм бомбомета, станков, позволявших вести стрельбу по воздушным целям из полевых пушек обр. 1900–1902 гг. Служил в РККА (с 1923). Член Комиссии особых артиллерийских опытов (КОСАРТОП). Позже инженер КБ Артиллерийского комитета при ГАУ. Указом ВЦИК от 22.02.1928 г. присвоено звание «Герой Труда» за многолетнюю и полезную деятельность по строительству Вооруженных сил.

⁵ РГВА. Ф. 4. «Управление делами Наркомата обороны СССР». Оп. 2. Д. 41. «Рапорт КОСАРТОПа на имя начальника артиллерии РККА». Л. 1.

⁶ Рапорт Председателя КОСАРТОП начальнику артиллерии Красной армии № 2338 от 28 марта 1923 г.

⁷ Революционный военный совет Республики (РВСР) — высший коллегиальный орган военной власти в РСФСР–СССР в период с 6 сентября 1918 г. по 20 июня 1934 г. 28 августа 1923 г. преобразован в Реввоенсовет СССР.

2 марта 1924 г. в Революционный военный совет СССР, Совет народных комиссаров СССР и Совет труда и обороны при СНК СССР был представлен доклад «Об организации военной промышленности», в котором обосновывалась целесообразность создания отечественной военной промышленности [4, с. 118]. Авторы доклада обосновывали главный тезис, что все предметы вооружения и снабжения Красной армии должны производиться на территории советского государства, при этом оборонные предприятия обязаны работать только на отечественном сырье¹.

В 1925 г. в постановлении РВС СССР по докладу о состоянии военной промышленности, представленному Богдановым, основной акцент делался на недостатки в работе Военпрома. Цели производства, говорилось в нем, в основном довоенные. Отмечались низкое качество и дороговизна военной продукции, постоянный недодел, недостаточные мощности военных заводов, отсутствие связи и координации между ними, плохая постановка плановой работы и недостаточное накопление мобилизационных запасов. В июне 1925 г. В.И. Богданов подает Председателю Высшего совета народного хозяйства СССР Ф.Э. Дзержинскому заявление об уходе.

24 февраля 1925 г. Мобилизационно-организационным управлением (МОУ) Штаба РККА был дан анализ состояния артиллерии РККА и сделан аргументированный вывод о необходимости создания батальонной артиллерии.

Для этого предполагалось иметь на вооружении мелкокалиберную пушку, обладающую настильным огнем, и легкое орудие (гаубица или миномет), обладающее навесным огнем [5, с. 91]. При этом были определены их главные тактико-технические характеристики: расположение в линии передовых цепей пехоты и подавление огня неприятельских пулеметов в укрытиях и искусственных заграждениях; борьба с танками; подавление огня отдельных групп стрелков; занятие новой позиции в районе, захваченном у противника; отбивание огнем контратак противника. Кроме главных задач вводились две дополнительные: борьба с воздушным противником и поражение дальних целей (батареи, колонны), угрожающих своей атакующей пехоте². Однако создать батальонное орудие, обладавшее указанными выше свойствами, было затруднительным. Поэтому в годы военной реформы (1924–1928 гг.) для создания батальонной артиллерии Красной армии работы велась над шестью новыми образцами: 65-мм пушка системы Р.А. Дурляхова весом около 200 кг (Московский оружейный завод)³; 45-мм пушка «большой мощности»; 60-мм гаубица весом около 200 кг, 45-мм пушка «малой мощности» весом около 170 кг (завод «Красный Путиловец»); 45-мм пушка системы Соколова (завод «Красный Арсенал»), которую предусматривалось проектировать в двух вариантах: на колесном лафете и на самоходном тракторе конструкции инженера П.В. Коротеева.

Орудие конструктора Коротеева в значительной мере отвечало требованиям, заданным КОСАТОП (масса превышала 500 кг, скорость передвижения до 5 км/

¹ Богданов П.И. — начальник Главного управления военной промышленности Высшего совета народного хозяйства СССР и Михайлов В.С. — профессор, помощник П.И. Богданова по военно-техническим вопросам.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 8р. «Комиссия особых артиллерийских опытов (Косартоп)». Оп. 1. Д. 43. Гаврилов В. «Вероятная организация и тактика стрелковой артиллерии». Л. 27.

³ Дурляхов Ростислав Августович (1856–1937) — конструктор артиллерийского вооружения, генерал-лейтенант. Военный писатель. На службе в РККА с 1918 г. С 1 января 1919 г. — председатель Артиллерийского комитета ГАУ, с 21 октября 1919 г. — старший преподаватель Артиллерийской академии, с 28 августа 1924 г. — заместитель председателя Артиллерийского комитета ГАУ, с 20 января 1927 г. — председатель 2-й секции Артиллерийского комитета ГАУ. В течение более чем 25 лет принимал самое деятельное участие в разработке предметов материальной части, являясь одним из выдающихся конструкторов лафетов и оружейных установок, главным образом для крепостных и береговых образцов, большинство которых осуществлено и принято на вооружение. 25 сентября 1929 г. уволен из рядов РККА.

час¹. Однако к массовому производству данный образец не был принят в связи с тем, что отечественная промышленность была не в состоянии производить нужное количество моторов. Одновременно готовились и испытывались осколочные, бронебойные, фугасные снаряды и картечь. Для бронебойных снарядов разрабатывался донный взрыватель, а для осколочных — головной взрыватель мгновенного действия².

В августе 1926 г. М. Н. Тухачевский подготовил обширный доклад «Оборона Союза Советских Социалистических республик» и представил его в Совет труда и обороны (СТО). Главный тезис доклада Начальника штаба РККА был о необходимости технического перевооружения Красной армии и накоплении мобилизационных запасов [14, с. 162].

В информационном письме АУ РККА № 1 от 25 февраля 1926 г. в разделе о вооружении батальонной артиллерии к ней, помимо 37-мм пушек Розенберга, Грюзонверка, Маклена, были отнесены и 58-мм минометы типа ФР³.

В 1926 г. значительного увеличения объема артиллерийских исследований на базе КОСАРТОП в СССР был создан ряд конструкторских бюро (КБ), как самостоятельных, так и в составе заводов и НИИ, работавших по заданиям Артиллерийского управления [12, с. 360].

За время работы КОСАРТОП в период с 1918 по 1927 гг. было создано более 140 оригинальных научных трудов, были выполнены 9 научно-исследовательских и 82 проектно-конструкторские работы, создано несколько десятков опытных образцов артиллерийского вооружения⁴.

В связи с изменением в тактике общевойскового боя в 1927 г. в штат стрелкового батальона РККА был введен артиллерийский взвод в составе одного 58-мм миномета и одной 37-мм траншейной пушки обр. 1915 г., спроектированной М. Ф. Розенбергом — единственное орудие такого типа, которое было разработано и произведено в Российской империи. В сентябре 1928 г. приказом Реввоенсовета СССР были временно введены на вооружение 37-мм пушки Розенберга и Грюзонверка на лафетах системы Дурляхера [13, с. 576].

В мае 1929 г. была принята «Система артиллерийского вооружения на 1929–1932 гг.» — важный документ, который заложил правовую основу для перевооружения Красной армии на современные образцы вооружения и военной техники⁵. В результате титанических усилий на рубеже 1920–1930-х гг. удалось произвести модернизацию ряда артиллерийских систем, что позволило в первую очередь увеличить дальность их стрельбы [9, с. 118]. Вместе с тем проведенная в конце 1920-х гг. модернизация артиллерии всего лишь улучшила ее некоторые тактико-технические характеристики без существенных конструктивных изменений. Однако внешнеполитический фактор, обусловленный увеличением военных бюджетов, гонка вооружения в ряде стран Азии (Япония), Западной Европы (Англия, Германия, Италия, Франция) и США, увеличение численности и технической оснащенности их армий, явная подготовка к новой мировой войне — все это настоятельно требовало новых серьезных изменений в советском военном строительстве [14, с. 166]. Отметим, что в конце 1920-х гг. в СССР была разработана теория

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 8р. «Комиссия особых артиллерийских опытов (Косартоп)». Оп. 1. Д. 43. Гаврилов В. «Вероятная организация и тактика стрелковой артиллерии». Л. 10–12.

² Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 25. Л. 6.

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 7р. «Главный научно-исследовательский артиллерийский полигон». Оп. 7. Д. 337 — Секретная переписка. Л. 366.

⁴ Там же. Ф. 8р. «Комиссия особых артиллерийских опытов (Косартоп)». Оп. 1. Д. 25. Л. 6.

⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 20р. «Жданов Н. Н.» (Личный фонд). Оп. 1. Д. 1. «Артиллерийское обеспечение прорыва тактической обороны». Л. 14–15.

глубокого боя. Анализ докладных записок М. Н. Тухачевского¹ и В. К. Триандафиллова² позволяет констатировать, что именно эти военачальники впервые изложили идею глубокого боя, оказав тем самым огромное влияние на развитие армии и формирование принципиальных взглядов советской военно-теоретической мысли. Вместе с тем уже в начале 1930-х гг. теория глубокого боя (теория проведения последовательных операций) уже устарела. Вместо нее советской наукой была разработана теория глубокой операции, предполагавшая наступление массовыми, технически оснащенными армиями. Важнейшей составной частью глубокой операции (армейской или фронтовой) считался прорыв тактической обороны противника [15, с. 118]. Этот фактор оказал решающее значение на принятие военно-политическим руководством СССР решения о начале создания современных и эффективных для своего времени видов вооружения и военной техники (В и ВТ) [6, с. 144–145].

В 1930-е гг. совершенствование штата батальонной артиллерии шло за счет количественного увеличения и качественного улучшения орудий, увеличения возможностей по борьбе с танками противника. Так, в целях повышения скорострельности и огневой мощи по штату стрелковой дивизии № 04/110 от 26 июля 1931 г. стрелковый батальон получил артиллерийский взвод в составе двух 20-мм автоматических пушек и одной 76-мм мортиры. 37-мм пушка и 58-мм миномет были сняты с вооружения, как устаревшие³. Таким образом, стрелковые батальоны РККА получили в начале 1930-х гг. именно такую организацию.

В 1930-е гг. перспективы развития артиллерийского вооружения неоднократно обсуждались в Инспекции артиллерии РККА, а затем и в Управлении начальника артиллерии совместно с представителями Главного артиллерийского управления (ГАУ), конструкторских бюро (КБ) и научно-исследовательских институтов (НИИ) [15, с. 137]. Вместе с тем кампания 1925–1931 гг. по созданию батальонной артиллерии закончилась полным провалом.

В 1932 г. в связи с ростом количества танков в иностранных армиях и увеличением толщины их брони в состав артиллерийского взвода стрелкового батальона вместо двух 20-мм пушек были введены две 45-мм противотанковые пушки с сохранением в нем 76-мм мортиры⁴.

В августе 1933 г. Реввоенсовет СССР утвердил «Систему артиллерийского вооружения на вторую пятилетку 1933–1937 гг.»⁵. В 1935 г. конструктор В. Н. Сидоренко завершил проектирование 76-мм пушки 35К. В этой связи следует согласиться с А. Б. Широкоградом, который считает В. Н. Сидоренко первым отечественным конструктором из числа тех, кто стал заниматься проектированием батальонной пушки [12, с. 128].

С середины 1930-х гг. военно-политическое руководство СССР, осознавая, что война с нацистской Германией неизбежна, начинает осуществлять переход от смешанного принципа ее комплектования РККА к кадровому. Техническая реконструкция и перевооружение вызвали необходимость уточнения и изменения штата стрелковой дивизии № 04/620 на случай войны. В этой связи в декабре 1935 г. был утвержден новый типовой штат стрелковой дивизии № 04/620 военного времени. В соответствии

¹ Докладная записка М. Н. Тухачевского, содержащая обоснования необходимости проведения реорганизации Красной армии и предложения по оснащению РККА танками и авиацией.

² Докладная записка В. К. Триандафиллова, содержащая предложения об использовании танков в наступательном бою в составе трех эшелонированных по дальности действий групп — НПП, ДПП и ДД.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 25. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 25.

⁵ Сборник аннотированных решений ГАУ (1930–1945 гг.): В 2 т. Т. 1. М., 1945. С. 52.

с этим штатом в состав дивизии входили три стрелковых полка, а также танковый, саперный, отдельный разведывательный батальоны, отдельный батальон связи и отдельный зенитно-артиллерийский дивизион [15, с. 161]. В соответствии с этим в состав стрелкового батальона входила рота тяжелого оружия с двумя 45-мм пушками и двумя 82-мм минометами. В последующие годы в организацию дивизии военного времени вносились некоторые коррективы, однако в основных чертах эта организация существовала до начала Второй мировой войны [16, с. 7–13]. На батальон стрелковой дивизии 1938 г. приходилось 65 пулеметов и 16 орудий и минометов (не считая танковых). Организация массового производства артиллерийского вооружения позволила увеличить среднегодовой выпуск артиллерийских орудий всех типов с 2540 (в 1930–1933 гг.) до 6130 орудий (в 1934–1938 гг.). К концу 1938 г. удельный вес артиллерии мелкого калибра (37–45-мм) по сравнению с 1929 г. увеличился с 1,5% до 4% и составлял от 50 до 65% всего артиллерийского парка [15, с. 140].

В 1939 г. батальонная артиллерия Красной армии была представлена противотанковым взводом (два 45-мм орудия) и минометной ротой (четыре 82-мм миномета) [2, с. 194].

Таким образом, важными особенностями исторического развития советского государства в 1920–1930-е гг., имеющими определяющее значение для организации промышленности вообще и ее оборонного сектора в частности, являлись высочайший уровень внешних (военно-политических и экономических) угроз и необходимость опоры на собственный научный, производственный и финансовый потенциал при конструировании вооружения и военной техники (В и ВТ) и их производстве. Первым отечественным специально сконструированным батальонным орудием стала 37-мм пушка М.Ф. Розенберга, опытный образец которого был изготовлен на Обуховском заводе, затем испытан и принят на вооружение русской армии в 1915 г. На рубеже 1920–1930-х гг. была произведена модернизация ряда артиллерийских систем. Несмотря на то, что отдельные параметры тактико-технических характеристик орудий улучшились, существенных конструктивных изменений не было. Де-факто батальонная артиллерия (артиллерийский взвод, имеющий на вооружении одну 37-мм пушку и один 58-мм миномет) была создана в 1927 г., т.е. спустя 10 лет после завоевания большевиками власти. Это было связано, прежде всего, с изменением в тактике общевойскового боя. В 1930-е гг. совершенствование штата батальонной артиллерии шло за счет количественного увеличения и качественного улучшения орудий, увеличения возможностей по борьбе с танками противника. В 1930-е гг. научно была доказана и обоснована необходимость специализации артиллерии РККА по ее видам и боевому назначению. В эти годы осуществляется оформление организационных форм батальонной артиллерии, при этом военной наукой ей были определены конкретные боевые задачи. Являясь составной частью стрелкового батальона, она должна была действовать, как правило, поорудийно и решать задачи по непосредственной поддержке боевых действий взводов и рот и по борьбе с механизированными средствами противника (танками и броневедомолами). 1929–1939 гг. стали временем активной разработки военной теории, послужившей базой для технической модернизации армии и флота. Современное вооружение и возросший уровень боевой подготовки красноармейцев и командиров-артиллеристов позволил добиться высоких результатов в ходе боевых действий у оз. Хасан (1938), на р. Халхин-Гол (1939) и в период Советско-финляндской войны (1939–1940).

Литература

1. Дятлов В. В. История артиллерии в военных конфликтах с участием РККА (1929–1940 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2014.

2. Головки Л. И., Постников А. Г. Становление и развитие артиллерии РККА в 1920–1930-е годы // Сб. материалов международной конференции «Актуальные вопросы изучения истории формирования и развития РККА и РККФ». Ч. 1. СПб. : МВАА, 2018.
3. Елизаров Н. М. Батальонная артиллерия в бою пехоты. М.-Л., 1932.
4. Капшитар В. Г. Исторические особенности формирования военно-промышленного комплекса СССР в 1920–1950-е годы // Сб. материалов межвузовской научно-практической конференции «Проблемы интеграции гражданского и военного секторов экономики в интересах обеспечения военной безопасности». СПб. : ООО «Копи-Р Групп», 2014. С. 116–121.
5. Лосик А. В., Черенцова К. В. Деятельность Комиссии особых артиллерийских опытов (КОСАТОПА) по созданию минометного вооружения (1918–1927 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–3 (74). С. 89–93.
6. Лушин А. И., Чернухин В. А., Щербаков Ю. В. Анализ исторического опыта деятельности органов государственного и военного управления в решении проблем технического перевооружения артиллерии Красной армии в 1930-х годах // Управленческое консультирование. 2017. № 5 (101). С. 142–149.
7. Набоков Ю. А. Конструирование и производство бронебойных боеприпасов для артиллерии Вооруженных сил СССР (20–60-е гг. XX в.) // Геополитика и безопасность. 2015. № 4(32). С. 145–149.
8. Солдатова О. Н., Богданова Е. С. Создание вооружения для РККА: 1920–1945 гг. Т. 2. Самара, 2015.
9. Чернухин В. А. Система управления артиллерией Красной армии в межвоенные годы (1921–1941 годы): проблемы развития и поиски оптимальных решений // Сб. материалов международной конференции «Актуальные вопросы изучения истории формирования и развития РККА и РККФ». Ч. 1. СПб. : МВАА, 2018.
10. Чернухин В. А. Из истории празднования 500-летия отечественной артиллерии // Клио. 2013. № 8 (80). С. 70–71.
11. Шалковский А. Г. Становление советского конструкторского корпуса артиллерийского вооружения и подготовка высококвалифицированных рабочих кадров в конце 20-х — начале 30-х годов прошлого века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции, СПб. : ВИМАИВиВС, 18–20 мая 2016 г. Ч. 5. С. 359–374.
12. Широкоград А. Б. Гений советской артиллерии: Триумф и трагедия В. Грабина. М. : ООО «Издательство АСТ», 2002.
13. Широкоград А. Б. Энциклопедия отечественной артиллерии / под общ. ред. А. Е. Тарса. Минск : Харвест, 2000.
14. Щербаков Ю. В. Опыт исторического анализа в решении политическим и военным руководством СССР проблемы мобилизационного планирования и дальнейшего повышения боевой готовности Красной армии (1921–1941) // Управленческое консультирование. 2014. № 11 (71). С. 158–167.
15. Щербаков Ю. В. Исторический опыт комплектования Рабоче-крестьянской Красной армии в 1920–1930-е годы (на примере Московского и Петроградского военных округов) : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2018.
16. Щербаков Ю. В. Изменение системы военного строительства в СССР в 1930-е годы: переход от смешанного к кадровому принципу комплектования Красной армии // Universum: Общественные науки, 2016. № 10 (28). С. 7–13.

Об авторе:

Щербаков Юрий Вадимович, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат исторических наук, scherbackowiury@yandex.ru

References

1. Dyatlov V.V. History of artillery in military conflicts with the participation of the Red Army (1929–1940): Doctoral Dissertation. Irkutsk, 2014. 472 p. (In rus)
2. Golovko L. I., Postnikov A. G. The formation and development of the artillery of the Red Army in the 1920s-1930s // Collection materials of the international conference «Actual issues of

- studying the history of the formation and development of the Red Army and the Red Army» [V sb. materialov mejdunarodnoi konferencii «Aktualnie voprosi izucheniya istorii formirovaniya i razvitiya RKKA i RKKF»]. P. 1. SPb. : MVAA, 2018. (In rus)
3. Elizarov N. M. Battalion artillery in the battle of infantry. M.-L., 1932. (In rus)
  4. Kapshitar V. G. Historical features of the formation of the military-industrial complex of the USSR in the 1920–1950's // Collection of materials of the interuniversity scientific-practical conference "Problems of integration of civil and military sectors of the economy in the interests of ensuring military security". SPb. : Kopi-R Group, 2014. P. 116–121. (In rus)
  5. Losik A. V., Cherentsova K. V. The activities of the Commission of Special Artillery Experiments on the development of mortar armaments (1918–1927) // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2016. N 12–3 (74). P. 89–93. (In rus)
  6. Lushin A. I., Chernukhin V. A., Shcherbakov Yu. V. Analysis of the historical experience of the activities of state and military government in solving problems of technical rearmament of the Red Army artillery in the 1930s // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 5 (101). P. 142–149. (In rus)
  7. Nabokov Yu. A. Design and production of armor-piercing ammunition for artillery of the USSR Armed Forces (20–60th years of the XX century) // Geopolitics and Security [Geopolitika i bezopasnost']. 2015. N 4 (32). P. 145–149. (In rus)
  8. Soldatova O. N., Bogdanova E. S. Creation of weapons for the Red Army: 1920–1945. V. 2. Samara, 2015. (In rus)
  9. Chernuhin V. A. The artillery control system of the Red Army in the interwar years (1921–1941): development problems and the search for optimal solutions // Collection materials of the international conference «Actual issues of studying the history of the formation and development of the Red Army and the Red Army» [V sb. materialov mejdunarodnoi konferencii «Aktualnie voprosi izucheniya istorii formirovaniya i razvitiya RKKA i RKKF». Part 1. St. Petersburg: MVAA, 2018. (In rus)
  10. Chernukhin V. A. From the history of the celebration of the 500th anniversary of Russian artillery // Clio. 2013. N 8 (80). P. 70–71. (In rus)
  11. Shalkovsky A. G. The formation of the Soviet design hull artillery armament and the training of highly skilled workforce in the late 20's — early 30's of the last century // War and Arms. New research and materials. Proceedings of the Seventh International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg: VIMAIViVS, May 18–20, 2016. P. 5. P. 359–374. (In rus)
  12. Shirokorad A. B. The Genius of Soviet Artillery: The Triumph and the Tragedy of V. Grabin. M. : AST, 2002. (In rus)
  13. Shirokorad A. B. Encyclopedia of Soviet artillery / Under the general. Ed. A E Tars. Minsk : Harvest, 2000. (In rus)
  14. Shcherbakov Yu. V. The experience of historical analysis in the decision by the political and military leadership of the USSR of the problem of mobilization planning and further increasing the combat readiness of the Red Army (1921–1941) // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 11 (71). P. 158–167. (In rus)
  15. Shcherbakov Yu. V. Historical experience of the staffing of the Workers 'and Peasants' Red Army in the 1920–1930s (on the example of the Moscow and Petrograd military districts): dissertation. Cheboksary, 2018. (In rus)
  16. Scherbakov Yu. V. Change of the system of military construction in the USSR in the 1930s: transition from the mixed to the staffing principle of manning the Red Army // Universum: Social Sciences. 2016. N 10 (28). P. 7–13. (In rus)

About the author:

Yuri V. Shcherbakov, Associate Professor of the Chair of Economics of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in History; scherbakowiury@yandex.ru

Предпосылки формирования стратегии развития рынка продуктов питания в рамках программ импортозамещения и ресурсосбережения (на примере Санкт-Петербурга)

Воронков С. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vrnkvsrg@gmail.com

РЕФЕРАТ

В работе обозначена необходимость формирования стратегии развития отрасли продуктов питания, которая должна быть создана с учетом программ импортозамещения и ресурсосбережения.

Цель. Показать необходимость формирования стратегии развития отрасли продуктов питания, в рамках программ импортозамещения и ресурсосбережения.

Задачи. Проанализировать факторы, определяющие необходимость формирования стратегии развития отрасли продуктов питания в рамках программ импортозамещения и ресурсосбережения.

Методология. Методологическую базу работы составили общенаучные методы, законодательные акты Российской Федерации, разработанные федеральные и целевые программы РФ.

Результаты. Определены факторы, обосновывающие необходимость формирования стратегии рынка продуктов питания. Рассмотрены текущие федеральные и целевые программы, реализуемые последние годы в России. Разработаны предложения по формированию стратегии развития рынка продуктов питания. В частности, она должна быть разработана в рамках программы ресурсосбережения, с обязательным проведением OTSW-анализа.

Ключевые слова: стратегия, продуктовый рынок, ресурсосбережение, импортозамещение

Prerequisites of Formation of Strategy of the Food Market Development within Import Substitution and Resource-saving Programs (on the Example of St. Petersburg)

Voronkov S. S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; vrnkvsrg@gmail.com

ABSTRACT

This study describes the necessity of strategy's creation of the food market within the programs of import substitution and resource-saving program.

Aim. Show the need to create a strategy for the food market within the programs of import-substituting and resource-saving programs.

Tasks. Analyze the factors that determine the need to formulate a strategy for the development of the food industry within the framework of import substitution and resource-saving programs

Methods. The methodological framework used includes general scientific methods, legislative acts by the Russian Federation, developed federal and targeted programs of the Russian Federation.

Results. The factors the need to formulate food market strategy have been identified. Considered the current federal and targeted programs implemented in recent years in Russia. The proposals on the formation of the strategy for the development of the food market have been developed. In particular, it should be developed within the framework of a resource-saving program, with mandatory OTSW analysis.

Keywords: strategy, food market, import substitution program, resource-saving programs

В последнее время тема импортозамещения активно обсуждается в российской научной среде. Вокруг импортозамещения строится часть экономики страны, она находится под пристальным вниманием ученых и политиков. Сама идея импортозамещения в теории экономики не нова, она берет свое начало в политике меркантилизма. Понятие впервые появилось в трудах экономиста Рауша Пребиша. На основе этих трудов была принята политика, благодаря которой был совершен переход от экспорта сырья к производству готовой продукции в латиноамериканских странах [2, с. 10].

В дальнейшем было разработано несколько методологий и теорий импортозамещения. Общими среди них является идея о том, что импортозамещение — это замена импорта товарами, которые производятся внутри данной страны, что в конечном итоге создает благоприятную среду для роста экономики страны [10, с. 13].

Импортозамещение представляет собой особый тип экономической стратегии и промышленной политики государства, направленный на защиту внутреннего производителя и обеспечение населения страны всеми необходимыми товарами народного потребления, продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем путем замещения импортируемых товаров товарами национального производства [11, с. 28].

Стратегия импортозамещения может быть выражена в двух формах: краткосрочная и долгосрочная. В краткосрочной она реализуется за счет оптимизации импорта и экспорта отечественных товаров, через совершенствование географической и товарной структуры. Долгосрочная стратегия предполагает замещение на основе технологической модернизации импорта отечественными товарами, произведенными отечественными производителями внутри страны.

Наличие сформированной долгосрочной стратегии позволяет обеспечить устойчивое и эффективное развитие, нацеленное на достижение результата в долгосрочной перспективе. Для этого необходимо последовательная и полная реализация разработанной стратегии [5, с. 5]. Важным аспектом в формировании стратегии является сам стратег, его компетенции и навыки, о которых в своей работе пишет Эдмунд Фелпс [14].

Разработанная и внедренная политика импортозамещения дает потенциал для привлечения новых инвестиций, в первую очередь, в производство, что в свою очередь влечет развитие отрасли и развитие экономики государства, а также снижает риски кризиса и стагнации рынка из-за внешнеполитических факторов и осложнения политических отношений с другими странами, что было отмечено в исследованиях [13]¹.

Почему важен именно стратегический подход к импортозамещению на рынке продуктов питания? Ответ на этот вопрос заключается в соединении двух факторов.

Первый — статистический. Это данные по нескольким показателям. Один из них, это то, что рынок оптовой и розничной торговли (в том числе продуктов питания) в России, в общем, и Санкт-Петербурге в частности на конец 2015 г. имел максимальную долю из всех видов деятельности 23,9%. При этом, среднее значение по России по данному показателю — 18,1%, а в СЗФО — 16,5%².

На рис. 1 представлена динамика по данному показателю с 2011 по 2015 гг. по Санкт-Петербургу, СЗФО и Российской Федерации. Необходимо отметить, что, начиная с 2011 г., доля раздела G в структуре ВРП в Санкт-Петербурге выше среднего

¹ См. также: Connolly R., Hanson P. Import Substitution and Economic Sovereignty in Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2016-06-09-import-substitution-russia-connolly-hanson.pdf> (дата обращения: 09.05.2018).

² Оборот розничной торговли по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/ (дата обращения: 26.12.2017).

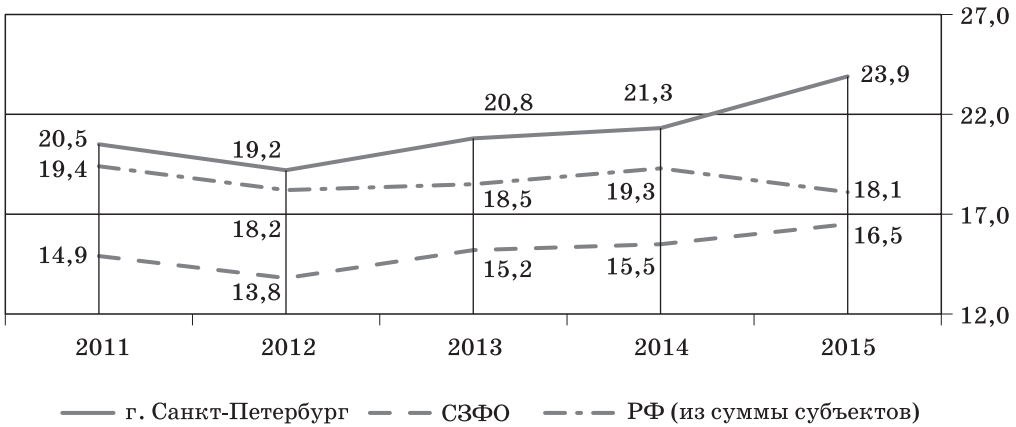

Рис. 1. Динамика доли раздела G в структуре ВРП по Санкт-Петербургу, СЗФО, РФ (в текущих ценах; в процентах к итогу)

Fig. 1. Dynamics of the share of the section G in the structure of the GPR in St. Petersburg, NWFD, RF (in current prices, in % of the total)

Источники: Данные Росстат. Структура ВРП по отраслям экономики (в текущих ценах; в процентах к итогу): http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm.

значения данного показателя по СЗФО и Российской Федерации¹. Это свидетельствует о большом рынке, с точки зрения его емкости, финансового оборота, а также потенциала его роста. ВРП Санкт-Петербурга в 2015 г. составил 3 023 972,3 млн руб. (темп прироста к прошлому году 113,6%), что составило 44,5% от ВРП всего СЗФО.

При этом в последние годы фиксируется прирост по данному показателю в Санкт-Петербурге и в СЗФО, а в 2015 г. темп прироста в Санкт-Петербурге был выше, чем в среднем по России и в СЗФО. В табл. 1 представлены данные по темпу прироста по доли отраслевой структуры в г. Санкт-Петербург, СЗФО и России.

На рис. 2 и 3 представлены структура ВРП по видам экономической деятельности в г. Санкт-Петербург и России в 2011–2015 гг.

Стоит отметить, что рынок оптовой и розничной торговли в Санкт-Петербурге увеличивает свою долю из года в год в период с 2012 по 2015 гг., получив в итоге максимальную долю среди всех видов деятельности, опережая рынок обрабатывающих производств и рынок операций с недвижимым имуществом.

Тенденция, которая есть по доле рынка оптовой и розничной торговли в г. Санкт-Петербурге (максимальная доля среди всех видов экономической деятельности), сохраняется и в показателях по России.

Оценивая рынок России, исследователи отмечают высокую степень межрегиональной дифференциации, в том числе по показателям развития рынка торговли. Исследователь данного вопроса Дж. Уильямсон в своих работах отмечал, что такие диспропорции уходят со временем при проведении правильной политики и происходит сближение уровня развития [17]. При этом процесс, в котором сохраняется большая дифференциация регионов не должен продолжаться длительное время и сам уровень этого различия не должен увеличиваться, так как его увеличение приводит к замедлению экономического роста [12].

¹ Отраслевая структура валовой добавленной стоимости субъектов Российской Федерации в 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/ (дата обращения: 26.12.2017).

Темп прироста по доле рынка оптовой и розничной торговли, ремонту техники и предметов личного пользования (Раздел G) в структуре ВРП по видам экономической деятельности

Table 1. Growth rate by market share of wholesale and retail trade, repair and engineering and personal items (section G) in the GRP structure by economic activity

Годы	г. Санкт-Петербург	СЗФО	РФ (сумма субъектов)
2012	93,7%	93,8%	92,6%
2013	108,3%	101,6%	110,1%
2014	102,4%	104,3%	102,0%
2015	112,2%	93,8%	106,5%

Источник: Данные Росстат. Структура ВРП по отраслям экономики (в текущих ценах; в процентах к итогу). http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm.

Рассчитано автором.

Рис. 2. Структура ВРП по видам экономической деятельности в г. Санкт-Петербург (в текущих ценах; в процентах к итогу)

Fig. 2. GRP structure by types of economic activity in St. Petersburg (in current prices, in % of the total)

Источник: Данные Росстат. Структура ВРП по отраслям экономики (в текущих ценах; в процентах к итогу). http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm.

Оборот розничной торговли в Санкт-Петербурге по итогам 2016 г. составил 1 234 321 млн руб. (четвертый регион в России, 45% от показателя СЗФО) [8].

На рис. 4 представлены показатели оборота розничной торговли по субъектам РФ, а в табл. 2 представлены темы прироста по данным показателям.

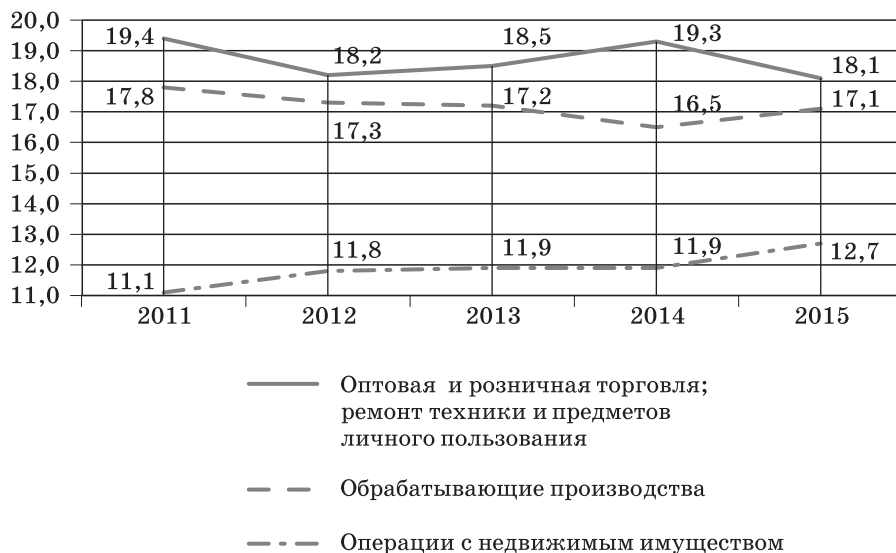

Рис. 3. Структура ВРП по видам экономической деятельности в России (в текущих ценах; в процентах к итогу)
 Fig. 3. GRP structure by types of economic activity in Russia (in current prices, in % of the total)

Источник: Данные Росстат. Структура ВРП по отраслям экономики (в текущих ценах; в процентах к итогу). http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm.

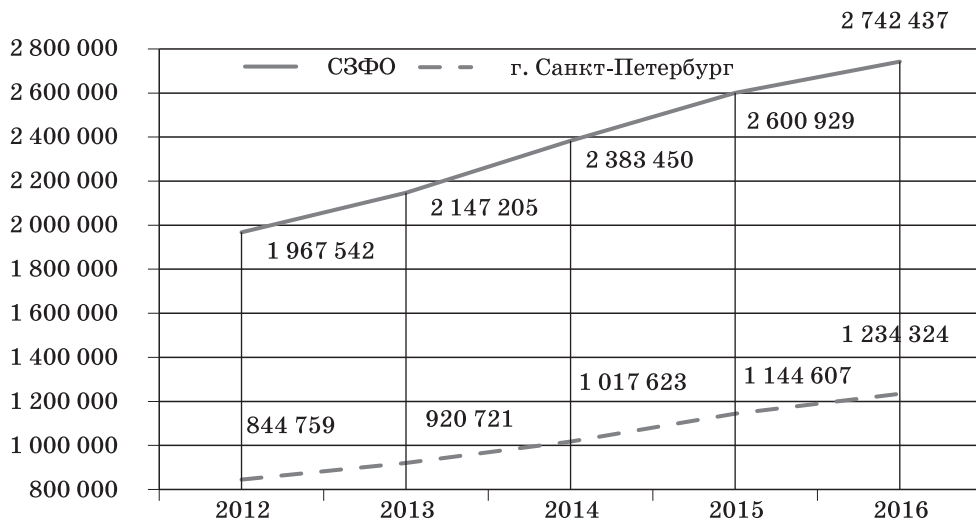

Рис. 4. Оборот розничной торговли по субъектам, млн руб.
 Fig. 4. Retail trade turnover by entities, mln, rub.

Источник: Данные Росстат. Оборот розничной торговли по субъектам Российской Федерации http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/.

Темп прироста оборота розничной торговли по субъектам, в %
 Table 2. The growth rate of retail trade turnover by entities, in %

	2013	2014	2015	2016
Северо-Западный федеральный округ	109,1%	111,0%	109,1%	105,4%
г. Санкт-Петербург	109,0%	110,5%	112,5%	107,8%

Источник: Данные Росстат. Оборот розничной торговли по субъектам Российской Федерации. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/.

Рассчитано автором.

Данные свидетельствуют о постоянном росте рынка розничной торговли от года к году, при этом стоит отметить, что в 2015 и 2016 гг. темп прироста в Санкт-Петербурге выше, чем темп прироста в СЗФО.

Доля розничных торговых сетей в формировании оборота розничной торговли на рынке Санкт-Петербурга по итогам 2016 г. составила 57,7% (максимальный показатель среди всех регионов). При среднем значении по России в 27,2% и СЗФО 46,1%¹. Распределение оборота розничной торговли по форматам см. рис. 5, табл. 3.

По этим данным также можно сделать вывод о значительности рынка продуктов питания в Санкт-Петербурге, который из года в год имеет меньшую долю рынков, при этом доля рынков в Санкт-Петербурге меньше, чем аналогичный показатель в СЗФО и намного меньше показателя по России.

Заключительным пунктом в первом факторе является показатель макроструктуры оборота розничной торговли, который представлен в табл. 4.

Важно отметить, что наличие сельскохозяйственных ресурсов является важным конкурентным преимуществом. По разнообразию и величине природно-ресурсного потенциала Россия опережает многие страны. Однако исчерпание запасов природных ресурсов является угрозой, требующей немедленного реагирования [1, с. 50]. При этом в Санкт-Петербурге почти идеальное (55:45%) соотношение промышленных и сельскохозяйственных ресурсов [8, с. 50].

Таким образом, рынок продовольственных товаров в Санкт-Петербурге — это растущий по своим показателям из года в год рынок, который имеет дальнейший потенциал к своему росту. Данный рынок представлен в виде торгующих организаций. Показатели емкости рынка в Санкт-Петербурге выше аналогичных средних показателей по СЗФО и РФ.

Второй фактор — политический, который берет свое начало в 2014 г. Конечной формой его стал запрет на ввоз в страну продукции продуктов питания из ряда стран. Из года в год этот список пополнялся новыми странами. С того момента времени общая мировая конъюнктура не способствует улучшению ситуации, хотя ряд лидеров европейских стран заявляли о необходимости смены текущего курса и возвращению экономических и политических отношений на прежний уровень. Однако Правительством России был определен новый курс развития отрасли производства продукции продуктов питания. В рамках этого курса необходимо было перевести те сегменты рынка, товары которого попали под санкции, на новый формат самообеспеченности. Главная потребность, которая появилась в то время, — дефицит товара на рынке. Эту проблему необходимо было решать в кратчайшие сроки. Такое внешнее ограничение, к которому никто не был готов, оказало большое внимание на отечественный рынок продуктов питания.

¹ Доля розничных торговых сетей в формировании оборота розничной торговли субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/ (дата обращения: 26.12.2017).

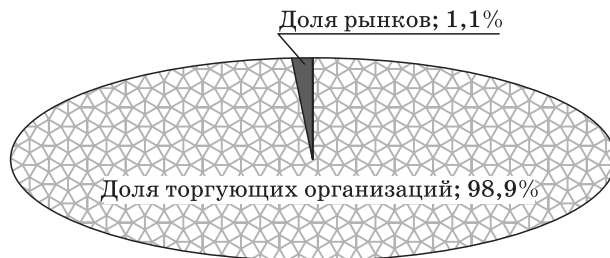

Рис. 5. Распределение оборота розничной торговли по форматам в Санкт-Петербурге в 2016 г. (в процентах к итогу)

Fig. 5. Distribution of retail trade turnover by formats in St. Petersburg in 2016 (in % of the total)

Источник: Данные Росстат. Оборот розничной торговли. Распределение оборота розничной торговли по формам торговли. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/.

Таблица 3

Распределение оборота розничной торговли по форматам торговли в Санкт-Петербурге, СЗФО и РФ

Table 3. Distribution of retail trade turnover by trade formats in St. Petersburg, the NWFD and RF

		2012	2013	2014	2015	2016
РФ	Доля торговых организаций	89,4	90,6	91,3	92,1	92,9
	Доля рынков	10,6	9,4	8,7	7,9	7,1
СЗФО	Доля торговых организаций	96,9	97,4	97,8	98,1	98,4
	Доля рынков	3,1	2,6	2,2	1,9	1,6
Санкт-Петербург	Доля торговых организаций	98,3	98,3	98,6	98,8	98,9
	Доля рынков	1,7	1,7	1,4	1,2	1,1

Источник: Данные Росстат. Оборот розничной торговли. Распределение оборота розничной торговли по формам торговли. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/.

Таблица 4

Макроструктура оборота розничной торговли в Санкт-Петербурге, СЗФО и РФ

Table 4. Macro structure of retail trade turnover in St. Petersburg, NWFD, RF

		2012	2013	2014	2015	2016
РФ	Доля продовольственных товаров	46,6	47,0	47,0	48,7	48,6
	Доля непродовольственных товаров	53,4	53,0	53,0	51,3	51,4
СЗФО	Доля продовольственных товаров	43,7	43,3	43,6	45,9	45,7
	Доля непродовольственных товаров	56,3	56,7	56,4	54,1	54,3
Санкт-Петербург	Доля продовольственных товаров	35,1	34,1	33,6	35,8	36,4
	Доля непродовольственных товаров	55,5	55,2	55,4	53,4	53,8

Источник: Данные Росстат. Макроструктура оборота розничной торговли по субъектам Российской Федерации. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/.

Сочетание таких двух факторов, как большой рынок с точки зрения финансовых показателей и финансового потенциала и частичное ограничение взаимодействия этого рынка с внешней средой, сигнализирует о необходимости создания комплексной стратегии по развитию рынка продуктов питания.

На текущий момент сформирована доктрина продовольственной безопасности, где описана ее стратегическая цель, дано понятие продовольственной безопасности, определены показатели продовольственной безопасности, определены источники пищевых продуктов.

Помимо доктрины созданы и реализуются государственные программы:

- 1) развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции на период 2013–2020 гг.;
- 2) развития рыбохозяйственного комплекса;
- 3) план мероприятий по содействию импортозамещения в сельском хозяйстве.

В рамках дальнейших действий по формированию стратегической программы развития на рынке продуктов питания в рамках программы импортозамещения, необходимо проведение анализа текущей деятельности данной политики с момента начала ее реализации, сравнение прогнозных показателей с полученными результатами. Следует учесть те проблемы и сложности, которые возникли на первом этапе реализации доктрины.

В постановлении Правительства «О государственной программе развития сельского хозяйства и регулировании рынков сельскохозяйственной продукции» указаны сведения о показателях (индикаторах) данной программы, подпрограмм и федеральных целевых программ. В данном документе прописаны все прогнозные показатели, которые закладывались на этапе формирования программы. Эти показатели включают как индексы производства, так и показатели площади засева, урожая продукции, укомплектованность должностей, количество введенного жилья. Второй блок сведений — показатели по каждому субъекту Российской Федерации. Третий блок сведений — перечень ведомственных целевых программ и основных мероприятий, с прописанным результатом (в некоторых случаях, с конкретными цифровыми показателями), который ожидается от программы, а также срок, в который она должна быть реализована. Следующие два блока — ресурсное и правовое обеспечение реализации государственной программы.

Важным шагом является анализ показателей, прописанных в документе, которые были заложены, и результатов, достигнутых в период с 2013 по 2017 г.

Одной из возможностей, которая может быть реализована на практике, является включение данных показателей, либо объединение всех показателей в единый коэффициент, который будет учитываться при оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В частности, в рамках данной программы разработана методика расчета индивидуальных показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ.

После того как будут проанализированы все имеющиеся результаты и достижения, определены те проблемы, которые не удалось решить и которые могли возникнуть в момент реализации программ, необходимо переходить к следующему шагу.

Им будет создание и принятие официальной стратегии развития отрасли продуктов питания на национальном и региональном уровнях. С учетом того, что даже при отмене текущих санкций политика импортозамещения останется приоритетной и не стоит ожидать большого потока импортной продукции на отечественный рынок, о чем, в частности, говорил Александр Ткачев 26 мая 2016 г.¹

¹ Даже если санкции отменяют, сельхозпродукция Европы нам не нужна // Правда.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/news/economics/26-05-2016/1301956-sanctions-0/> (дата обращения: 06.01.2018).

При составлении стратегии необходимо принять во внимание аспект ресурсосбережения. Он способствует росту эффективности экономики через совокупность принятых мер по бережливому и эффективному использованию факторов производства, что было отмечено в исследовании¹. В данном случае этот фактор обеспечит эффективность разработанной стратегии, которая будет реализовываться.

Согласно Национальному стандарту, показатели ресурсосбережения подразделяются на четыре группы: ресурсосодержание, ресурсоемкость, ресурсоэкономичность и утилизируемость. Данные показатели устанавливаются на первоначальном этапе создания продукции. В данном случае такие показатели должны быть заложены в стратегию, на этапе ее формирования².

Вектор развития рынка продуктов питания — ресурсосбережение, сокращение потерь и повышение энергоэффективности производства.

Формирование экономического механизма ресурсосбережения должно осуществляться с соблюдением определенной последовательности: определение основных принципов экономического механизма ресурсосбережения; определение целей и задач экономического механизма ресурсосбережения; оценка состояния ресурсосбережения: анализ состояния и использования ресурсов — выявление потерь, выявление стадий производства, на которых осуществляется чрезмерное расходование ресурсов, выявление причин чрезмерного расходования ресурсов, определение потенциала ресурсосбережения, поиск резервов; определение факторов, влияющих на состояние ресурсосбережения; определение источников финансирования; определение основных направлений ресурсосбережения; построение системы управления ресурсосбережением³. Кроме того, обеспечение доступности ресурсов, необходимых для ведения предпринимательской деятельности, является важной задачей, отраженной, например, в Программе развития конкуренции в Санкт-Петербурге [6, с. 47].

Влияние на эффективность ресурсосбережения оказывают два вида факторов: прямого и косвенного воздействия. Первые связаны со спецификой деятельности предприятий, с точками соприкосновения с контрагентами. Вторые — с действием системы государственного управления в сфере экономики, политики, социальной сферы [3, с. 61].

Одной из первых задач, при использовании факторов ресурсосбережения, является определение основных принципов, целей и задач. Основным принцип, который должен быть положен в формирование стратегии, это рациональность использования имеющихся ресурсов. Так, в тексте Доктрины продовольственной безопасности, которая была принята в России в 2010 г., в целях написано, что необходимо обеспечение населения страны продуктами питания, развитие комплексов, оперативное реагирование на угрозы, участие в международном сотрудничестве⁴.

Соответственно, в рамках данной цели, необходимо определение границ тех ресурсов, в том числе финансовых, которые могут быть задействованы для достижения цели. Это будет являться одной из целей. При определении принципов ресурсосбережения необходимо опираться на следующие: принцип достаточной

¹ Food security and sustainable resource use — what are the resource challenges to food security? [Электронный ресурс]. URL: <https://pim.cgiar.org/files/2013/01/FoodSecurityandSustainableResourceUse2.pdf> (дата обращения: 06.01.2018).

² Ресурсосбережение. Классификация и определение показателей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gostrf.com/normadata/1/4294815/4294815614.pdf> (дата обращения: 05.01.2018). С. 5.

³ Мартынова Е. А. Ресурсосбережение — основа повышения экономической эффективности сельскохозяйственного производства [Электронный ресурс]. URL: <http://min.usasa.ru/uploads/article/attachment/445/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf> (дата обращения: 05.01.2018). С. 2.

⁴ Доктрина продовольственной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/6752> (дата обращения: 14.01.2018).

информации, принцип первоочередности, принцип доступности минимальных затрат, принцип неухудшения условий труда (недопущение факторов, не позволяющих эффективно работать и взаимодействовать [1, с. 181]), принцип целесообразности.

Одним из следующих шагов является оценка состояния ресурсосбережения и анализ состояния используемых ресурсов. Данные мероприятия проводятся в рамках оценки достижения результатов первых годов программы импортозамещения. Необходимо произвести оценку степени использования тех ресурсов, которые были заложены в рамках программ, которые были разработаны на первом этапе, выявить факторы, которые мешают дальнейшему развитию, факторы, которые стимулируют развитие. Например, известно, что эффективному развитию предприятий продовольственной сферы и розничной торговли продовольственными товарами, по мнению руководителей организаций малого и среднего бизнеса, мешают административные барьеры [6, с. 47].

Анализ всех достигнутых результатов за последние годы послужит отправной точкой в формировании стратегии развития. Далее необходимо проанализировать факторы прямого и косвенного воздействия, необходимо проведение OTSW-анализа, модифицированного классического SWOT-анализа [1, с. 76].

Ключевым этапом данной фазы является сканирование внешней и внутренней среды и создание их объективной, стратегически ориентированной характеристики. Базовые экономические факторы и их количественные и качественные параметры являются основными показателями, которые должны быть оценены в ходе этого процесса. Необходимо оценить степень влияния угроз и позитивных возможностей на стратегию [1, с. 77]. Открытие новых возможностей должно быть приоритетом в процессе сканирования внешней среды. OTSW-анализ обеспечивает временные преимущества для распознавания возможностей и определения угроз и позволяет оказываться впереди.

Необходим анализ зрелых и широко признанных закономерностей и трендов, которые имеют отношение к рынку продуктов питания. Важным является мониторинг динамики их влияния. При составлении стратегии необходимо увидеть еще не проявившиеся закономерности и тренды. Важно понимание и анализ взаимосвязей между различными трендами и закономерностями.

На основе проведенного анализа возможно составление прогнозных показателей, которые должны быть достигнуты и на которые необходимо ориентироваться во времени.

При формировании стратегии должны быть учтены все инновационные преимущества, а также оптимизированы все существующие ограниченные ресурсы [4, с. 8]. В качестве источников конкурентных преимуществ может выступать инновационный потенциал [7, с. 316].

Заключение

Таким образом, одним из вариантов дальнейшего развития отрасли продуктов питания является принятие официальной стратегии развития рынка продуктов питания. Данная стратегия должна быть принята на национальном уровне, а также на уровне субъектов Федерации. Нормативной базой такой стратегии будет выступать ФЗ № 172 «О стратегическом планировании». Примером принятой и реализуемой стратегии может выступать принятая стратегия развития Санкт-Петербурга до 2030 г. Базой для будущей стратегии может выступать принятая в 2010 г. Доктрина продовольственной безопасности. В ее тексте прописана цель, стратегическая цель, дано определение продовольственной безопасности, определены показатели продовольственной безопасности, указаны источники пищевых продуктов.

Важный вопрос в данном процессе — кадры, которые будут заниматься разработкой стратегии. На текущий момент есть проблема нехватки специалистов, которые правильно понимают терминологию, принципы, последовательность и правила формирования стратегий, сформулированные в трудах ведущих ученых [9; 15; 16].

Конечным итогом станет формализованная стратегия, сочетающая предшествующий ей новый прогноз, миссию, видение, приоритеты, долгосрочные цели и задачи с детальным сценарием, требующим осуществления через реализацию стратегического плана и использованием системы стратегического мониторинга его законопослушной реализации [5, с. 14].

Литература

1. Алесковский В. В., Козырев А. А., Слуцкая Ю. Г. Основы управления проектами : учеб. пособие для студентов высшего профессионального образования, обучающихся по специальности 080507 «Менеджмент организации» / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Западная академия государственной службы». СПб., 2011. Том «Управление командой проекта».
2. Безпалов В. В. Импортзамещение: анализ подходов к определению понятия // Региональная экономика. 2016. № 11 (93). С. 9–18.
3. Исмагилов Р. Х. Факторы ресурсосбережения в современных условиях // Вопросы инновационной экономики. 2012. № 4 (14). С. 60–66.
4. Квинт В. Л. Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды // Управленческое консультирование. 2015. № 7. С. 6–11.
5. Квинт В. Л. Стратегирование в современном мире. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2014.
6. Козырев А. А. Стандарт развития конкуренции как инструмент решения экономических и социальных проблем региона // Экономика и управление. 2015. № 11 (121). С. 44–49.
7. Козырев А. А. Реализация конкурентных преимуществ региона в стратегии инновационного развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6. С. 315–323.
8. Козырев А. А. Рекомендации нобелиата экономике России, или как нам реализовать конкурентные преимущества // Управленческое консультирование. 2016. № 1 (85). С. 47–63.
9. Козырев А. А. Стратегия на перспективу // Управленческое консультирование. 2016. № 1 (85). С. 94–95.
10. Сазонов С. П., Федотова Г. В., Сибатулина Л. М. Анализ государственных программ импортзамещения // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 9. С. 12–21.
11. Суханова И. Ф. Импортзамещение как фактор роста региональной экономики // Региональная экономика. 2014. № 5 (28). С. 26–36.
12. Bastagli F., Coady D., Gupta S. Income inequality and fiscal policy [Электронный ресурс]. International Monetary Fund discussion note / IMF, Fiscal affairs department. 2012. 36 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2012/sdn1208.pdf> (дата обращения: 04.12.2017); World development report 2006: Equity and development. Oxford, 2006.
13. Henry J. Bruton The import substitution strategy of economic development. A survey of findings. Williamstown, Massachusetts, 1969.
14. Phelps E. Mass Flourishing. How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change.
15. Kvint V. L. Strategy for the Global Market Theory and Practical Applications. Routledge. NY, 2016.
16. Kvint V. L. The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. Routledge. NY, 2009.
17. Williamson J. G. Regional Development and the Process of National Development: A Description of the Patterns // Economic Development and Cultural Change. 1965. Vol. 13. P. 1–84.

Об авторе:

Воронков Сергей Сергеевич, аспирант факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), vrvkvsrg@gmail.com

References

1. Aleskovsky V.V., Kozyrev A.A., Slutskaya Yu.G. Bases of project management: manual for students of higher education. NWAGS. St. Petersburg, 2011. Book: Management of project team. 287 p. (In rus)
2. Bezpалov V.V. Import substitution: analysis of approaches to definition of a concept // Regional economy [Regional'naya ekonomika]. 2016. N 11(93). P. 9–18. (In rus)
3. Ismagilov R.H. Resource-saving factors in modern conditions // Questions of innovative economy [Voprosy innovatsionnoi ekonomiki]. 2012. N 4 (14). P. 60–66. (In rus)
4. Kvint V.L. Development of strategy: scanning and forecasting of external and internal environments // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 7. P. 6–11 (In rus)
5. Kvint V.L. Sstrategizing in the modern world. SPb. : NWIM of RANEPА, 2014. 52 p. (In rus)
6. Kozyrev A.A. Standard of development of the competition as tool of the solution of economic and social problems of the region // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2015. N 11 (121). P. 44–49. (In rus)
7. Kozyrev A.A. Realization of competitive advantages of the region in the strategy of innovative development // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2015. N 6. P. 315–323. (In rus)
8. Kozyrev A.A. Recommendations of the Nobel Laureate on Economy to Russia or How Can We Realize Competitive Advantages // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 1 (85). P. 47–63. (In rus)
9. Kozyrev A.A. Strategy on prospect // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 1. (85). P. 94–95. (In rus)
10. Sazonov S.P., Fedotova G.V., Sibagatulina L.M. Analysis of state programs of import substitution // Financial analytics: problems and decisions [Finansovaya analitika: problemy i resheniya]. 2016. N 9. P. 12–21. (In rus)
11. Sukhanova I.F. Import substitution as factor of growth of regional economy // Regional economy [Regional'naya ekonomika]. 2014. N 5 (28). P. 26–36. (In rus)
12. Bastagli F., Coady D., Gupta S. Income inequality and fiscal policy [Electronic resource]. International Monetary Fund discussion note / IMF, Fiscal affairs department. 2012. 36 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2012/sdn1208.pdf> (дата обращения: 04.12.2017); World development report 2006: Equity and development. Oxford, 2006.
13. Henry J. Bruton The import substitution strategy of economic development. A survey of findings. Williamstown, Massachusetts, 1969.
14. Phelps E. Mass Flourishing. How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change.
15. Kvint V.L. Strategy for the Global Market Theory and Practical Applications. Routledge. NY, 2016.
16. Kvint V.L. The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. Routledge. NY, 2009.
17. Williamson J.G. Regional Development and the Process of National Development: A Description of the Patterns // Economic Development and Cultural Change. 1965. Vol. 13. P. 1–84.

About the author:

Sergey S. Voronkov, Graduate student of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), vrnkvsrg@gmail.com

Политические особенности современной модели российского государственного корпоративизма: власть и корпоративные структуры

Костин А. Э.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; aleksandr.e.kostin@gmail.com

РЕФЕРАТ

Автор поставил своей целью выявление существенных политических особенностей в государственных корпоративных структурах, отражающих сложившуюся модель государственного корпоративизма в политическом пространстве России. Автором рассматриваются такие факторы, как государственный характер корпоративных структур, элитарный характер корпоративных структур, решение политических задач и обеспечение власти, низкая эффективность деятельности, а также влияние данных факторов на трансформацию отношений в политическом пространстве между высшими должностными лицами и представителями корпоративных структур.

Ключевые слова: государственная корпорация, государственный корпоративизм, корпоративизм, корпоративные группы интересов, политическая элита, представительство интересов

Political Characteristics of the Modern Model of the Russian State Corporatism: Government and Corporate Structures

Kostin A. E.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; aleksandr.e.kostin@gmail.com

ABSTRACT

The author has set as his goal the identification of significant political features in state corporate structures reflecting the existing model of state corporatism in the political space of Russia. The author considers such factors as the state character of corporate structures, the elitist nature of corporate structures, the solution of political tasks and the provision of power, the low efficiency of activities, and the influence of these factors on the transformation of relations in the political space between senior officials and representatives of corporate structures.

Keywords: state corporation, state corporatism, corporatism, corporate interest groups, political elite, political establishment, representation of interests

В отношениях государства и корпоративных структур в современной России можно выделить три периода. Первый период (первая половина 90-х годов XX в.) характеризуется формированием корпоративных структур как самостоятельных субъектов после смены советского политического строя. Второй период (1995–1999 гг.) характеризуется выстраиванием неформальных отношений между государством и представителями новообразованных корпоративных структур [7, с. 122], которые стремились к обеспечению устойчивого положения политических элит. Третий период — 1999 г. — настоящее время. В рамках действующего периода отмечается тенденция перехода к государственным корпоративным структурам.

Понятие «государственная корпорация» было определено в 1999 г. В соответствии со ст. 7.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» государ-

ственная корпорация представляет собой некоммерческую организацию, созданную государством на основе имущественного вноса для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций¹. Несмотря на то, что законодательное закрепление данной формы произошло в 1999 г., ее реализация по существу имела место с 2007 г., когда был создан ряд важнейших государственных корпораций, такие как: «Олимпстрой» (ликвидирован в 2014 г.), «Росатом», «Ростехнологии» (позже «Ростех»), Внешэкономбанк (ВЭБ), Роснанотек (впоследствии реорганизован и переименован в Роснано), Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства.

Необходимо отметить ряд особенностей, отражающих современный российский корпоративизм, «государственность» которого выражается не только в форме организации — государственная корпорация, но в значительной степени в политической составляющей.

1) Государственный характер. Во-первых, государственный характер современных российских корпораций проявляется в том, что их деятельность урегулирована нормами права, причем не только закреплением самой формы, но и принципом каждая корпорация — отдельный федеральный закон. Понятие «государственной корпорации», сформулированное законодателем, отражает политическую составляющую корпораций в рамках теории корпоративизма, а именно характеристики: институционализированность групп, монопольное распоряжение определенными ресурсами и отстаивание специфических коллективных интересов [6, с. 126]. В связи с данным обстоятельством существенную роль играют бюрократические особенности. Похожим образом сложившуюся практику охарактеризовал Ю. Красин, сформулировавший концепцию государственно-бюрократического капитализма. Данная концепция отмечает процесс сращивания крупного капитала с государственной бюрократией, выраженной в форме государственных корпораций при доминирующей роли государства, при этом среди основных детерминант государственно-бюрократической модели Ю. Красин выделяет сложившийся политический режим, этатизм, как традиционную составляющую российской политической культуры, слабость политической оппозиции [3]. Как уже отмечалось выше, большинство российских госкорпораций создавалось в 2007 г. и данный этап еще не окончен. Следует отметить тенденцию к дальнейшей корпоративизации, которая как и ранее характеризуется артикуляцией и исходит со стороны властных элит. Так в 2012 г. министр МЧС С. Шойгу предложил В. Путину создать «Корпорацию развития Восточной Сибири и Дальнего Востока»². Таким образом, артикуляция идеи о создании корпораций исходит, прежде всего, от властных элит, но данное обстоятельство не исключает возможность общественной поддержки — после предложения С. Шойгу по созданию вышеупомянутой госкорпорации, ВЦИОМ проводил исследования об отношении россиян к инициативам в рамках предвыборной кампании 2012 г. Несмотря на то, что о данной идее слышало лишь 35% респондентов, при этом две трети (66%) опрошенных россиян позитивно оценили предложение³. Таким образом, данные исследования отражают легитимный характер корпоративного строительства в России, что, на наш взгляд, связано с доверием политической элите. В. Скоробогатский, рассматривая процесс институционализации государства-корпорации, отмечает сформировавшуюся у высшей власти практику «ручного управления» [12]. Данное понятие в рамках

¹ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3, ст. 145.

² Воронов Ю. РАО «Восток»: экстренный вариант // Эксперт Online [Электронный ресурс]. URL: http://expert.ru/siberia/2012/06/rao-vostok_ekstrennyj-variant/ (дата обращения: 05.04.2018).

³ Предвыборные идеи Владимира Путина: оценки россиян. Опрос ВЦИОМ // Официальный сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1382> (дата обращения: 05.04.2018).

политической науки точным образом не сформулировано и используется по аналогии с техническим, т. е. рассматривается как противоположное автоматизированному. Государство как актор, применяя «ручное управление», принимает активное и непосредственное участие в корпоративном строительстве, а госкорпорации, являясь монопольными представителями в своей сфере и объектом государственной политики, вынуждены тесно взаимодействовать с органами государственной власти и высшими должностными лицами. В результате ярко выраженного государственного характера, как справедливо отмечает Ю. Красин, «...верх берут корпоративистские и авторитарные тенденции» [4]. Если говорить в целом о необходимости государственного корпоративного сектора, то данная тема является предметом политических дискуссий. В частности, данный вопрос был артикулирован в программах кандидатов в Президенты РФ на выборах 2018 г., в которых отражены различные точки зрения — от национализации важнейших отраслей экономики (Бабурин¹, Грудинин², Жириновский³, Сурайкин⁴), до приватизации государственных корпораций с изменением контролирующей функции государства на регулятивную (Собчак⁵, Явлинский⁶).

2) Элитарный характер. В контексте рассматриваемого пункта наиболее точным понятием политической элиты, на наш взгляд, является сформулированное О. Крыштановской: «Элита — это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса. Элита стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня» [5, с. 73]. Особенность контроля стратегических ресурсов проявляется посредством кадровых решений, прежде всего назначениями на руководящие посты госкорпораций представителей федеральной политической элиты в обмен на политическую лояльность, что позволяет государству оказать влияние на широкий спектр сфер деятельности. М. Иванова, рассматривая элиты, отмечает, что к моменту прихода к власти В. Путина «корпоративизм приобрел характер клиентизма, при котором государство становится заложником олигархических сил и клиентальных связей» [2]. На наш взгляд, данное утверждение является неточным, поскольку клиентские отношения сохранились и после первого президентского срока В. Путина, претерпев трансформацию. Если ранее клиентелизм выражался в отношениях олигархическая группа — высшие должностные лица, то в последующем власть сформировала политическую элиту, составляющую «кадровый костяк» новообразованных госкорпораций. При этом важнейшим свойством данной трансформации является относительная устойчивость и закрытость элиты — в российских

¹ Программа Русский выбор С. Бабурина // Сайт кандидата в Президенты РФ С. Бабурина [Электронный ресурс]. URL: <http://baburin2018.ru/программа> (дата обращения: 05.04.2018).

² 20 шагов Павла Грудина. Кандидат в Президенты России обращается к каждому // Сайт Коммунистической партии Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/activity/elections/171941.html> (дата обращения: 05.04.2018).

³ Мощный рывок вперед — 2018. Программа кандидата в Президенты РФ В. Жириновского // Сайт Либерально-демократической партии России [Электронный ресурс]. URL: https://ldpr.ru/leader/Powerful_leap_forward_2018/ (дата обращения: 05.04.2018).

⁴ Программа товарища Максима Сурайкина // Сайт партии «Коммунисты России». [Электронный ресурс]. URL: <http://komros.info/программа-tovarischa-maksima-suraykina/> (дата обращения: 08.04.2018).

⁵ Платформа Ксении Собчак. 123 трудных шага // Сайт кандидата в Президенты РФ К. Собчак [Электронный ресурс]. URL: <https://sobchakprotivseh.ru/steps123> (дата обращения: 08.04.2018).

⁶ Президентская программа кандидата в Президенты Российской Федерации на выборах 2018 г. Григория Явлинского // Сайт кандидата в Президенты РФ Г. Явлинского [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yavlinsky.ru/tochka-zreniya/prezidentskaya-platforma/> (дата обращения: 08.04.2018).

госкорпорациях достаточно редко сменяются высшие руководители (как правило, генеральные директора), а такие структуры, как АО «Роснано», «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» и ГК «Ростех» возглавляются теми же лицами с момента создания структур: А. Чубайс, К. Цидин и С. Чемезов. Таким образом, генеральных директоров госкорпораций можно отнести к политическим фигурам, обретающим дополнительный политический вес и возможностью оказывать влияние на государственную политику [9, с. 87]. Важно отметить, что в основу принятия решений о руководстве госкорпорациями положен принцип лояльности к власти, а не профессионализма в определенной сфере. Обращаясь также к программам кандидатов на выборах Президента РФ 2018 г., можно отметить, что практически все кандидаты в Президенты РФ единодушны в том, что критерием для ключевых постов в государственных структурах должен быть профессионализм, а не принадлежность к политическим кланам.

Важной особенностью элитарного характера государственного корпоративизма является формирование кадрового потенциала, что позволяет создавать обновление политической элиты. Если ранее основным механизмом подбора кадров были резервы как, например, «Кадровый резерв — профессиональная команда страны» [11, с. 15], основывающийся на партийной принадлежности, то в 2017 г. знаковым событием стало проведение конкурса «Лидеры России». Данный конкурс можно охарактеризовать как политический по ряду причин. Во-первых, идея конкурса и вклад в его проведение принадлежит С. Кириенко — первому заместителю Руководителя Администрации Президента Российской Федерации, долгое время возглавлявшему ГК Росатом, т. е. сам интерес исходит от властной элиты. Во-вторых, экспертами по оценке компетенций при отборе кандидатов являлись представители крупного бизнеса, наставники победителей данного конкурса были сформированы среди представителей действующей политической элиты — министров, генеральных директоров и председателей наблюдательных советов госкорпораций, губернаторов и других лиц¹. Конкурс повлиял не только на кадровые решения в органах государственной власти, но и на ряд назначений в государственных и частных корпорациях. Проведение данного конкурса, на наш взгляд, указывает на создание института, направленного на генерацию новых элит, а также обеспечение «социального капитала» как политического ресурса корпорации. Как отмечает С. Перегудов, «„социальный капитал“ так или иначе воздействует на политическое поведение и позиции тех, кто непосредственно формулирует и провозглашает требования корпорации к властям» [8, с. 221].

Формирование корпоративных структур с привлечением властных элит происходит не только на федеральном, но и на региональном уровне. В субъектах РФ создаются корпорации, схожие по форме с госкорпорациями на федеральном уровне, но, как правило, цели региональных корпораций шире — инфраструктурное и инвестиционное развитие региона. Например, Правительством Камчатского края было создано АО «Корпорация развития Камчатки». Несмотря на то, что в структуре Правительства Камчатского края есть Министерство строительства, Министерство территориального развития и Министерство финансов², представители данных структур не входят в данную корпорацию, возглавляемую Заместителем Председателя Правительства Камчатского края³. Создание подобных региональных корпоративных структур, на наш взгляд, скорее способствует укреплению положения региональных

¹ Наставники конкурса // Официальный сайт всероссийского конкурса «Лидеры России» [Электронный ресурс]. URL: <https://лидерыроссии.рф/mentors> (дата обращения: 05.04.2018).

² Состав Правительства Камчатского края // Официальный сайт Правительства Камчатского края [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kamgov.ru/government> (дата обращения: 05.04.2018).

³ Совет директоров Акционерного общества «Корпорация развития Камчатского края» // Официальный сайт Правительства Камчатского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krkk.pro/soviet.html> (дата обращения: 05.04.2018).

элит и неформальному взаимодействию с представителями бизнеса, чем развитию региона, поскольку их деятельность в значительной степени дублирует функции исполнительной власти региона.

3) Решение политических задач и обеспечение власти. Помимо декларируемых целей создания госкорпораций, существует и иная, не менее важная — контроль над стратегическими активами «в руках» государства. Серия приватизационных процессов в 90-е годы XX в. привела к возможности преобразования экономического капитала в политической и продвижению интересов новых собственников. Создание института госкорпораций как ресурса достижения политических целей обусловлено необходимостью согласованности действий, основанных на лояльности, как было рассмотрено ранее, а также созданием условий, обеспечивающих невозможность определяющей роли корпоративных структур в государственной политике. На Заседании Госсовета по вопросу развития конкуренции 5 апреля 2018 г. Министр экономического развития РФ М. Орешкин обозначил проблему искажения конкуренции по причине «общей доли государства в экономике, в том числе за счет крупных компаний, которые расширяют сферы своей деятельности... Очевидно, что без значительного снижения доли государства этого уровня (прим. — доли малого и среднего бизнеса ВВП до 40%) достичь будет просто невозможно»¹. На наш взгляд, снижение доли государства в текущих условиях нестабильности маловероятно. Однако, несмотря на то, что в настоящее время корпоративные структуры формируются государством, госкорпорации выступают политическими акторами, деятельность которых направлена на завоевание, удержание или осуществление власти для реализации интересов [10, с. 136]. Данное свойство в большей степени проявляется в госкорпорациях — «квазимилинерствах», т. е. выполняющих роль отраслевых министерств [1]. Например, ГК «Росатом» занимается строительством и обслуживанием атомных электростанций в России и за рубежом, что является не только предметом экономического взаимодействия, но и предметом политических коммуникаций высших должностных лиц государств, например обсуждение строительства ГК Росатом в Иране АЭС после снятия санкций. Важно отметить, ряд проектов ГК Росатом, в частности строительство недавно заложеной в Турецкой Республике АЭС «Аккую», характеризуется в большей степени политическими, чем экономическими задачами и даже существенными экономическими рисками². Политической составляющей подобного рода проектов, на наш взгляд, является создание условий взаимозависимости государств с целью укрепления международных связей и сотрудничества в различных сферах. Наложение экономических санкций на ряд госкорпораций и их руководителей странами Запада также демонстрирует «акторность», что является, на наш взгляд, подтверждением данными государствами значимости российских госкорпораций в российском политическом пространстве и за его пределами.

4) Низкая эффективность. Как в 2009 г. отметил В. Путин, «госкорпорации — это и не хорошо, и не плохо — это необходимость. Я хочу подчеркнуть, что у нас здесь общая позиция в руководстве страны. Мы вместе выработывали когда-то решение, связанное с образованием этих корпораций»³. Низкая эффективность российских

¹ Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросу развития конкуренции // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57205> (дата обращения: 13.04.2018).

² См. подробнее: Нигматулин Б. И. Все риски проекта АЭС Аккую. Краткая справка // Агентство ПРОАтом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=3715> (дата обращения: 20.04.2018).

³ Владимир Путин: Госкорпорации — это и не хорошо, и не плохо — это необходимость // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2009/12/03/goskorporacii-anons.html> (дата обращения: 18.04.2018).

госкорпораций, на наш взгляд, обусловлена следующими причинами: во-первых, создание государственных корпораций в форме некоммерческих организаций. То есть государство ставит своей целью создание корпоративных структур, деятельность которых не направлена на достижение прибыли, а ведь именно монопольное представительство в определенной сфере открывает возможности для продвижения корпоративных интересов, в том числе и за рубежом. Подобная ориентированность снижает мотивацию на развитие, поскольку в значительной степени сужается конкурентное пространство и возможности получения прибыли, что приводит к убыткам и вызывает у государственных корпораций интерес в бюджетных «вливаниях». Во-вторых, существенные бюджетные «вливания» и отсутствие мотивации на извлечение прибыли из реализуемых проектов приводят к коррупционным рискам в высшем руководстве корпоративных структур, как, например, в случае с АО «Роснано»¹. В-третьих, как уже рассматривалось выше, руководство госкорпораций осуществляется не профессионалами в определенных отраслях деятельности, а лицами, относящимися к политической элите, что приводит к управлению неэффективными проектами, что также имело место в АО «Роснано»².

Вопросы, касающиеся российского госкорпоративного сектора, являются по-прежнему открытыми. На наш взгляд, данные структуры оправдали основную возложенную на них задачу — сохранение ряда российских отраслей и отдельных предприятий, однако рассмотренные выше политические особенности фактически перекрывают возможности успешного развития российских корпоративных структур. Несмотря на то, что на заседании Госсовета по вопросу развития конкуренции высказывалась позиция о необходимости уменьшения участия государства, что влечет за собой уменьшение сферы политического влияния, поэтому реализация подобного тезиса представляется маловероятной, поскольку требует наличия политической воли со стороны властной элиты и смену политического курса, которые в настоящее время не прослеживаются.

Литература

1. Бархота А. В., Федюкин А. В. Основные сценарии развития государственных корпораций в России до 2015 г. // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2013. № 5 (31). С. 6–11.
2. Иванова М. Корпоративность как фактор формирования российской политической элиты // *Государственная служба*. 2016. № 6. С. 16–20.
3. Красин Ю. А. Горячее лето 2014: «Украинский кризис» сквозь призму политологической мысли // *Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы: Материалы Всеросс. науч. конф. (с международным участием)*. Москва, 21–22 ноября 2014 г. [Электронное издание]. М. : РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 268–269.
4. Красин Ю. А. Демократия или новая парадигма правления? // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2011. № 8. С. 187–193.
5. Крыштановская О. *Анатомия российской элиты*. М. : Захаров, 2005.
6. *Новейший политологический словарь* / авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. Ростов н/Д : Феникс, 2010.
7. Перегудов С. П. Плюрализм и корпоративизм в СССР и России (общее и особенное) // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 5. С. 111–128.
8. Перегудов С. П. *Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений*. М. : Наука, 2003.

¹ Адвокат: Леонид Меламед вызван в СКР для вручения обвинительного заключения // *Коммерсантъ* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3294205> (дата обращения: 18.04.2018).

² Оценка финансового состояния «РОСНАНО» проводилась Минфином России без учета нормативной базы // *Сайт Счетной палаты Российской Федерации* [Электронный ресурс]. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/26559 (дата обращения: 18.04.2018).

9. Попандопуло А. И. Политический режим в структуре отношений государства и бизнеса // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. № 5. С. 81–92.
10. Савельев А. И. Взаимодействие политических акторов в системе политической коммуникации // Международный исследовательский журнал. 2012. № 8 (50). С. 135–137.
11. Савлук А. Н. Роль политической элиты в формировании кадрового резерва государственной службы // Управленческое консультирование. 2012. № 4 (48). С. 13–17.
12. Скоробогатский В. В. Институционализация государства-корпорации: постановка проблемы // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2012. № 1 (18). С. 50–54.

Об авторе:

Костин Александр Эмильевич, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), aleksandr.e.kostin@gmail.com

References

1. Barkhota A. V., Fedyukin A. V. Main scenarios for the development of state corporations in Russia until 2015 // Contours of global transformations: politics, economics, law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]. 2013. N 5 (31). P. 6–11. (In rus)
2. Ivanova M. Corporateism as a Factor of the Formation of the Russian Political Elite // Public Service [Gosudarstvennaya sluzhba]. 2016. N 6. P. 16–20. (In rus)
3. Krasin Yu. A. Hot Summer 2014: «The Ukrainian Crisis» through the Prism of Political Science // Russian Political Science: Origins, Traditions and Perspectives [Rossiiskaya politicheskaya nauka: istoki, traditsii i perspektivy]: Proceedings of Vseoross. sci. Conf. (with international participation). Moscow, November 21–22, 2014 [Electronic Edition]. M. : RIC MGU State University. MA Sholokhov, 2014. P. 268–269. (In rus)
4. Krasin Yu. A. Democracy or a new paradigm of government? // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research [Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya]. 2011. N 8. Pp. 187–193. (In rus)
5. Kryshchanovskaya O. Anatomy of the Russian elite. M. : Zakharov, 2005. (In rus)
6. The newest political science dictionary / D.Ye. Pogorely, V.Yu. Fesenko, K.V. Filippov. Rostov-on-Don : Phoenix, 2010. (In rus)
7. Peregudov S. P. Pluralism and corporatism in the USSR and Russia (general and special) // Political researches [Politicheskie issledovaniya]. 2010. N 5. P. 111–128. (In rus)
8. Peregudov S. P. Corporations, society, state: Evolution of relations. M. : Nauka, 2003. (In rus)
9. Popandopulo A. I. Political regime in the structure of relations between the state and business // Contours of global transformations: politics, economics, law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]. 2011. N 5. P. 81–92. (In rus)
10. Savelyev A. I. Interaction of political actors in the system of political communication // International Research Journal [Mezhdunarodnyi issledovatel'skii zhurnal]. 2012. N 8 (50). P. 135–137. (In rus)
11. Savluk A. N. The Role of the Political Elite in Forming the Staff Reserve of the Civil Service // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2012. N 4 (48). P. 13–17. (In rus)
12. Skorobogatsky V. V. Institutionalization of the state-corporation: statement of the problem // Scientific herald of the Ural Academy of Public Service: political science, economics, sociology, law [Nauchnyi vestnik Ural'skoi akademii gosudarstvennoi sluzhby: politologiya, ekonomika, sotsiologiya, pravo]. 2012. N 1 (18). P. 50–54. (In rus)

About the author:

Aleksandr E. Kostin, Graduate Student of the Chair of the State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), aleksandr.e.kostin@gmail.com

Нормативно-правовой механизм разработки и реализации политики по сохранению объектов исторического и культурного наследия Санкт-Петербурга

Палий К. Р.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; paly-design@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Историческое и культурное наследие Санкт-Петербурга — важнейшая составляющая социально-экономического и духовного потенциала города. Существующее политическое, экономическое и правовое поле, включающее вопросы охраны памятников культуры, на современном этапе не способно переломить негативную динамику утраты объектов исторического и культурного наследия. Общественным и профессиональным организациям Санкт-Петербурга, меценатам, работающим в данной сфере, не уделяется должное внимание.

В статье рассмотрены некоторые особенности государственной политики в сфере сохранения культурного наследия на региональном уровне. Выявлены проблемы разработки политических и правовых механизмов регулирования процесса сохранения и развития исторического и культурного наследия Санкт-Петербурга, проанализирован градостроительный фактор в системе охраны культурного наследия. По итогам выявленных проблем сформулированы рекомендации, ориентированные на совершенствование политики в сфере охраны памятников культуры Санкт-Петербурга. Развитию системы охраны культурного наследия может способствовать комплексный подход, строящийся на взаимодействии общественных, экономических, градостроительных и политических структур, причем координирующая роль должна принадлежать последним.

Ключевые слова: историческое и культурное наследие, охрана культурного наследия, объекты культурного наследия, государственная политика по сохранению объектов культурного наследия, Санкт-Петербург

Regulatory and legal mechanism of development and realization of policy to preserve cultural and historical heritage sites of St. Petersburg

Paliy K. R.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; paly-design@yandex.ru

ABSTRACT

Historical and cultural heritage of St. Petersburg is the most important constituent of socio-economic and spiritual potential of the city. Present institutions are not able to prevent negative damaging of the cultural heritage sites trend. Public organizations and patrons of art are not given enough attention.

The article describes some features of government policies on preservation of cultural heritage sites. The problems of developing political and legal mechanisms for regulating the preservation and development of the historical and cultural heritage of St. Petersburg have been identified and the town-planning factor in the system of cultural heritage protection has been analyzed. According to the results of the detected problems, recommendations aimed at the improving the protection system for historical and cultural monuments of St. Petersburg were formulated. The development of the cultural heritage protection system can be promoted by an integrated approach, built on the interaction of social, economic, urban and political structures.

Культура на современном этапе глобализации становится определяющим фактором развития человечества, поэтому требует поддержки и защиты сейчас, чтобы не было необратимых проблем в близком и отдаленном будущем, отмечает Д. С. Лихачев [3, с. 3]. Памятники истории и культуры представляют собой объект передачи общественно значимых культурных традиций из прошлого в будущее. В современных условиях модернизации российской экономики одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере повышения качества городской среды становится сохранение исторического и культурного наследия народов Российской Федерации как одного из основных социально-экономических ресурсов РФ.

Соответствующий вектор вышеуказанного направления заложен в стратегических документах Российской Федерации и субъектов РФ, регулирующих данную сферу. Все эти документы подразумевают непрерывное качественное развитие системы охраны, сохранения, распоряжения и использования исторического и культурного наследия. По этой причине органам государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, а также органам местного самоуправления необходимо проводить эффективную работу по предотвращению разрушения объектов исторического и культурного наследия.

Не вызывает сомнений корректность заключения американских ученых ХХ в. Д. Логана и Х. Молотча о том, что городами управляет политическая и финансовая элита [5]. Соответственно, и в сфере сохранения исторического и культурного наследия значительную роль играют представители обеих. Им в большой степени принадлежит право определять политику, также от них зависит ее реализация.

Объектом культурной политики органов государственной власти Санкт-Петербурга является его историческое и культурное наследие. Чарльз Лэндри, британский специалист по культурной политике, называет культурное наследие суммой творческих усилий прошлого, а результаты творчества — механизмом, который позволяет обществу развиваться, эволюционировать [4]. Историческое и культурное наследие Санкт-Петербурга входит в число ключевых ресурсов города, объясняющих интерес и внимание, проявляемые к нему со стороны российской и мировой публики.

Согласно сведениям Единого государственного реестра объектов культурного наследия народов Российской Федерации от 09.03.2018 почти 10% объектов культурного наследия страны сосредоточены на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области¹. Всего по состоянию на 02.03.2018 охране подлежат 9245 объектов², которые хранят историю «культурной столицы» России. Санкт-Петербург обладает уникальным историко-культурным наследием, которое создает во многом благоприятный имидж города. Стоит отметить, что историческое и культурное наследие признано духовным, культурным, социальным и экономическим капиталом, поэтому проблемы его сохранения выходят на передний план как ресурс развития всего города в целом.

Число угроз памятникам культурного наследия постоянно растет. И это связано

¹ Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ [Электронный ресурс] // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. URL: <http://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331egrkn/{«version»:»5808ece8172ad16a467e0590»}> (дата обращения: 10.03.2018).

² Перечень объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга по состоянию на 02.03.2018 [Электронный ресурс] // Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. URL: http://kgiop.gov.spb.ru/uchet/list_objects/?page=1321/ (дата обращения: 10.03.2018).

не только с процессами естественного старения и износа объектов. Разрушение памятников ускоряет целый ряд факторов:

- угрозы антропогенного характера (вандализм, коммерческое нерегламентированное строительство, неправильный режим эксплуатации зданий, отсутствие грамотного подхода к реконструкции и реставрации);
- экологические угрозы (загрязнение воздуха, техногенные катастрофы, кислотные дожди, развитие транспорта);
- угрозы природного характера (частые дожди, порывистые ветра, повышенная влажность, неустойчивые грунты).

Вышеперечисленные обстоятельства требуют поиска правовых, финансовых, технических, информационных, организационных мер по охране историко-культурного наследия. Необходимо разработать комплексный подход по сохранению и развитию исторического центра Санкт-Петербурга, ряд системных мероприятий по сохранению исторической застройки, благоустройству территорий общего пользования, реконструкции объектов коммунальной инфраструктуры, развитию транспортной сети с применением инновационных технологий, опираясь на удачный российский и зарубежный опыт.

В контексте вышесказанного можно выделить следующие основные направления в работе над поставленной проблемой:

1. Разработка политических механизмов регулирования процесса сохранения и развития исторического центра Санкт-Петербурга.

«Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» является объектом, включенным в Список ЮНЕСКО¹, а также подлежит защите в соответствии с положениями Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия². Сохранение исторического центра Санкт-Петербурга (части территорий, расположенных на территориях Адмиралтейского, Василеостровского, Петроградского и Центрального районов Санкт-Петербурга) является обязательством Российской Федерации и входит в число приоритетных задач Правительства Санкт-Петербурга.

В целях сохранения исторического и культурного наследия разработан ряд федеральных и региональных программ охраны объектов культурного наследия.

Так в «Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года» одним из приоритетных стратегических направлений является повышение качества городской среды³.

Подпрограмма «Сохранение и развитие исторического центра Санкт-Петербурга» государственной программы Санкт-Петербурга «Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга» направлена на создание условий для обеспечения сбалансированного социально-экономического развития исторического центра Санкт-Петербурга и повышения его инвестиционной привлекательности⁴.

¹ Nominations of cultural properties to the World Heritage List and to the List of World Heritage in Danger from 17.10.1990 № СС.90/CONF.004/02 [Электронный ресурс] // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. URL: <http://whc.unesco.org/archive/1990/cc-90-conf004-2e.pdf> (дата обращения: 13.03.2018).

² Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16.11.1972, для СССР вступила в силу 12.01.1989) [Электронный ресурс] // Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 01.03.2018).

³ О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 г.: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 мая 2014 г. № 355 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SPB;n=147694025693604350090027> (дата обращения: 01.03.2018).

⁴ О государственной программе Санкт-Петербурга «Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга на 2015–2020 годы»: Постановление Правительства Санкт-

В целях создания условий для повышения качества и комфорта городской среды в конце 2016 г. под руководством Минстроя стартовал проект «Формирование комфортной городской среды», целью проекта является вовлечение представителей бизнеса в процесс благоустройства, принятие новых или актуализация действующих правил благоустройства, распространение передового опыта в сфере благоустройства.

Бесспорно, государственные программы могут стать достаточно действенным механизмом по сохранению и развитию исторического центра Санкт-Петербурга, но только при выполнении нескольких условий:

- установления четкого порядка взаимодействия участников процессов реализации государственной программы;
- взаимного согласования государственных программ и нормативно-правовых актов;
- наличия достаточного финансового обеспечения.

Реализация политики по сохранению объектов исторического и культурного наследия имеет многоуровневую структуру управления, которая включает в себя Правительство Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, региональные органы исполнительной власти и органы местного самоуправления. Правительство Российской Федерации разрабатывает федеральные государственные программы сохранения и развития культуры, осуществляет финансирование таких программ. Функции по реализации политики в этой сфере на федеральном уровне исполняет Министерство культуры Российской Федерации. На региональном уровне эти функции осуществляют органы исполнительной власти субъекта и их структурные подразделения.

Говоря о Санкт-Петербурге, стоит отметить, что основная часть полномочий по охране культурного наследия сконцентрирована на уровне города, районный уровень носит только исполнительский характер. Несмотря на то, что муниципальные образования наделены определенными полномочиями по сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия¹, органы местного самоуправления играют несущественную роль в реализации политики по сохранению объектов исторического и культурного наследия. В случае объединения муниципальных образований (к примеру, объединятся только те муниципальные образования, в чьем ведении находятся объекты культурного наследия) для решения данной проблемы станет возможным выполнять более масштабные функции на муниципальном уровне. Укрупнение позволит более широко охватить данную проблему. К сожалению, данный вопрос выходит далеко за пределы политики по сохранению объектов исторического и культурного наследия и затрагивает всю организацию системы местного самоуправления в городе федерального значения, что делает его решение чрезвычайно сложным.

Реализация программ по «Сохранению и развитию исторического центра Санкт-Петербурга» усложняется тем фактом, что в ее осуществлении в разной степени задействованы не только Исполнительные органы государственной власти Санкт-Петербурга, но и общественные и профессиональные организации Санкт-Петербурга, меценаты. Развитие партнерских отношений с негосударственным сектором имеет немаловажное значение. Подход к решению вопросов по сохранению культурного наследия носит междисциплинарный характер, поэтому решают его не только орга-

---

Санкт-Петербурга от 30 июня 2014 г. № 551 [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/22924065> (дата обращения: 01.03.2018).

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.03.2018), ст. 14 [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/22924065> (дата обращения: 01.03.2018).

ны охраны памятников, но и те структуры, которые занимаются вопросами проектирования, архитектуры, экономики, транспорта, благоустройства, где контролирующую и координирующую функцию должны осуществлять органы государственного управления. Стратегия должна строиться на основе сбалансированных, гибких отношений между всеми участниками проекта. А. А. Александров делает акцент на необходимости проведения системной работы государственных структур и субъектов гражданского права в сфере культуры [1].

Источниками финансирования мероприятий по сохранению объектов исторического и культурного наследия являются: федеральный бюджет, бюджет субъекта Российской Федерации; местные бюджеты; внебюджетные поступления.

В области охраны наследия необходимо уделять должное внимание взаимодействию с общественными организациями и частно-государственными фондами, меценатами. Есть необходимость в проведении политики, направленной на привлечение частного сектора к финансированию культурных ценностей. Частные инвестиции необходимо вводить в широкую практику. Необходимо поддерживать спонсорство. Спонсорами могут выступать банки, предприятия и другие коммерческие организации.

2. Совершенствование правовых механизмов регулирования процесса сохранения и развития исторического центра Санкт-Петербурга.

Большое значение сегодня приобретает проблема обновления и дополнения нормативно-правовой базы сохранения культурного наследия России.

Правовое регулирование в области сохранения объектов исторического и культурного наследия основывается на положениях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, федеральных законов¹ и законов субъектов Российской Федерации в области государственной охраны объектов культурного наследия, земельного и налогового законодательства Российской Федерации, законодательства Российской Федерации и субъектов РФ о градостроительной деятельности и об охране окружающей среды, ряда международных нормативных актов (Европейская конвенция об охране археологического наследия², Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия³, Конвенция об охране архитектурного наследия Европы⁴ и др.) и иных нормативно-правовых документах, регулирующих деятельность по сохранению исторического и культурного наследия.

Несмотря на сложившуюся на федеральном уровне и на уровне субъекта Российской Федерации систему нормативно-правовых актов по вопросам сохранения исторического и культурного наследия, в действующих правовых документах существуют дефекты и противоречия, которые требуют устранения и доработки. Ряд норм устарел и не отвечает современным вызовам. В одном из учебных пособий Ю. Г. Галая раскрывается эволюция законодательных и нормативных актов на всем

¹ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 09.03.2016) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/12127232> (дата обращения: 01.03.2018).

² Европейская конвенция об охране археологического наследия (Лондон, 06.05.1969, для СССР вступила в силу 14.02.1991) [Электронный ресурс] // Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. URL: http://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/Конвенция_EC_1992.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

³ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16.11.1972, для СССР вступила в силу 12.01.1989) [Электронный ресурс] // Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 01.03.2018).

⁴ Конвенция об охране архитектурного наследия Европы (Гранада, 03.10.1985, для СССР вступила в силу 01.03.1991) [Электронный ресурс] // Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. URL: http://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/Конвенция_EC_1985.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

протяжении охраны историко-культурного наследия в России и говорится о несовершенстве законодательства и о медлительности принятия актуальных юридических актов по охране памятников культуры [2].

Правовую базу необходимо совершенствовать. Могут быть предложены следующие поправки:

- предоставлять налоговые льготы тем собственникам, которые позволяют жителям и гостям города посещать памятники истории, находящиеся в частной собственности. Это будет неким стимулом для собственника, чтобы он содержал в должном виде объекты культурного наследия и получал при этом льготы в качестве поощрения;
- внести дополнения, предусматривающие освобождение от уплаты налога частными собственниками, общественными организациями, ассоциациями, фондами, основным видом деятельности которых является реставрация объектов культурного наследия;
- освободить от уплаты налогов частных собственников, в чьих владениях находятся объекты культурного наследия в случае, если: собственник производит периодическую реставрацию объекта;
- разработать реставрационные нормы и правила по подготовке и утверждению проектной и сметной документации на выполнение реставрационных работ;
- ужесточить административные наказания в случаях порчи или повреждения объектов культурного наследия, при проведении ремонтных или реставрационных работ, а также при строительстве зданий и сооружений, находящихся в непосредственной близости от объекта культурного наследия, если данная работа причинит вред объекту.

3. Разработка комплекта проектной документации на выполнение реставрационных и строительных работ в границах зон охраны объектов исторического и культурного наследия.

Необходимо разработать генеральный план, схему формирования и развития объектов культурного наследия в соответствии с заданием на проведение работ по сохранению объектов исторического и культурного наследия, выданным государственными органами охраны объектов исторического и культурного наследия. Именно Генеральный план служит основой для реализации программ развития, сохранения и реконструкции производственных, общественных, деловых и культурных центров города, а также комплексного благоустройства садово-парковых территорий.

В действующем документе «О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга»¹ п. 3.5. «Мероприятия по сохранению и регенерации исторического и культурного наследия» носит рекомендательный характер и не содержит конкретных предложений. Приложения к документу в виде схем в основном отображают границы размещения и развития объектов капитального строительства транспортной, инженерной, рекреационной инфраструктуры, карта границ зон охраны объектов культурного наследия отображает исключительно обширные зоны, без проработки отдельных участков.

Генеральный план должен состоять из двух частей: графической (чертежи, разработанные в соответствии со стандартами, действующими нормами и правилами,

¹ О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга: Закон Санкт-Петербурга от 19 января 2009 г. № 820-7 (с изменениями на 6 июля 2017 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=60061006594781717285514> (дата обращения: 01.03.2018).

эскизный проект) и текстовой (техническое задание, проектно-сметная документация, пояснительная записка). Графическая часть генплана может содержать нанесенные на картографическую подоснову установленные границы территорий объектов культурного наследия, подлежащих сохранению и реставрации с подробной проработкой каждого участка. В графической части могут быть зафиксированы зоны музеефикации, границы улично-дорожной сети и кварталов, пешеходных связей, отдельных домовладений, подлежащих возможной перестройке или реставрации, а также отмечены территории ландшафта, озеленения, благоустройства, не подлежащие застройке. Текстовая часть генплана может содержать требования, относящиеся к каждому выделенному участку, выполняемые по части градостроительной деятельности в границах, выделенных в графической части, в том числе может содержать перечень разрешенных и запрещенных видов градостроительной деятельности. Генплан должен быть детально проработан по каждому отдельному участку охраняемой зоны в крупном масштабе.

Над разработкой генерального плана должен работать авторский коллектив, команда архитекторов, проектировщиков, дизайнеров, инженеров. Это могут быть члены Союзов архитекторов, дизайнеров, реставраторов, люди с зарубежным опытом работы, а также команды студентов творческих вузов, идеи которых могут оказаться достаточно инновационными и свежими. Научным руководителем может быть специалист (архитектор, проектировщик), обладающий необходимым опытом и квалификацией.

При проектировании генплана необходимо не забывать об уникальности города и помнить, что центр города — это практически музей под открытым небом. Поэтому говорить о сохранении отдельных зданий и сооружений разрушительно для Санкт-Петербурга. Необходимо, с учетом правил формирования исторической среды, сохранять целые территориальные ландшафты. При соблюдении правил формирования среды и по согласованию с государственными органами охраны памятников не исключено появление объектов нового строительства, а также те же самые объекты могут начать выполнять новые функции. При реконструкции объектов, представляющих художественную ценность, необходимо сохранять в неизменном виде те части здания, которые доступны для обозрения, при этом давать определенную свободу в проектировании элементов здания, которые остаются вне поля зрения.

Очевидно, что вопрос охраны памятников культуры заслуживает большего внимания и общей ответственности всех акторов городской политики за сохранение наследия. Базовый принцип охраны памятников культуры — комплексная работа по сохранению, использованию и популяризации объектов исторического и культурного наследия, действующая в рамках развивающихся гармоничных отношений между общественными, экономическими, градостроительными и политическими структурами.

Литература

1. *Александров А. А.* Российская Федерация в международном сотрудничестве в сфере культурного наследия: учеб. пособие для магистратуры по направлению 081100 — Государственное и муниципальное управление / отв. ред. В. И. Уколова. М. : Проспект, 2012.
2. *Галай Ю. Г.* Охрана памятников старины как культурно-экономическая мера безопасности России XVIII — начала XX века. Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2008.
3. *Лихачев Д. С.* Экология культуры // Д. С. Лихачев. Избранные работы: в 3 т. Л. : Худож. лит., 1987. Т. 3.
4. *Landry C.* The Origins & Futures of the Creative City // Creative City. Gloucestershire : Comedia, 2012.
5. *Logan J., Molotch H.* The City as a Growth Machine // Urban fortunes. The political economy of space. Berkely : University of California press, 1988.

Об авторе:

Палий Кристина Романовна, аспирант факультета государственного и муниципального управления, специалист организационного отдела юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); paly-design@yandex.ru

References

1. Alexandrov A. A. The Russian Federation in the international cooperation in the sphere of cultural heritage: the manual for a magistracy / Ex. edition of V. I. Ukolov. M. : Prospect, 2012. (In rus)
2. Galay Yu. G. Protection of ancient monuments as a cultural and economic measure of security of Russia in XVIII — the beginnings of the XX century. N. Novgorod : Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2008. (In rus)
3. Likhachev D. S. Culture ecology // D. S. Likhachev. Chosen works: in 3 v. L. : Imaginative Literature, 1987. V. 3. (In rus)
4. Landry C. The Origins & Futures of the Creative City // Creative City. Gloucestershire : Comedia, 2012.
5. Logan J., Molotch H. The City as a Growth Machine // Urban fortunes. The political economy of space. Berkely : University of California press, 1988.

About the author:

Kristina R. Paliy, Graduate student of the Faculty of State and Municipal Administration, Specialist of the Organizational Department of the Faculty of Law of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); paly-design@yandex.ru

Мониторинг глобальных и национальных потребительских трендов — важный этап стратегирования (на примере отрасли кролиководства)

Шаклеин К. И.

Московская школа экономики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; mrshaklein@gmail.com

РЕФЕРАТ

Целью статьи является определение объективных закономерностей и трендов, прямо и косвенно влияющих на развитие отрасли кролиководства, на глобальном и национальном уровнях. Данное исследование проведено в соответствии с методологией общей теории стратегирования, разработанной В. Л. Квинтом. Основные методы анализа выявленных трендов основываются на статистическом и эконометрическом инструментарии. В процессе анализа на глобальном уровне отмечаются следующие тренды: растущий дефицит диетической продукции, проведение мероприятий международными организациями (ООН) по улучшению качества питания, рост заинтересованности населения здоровым питанием, здоровым образом жизни. На национальном уровне выявленные тренды нашли свое подтверждение. Существующие тренды определяют перспективы в области развития кролиководства.

Ключевые слова: потребительские тенденции, рынок крольчатчины, стратегирование отраслевого развития

Monitoring of Global and National Consumer Trends — Importance Stage of Strategizing (Based on Rabbit Industry)

Shaklein K. I.

Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; mrshaklein@gmail.com

ABSTRACT

The aim of the article is to determine the objective trends directly and indirectly influencing the development of the rabbit industry at the global and national levels. This research was carried out in accordance with the methodology of the general theory of strategy developed by Vladimir Kvint. The main methods for analyzing the identified trends are based on statistical and econometric methods. In the process of analysis at the global level, the following trends are noted: the growing deficit in the consumption of dietary products, the conduct of activities by public organizations (UN) to improve the quality of nutrition, the growing interest of the population in a healthy diet, a healthy lifestyle. At the national level, the identified trends have been confirmed. The existing trends define stable prospects in the field of rabbit industry development.

Keywords: consumer trends, rabbit market, industrial strategy

---

Введение

В число базовых потребностей человека входит питание [11]. Актуальная в настоящее время проблема продовольственной безопасности выражается не только в дефиците продовольствия, но и в низком качестве питания. Проблема низкого качества питания может иметь неблагоприятные последствия, выражающиеся в худ-

шении качества жизни. На национальном уровне угроза продовольственной безопасности не теряет своей актуальности в условиях обострения торговых взаимоотношений между Россией и остальным миром. Следовательно, возникает необходимость развития собственного АПК, в частности, чтобы обеспечить население в достаточном объеме качественной мясной продукцией. Одной из наиболее продуктивных и рентабельных отраслей животноводства является отрасль кролиководства. Положительный эффект отрасли кролиководства в повышении продовольственной обеспеченности, улучшении качества питания, и как следствие, в повышении качества жизни подтверждается в работах зарубежных исследователей [5, 6, 10, 13].

Будущее отрасли во многом зависит от выбранной методологии процесса стратегирования. основополагающим этапом стратегирования является мониторинг глобальных и национальных потребительских трендов, который необходим для выявления возможностей и предполагаемых угроз в развитии отрасли. В этой связи целью проводимого исследования является определение объективных закономерностей и трендов, прямо и косвенно влияющих на развитие отрасли кролиководства, на глобальном и национальном уровнях.

Информационную базу исследования составили материалы теоретических и эмпирических исследований российских и зарубежных авторов, данные Федеральной службы государственной статистики, Единой межведомственной информационно-аналитической системы (ЕМИСС), Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, Всемирного банка, Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации, Организации экономического сотрудничества и развития и пр.

Материалы и методы

Данное исследование основывается на общей теории стратегирования, разработанной В. Л. Квинтом. Как было замечено выше, одним из подготовительных этапов стратегирования является анализ объективных глобальных, региональных и индустриальных (отраслевых) закономерностей, так как они оказывают воздействие на объект стратегирования (в нашем случае — отрасль кролиководства) [7, 1]. Понимание согласованности основных трендов и степени их воздействия — очень важный этап в процессе стратегирования. Так как несогласованность разработанных региональных и отраслевых стратегий с существующими глобальными технологическими и потребительскими трендами снижает конкурентоспособность и эффективность стратегий.

Одной из ключевых проблем существующих отраслевых стратегий, по мнению автора, является отсутствие взаимосвязи между реализуемыми стратегиями на различных уровнях иерархии, а именно, не всегда отраслевая стратегия в конкретном регионе движется по тому же направлению, что и данный регион, что впоследствии также снижает эффективность разработанной стратегии [1]. Наиболее эффективные стратегии основаны на анализе невыясненных к началу реализации стратегии трендов.

Так как процесс стратегирования имеет долгосрочный характер и ориентирован на конечный результат через несколько лет (5, 10, 15 и т. д.), то при анализе действующих и зарождающихся закономерностей необходимо проводить оценку каждого тренда по шкале времени, т. е. оценивать срок жизни того или иного тренда.

Результаты

Среди тенденций в глобальном масштабе наблюдается зональное развитие кролиководства, что в значительной мере связано с традициями питания, схожим экономическим и культурным уровнем стран.

В мире с 2000 г. непрерывно увеличивается потребление и производство диетического мяса, в том числе крольчатины. Согласно данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), среднегодовой темп роста мирового производства мясных продуктов с 2000 г. составляет 102,2%, в том числе крольчатины — 103,1% [8, 14]. Это отражено на рис. 1.

Однако в расчете на душу населения потребление мясных продуктов ежегодно увеличивается на 101,1% за весь анализируемый период (2000–2016 гг.) и в 2016 г. составило 44,2 кг/чел. На рынке диетических мясных продуктов ежегодное фактическое потребление на душу населения с 2000 г. примерно постоянно, т. е. темпы роста численности населения и темпы роста рынка диетических мясных продуктов эквивалентны (рис. 2).

Глобальная тенденция незначительной доли потребления диетических мясных продуктов находит свое отражение на национальном уровне. В России фактическое потребление мясных продуктов на душу населения в 2016 г. составило 67 кг/чел при норме в 75–80 кг/чел, а диетических мясных продуктов — 1,3 кг/чел при норме в 5 кг/чел.

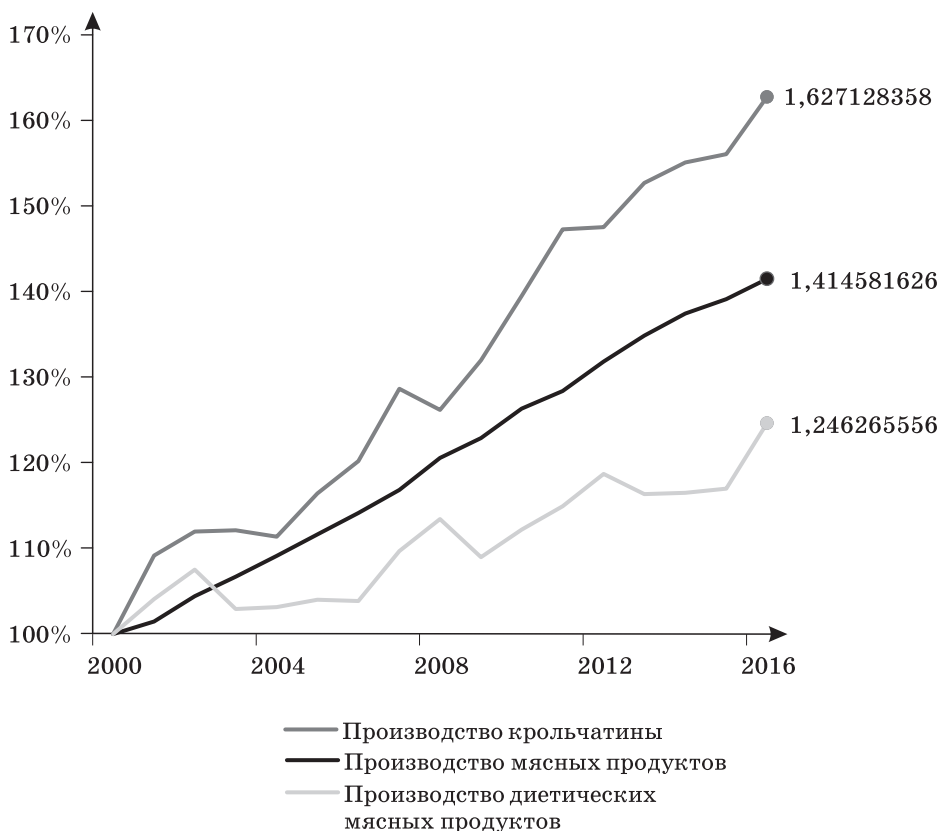

Рис. 1. Темпы роста мирового производства мясных продуктов, диетических мясных продуктов, продукции из крольчатины, % с нарастающим итогом с 2000 г.

Fig. 1. Growth rates of world production of meat products, dietary meat products, production from rabbit, % with the accruing result since 2000.

Источник: Food and Agriculture Organization of the United Nations. (www.fao.org)

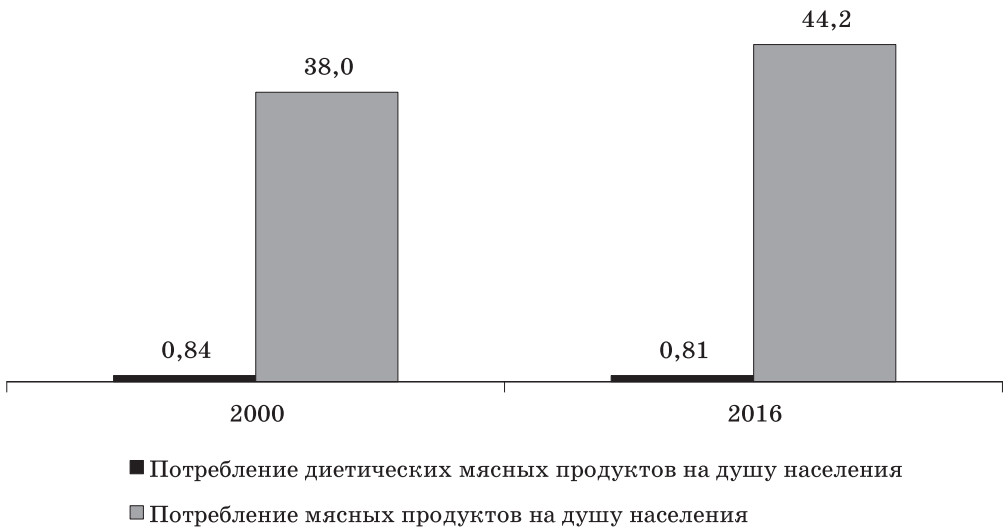

Рис. 2. Потребление мясных продуктов на душу населения в 2000 и 2016 гг., кг/чел
 Fig. 2. Consumption of meat products per capita in 2000 and 2016, kg/persons.

Источник: Food and Agriculture Organization of the United Nations. (www.fao.org)

Ежегодно, по данным ООН, население Земли увеличивается на 78–83 млн чел. или на 1,0–1,2%. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, ожидаемая продолжительность жизни в 2015 г. составила 71,4 год, а в 2000 г. — 65,3 года¹. Таким образом, при текущих тенденциях в ближайшем будущем существующий дефицит потребления диетического мяса, который в настоящее время составляет более 3,5 кг в год на человека, сохранится. В ближайшем будущем может возникнуть, а в некоторых странах уже возник, дефицит продовольственных товаров, в том числе мясной продукции. Следовательно, расширяется потенциальная целевая аудитория. Известно, что крольчатина — это так называемое быстрорастущее мясо: сроки выращивания составляют от 77 до 135 дней, поэтому крольчатина могла бы частично сократить возникающий дефицит продовольственных мясных товаров [15, 16].

Складывающиеся тенденции при существующем дефиците диетических мясных продуктов приводят к пониманию того, что при стратегировании отрасли кролиководства открывается окно возможностей для развития данной отрасли.

Одной из приоритетных целей демографической политики каждого государства является увеличение средней продолжительности жизни и повышение качества жизни, что в последующем должно способствовать экономическому росту государства. Качество жизни выражается, в том числе, через качество продовольственных товаров. Потребление пищевой продукции с низкими потребительскими свойствами является причиной снижения качества жизни и развития ряда заболеваний населения [2, 9].

Тренды и закономерности в глобальном мире задают вводимые в международную практику документы. Так, в сентябре 2015 г. государства-члены ООН приняли Повестку в области устойчивого развития до 2030 г. Данный документ содержит 17 целей, которые должны быть достигнуты в течение 15 лет. Одной из Целей устойчивого развития (ЦУР) стала ЦУР 2 «Ликвидация голода, обеспечение продо-

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.

вольственной безопасности, улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства».

Содержание данной цели не исчерпывается ликвидацией продовольственной проблемы. Культура питания у человека закладывается в детстве, поэтому в Повестке отмечается, что с каждым годом увеличивается численность детей в возрасте от 0 до 15 лет, страдающих от ожирения [3]. Данные рис. 3 наглядно демонстрируют эту проблему. Во всем мире доля детей, страдающих от избыточной массы тела, в возрасте от 0 до 15 лет увеличилась с 5 до 6%. Негативная тенденция характерна даже для африканских стран (с 2000 по 2016 г. доля детей с избыточным весом увеличилась с 5 до 5,2%). В Азии отмечается наибольшее увеличение доли детей с избыточным весом (с 4% в 2000 г. до 5,5% в 2016 г.).

Ожирение — это основной индикатор качества питания. О проблеме низкого качества питания свидетельствуют следующие мировые тренды: растет смертность населения от болезней, напрямую связанных с качеством питания (диабет, сердечно-сосудистые заболевания). В этой связи документами в области устойчивого развития ООН предусмотрен комплекс мер до 2030 г., ориентированный на повышение качества питания, ведущее к снижению заболеваемости ожирением и диабетом, что, в свою очередь, возможно через расширение потребления диетической продукции, к которой относится и мясо кролика.

Глобальный тренд, направленный на повышение качества пищевой продукции, в 2010 г. был успешно декомпозирован на национальный уровень через утверждение Правительством Российской Федерации Основ государственной политики Российской Федерации в области здорового питания населения на период до 2020 г., а в 2016 г. — Стратегии повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до

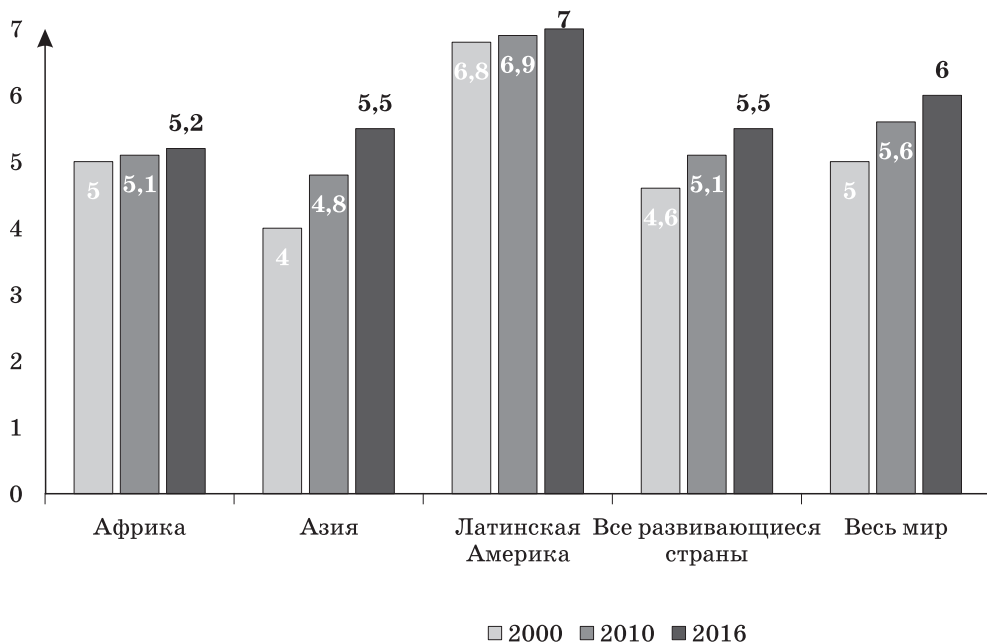

Рис. 3. Доля детей, страдающих избыточным весом, в возрасте от 0 до 15 лет, %
Fig. 3. A share of the children suffering from excess weight aged from 0 up to 15 years, %

Источник: Food and Agriculture Organization of the United Nations. (www.fao.org)

2030 г. Оба документа ориентированы на реализацию комплекса мероприятий, направленных на создание условий, обеспечивающих удовлетворение, в соответствии с требованиями медицинской науки, потребностей различных групп населения в здоровом питании с учетом их традиций, привычек и экономического положения. Основными целями государственной политики в области здорового питания являются сохранение и укрепление здоровья населения, профилактика заболеваний, обусловленных неполноценным и несбалансированным питанием.

Проводимые мероприятия в области здорового питания населения связаны с тем, что структура питания значительной части населения Российской Федерации характеризуется избыточным потреблением жиров, в первую очередь — животного происхождения¹. В этой связи растет ожирение населения (за период 2005–2012 гг. на 7,5% у женщин и 13,6% у мужчин), особенно среди молодежи. В период с 1994 по 2016 г. доля детей с избыточной массой тела увеличилась с 16% в 1994 г. до 29% в 2016 г., при этом доля детей с ожирением возросла с 5% до 10% за аналогичный период (см. рис. 4).

Согласно исследованиям Всемирной организации здравоохранения, избыточный вес и ожирение является пятым ведущим риском смерти. Сегодняшняя ситуация в области пищевых продуктов значительно отличается от ситуации, с которой сталкивались предыдущие поколения. Во всем мире на большинстве рынков в настоящее время доступен широкий ассортимент пищевых продуктов и напитков, которые обеспечивают вкусовую привлекательность, удобство и новизну. В то же время, широкая доступность и активный маркетинг многих из этих продуктов и особенно продуктов, имеющих высокое содержание жиров, сахара или соли, бросают вызов усилиям придерживаться здоровой диеты и поддерживать здоровый вес.

Таким образом, увеличение числа людей, страдающих ожирением, и проведение активных маркетинговых кампаний производителей вредной для здоровья пищевой продукции снижают осведомленность населения о здоровом, рациональном питании.

На глобальном уровне складываются следующие тренды в области здорового питания. В Международном обзоре здоровья и благосостояния (принимало участие свыше 30 тыс. интернет-пользователей), подготовленном компанией Nielsen в 2015 г., утверждается, что потребительское отношение к здоровому питанию изменилось: потребители готовы платить больше за качественные продукты, которые улучшают здоровье и снижают вес. Так, около 88% всех опрошенных могут платить больше за более здоровую пищу. Отражение потребительских тенденций в области здорового питания (по данным Euromonitor International) представлено на рис. 5.

Из рисунка видно, что продажи полезных для здоровья продуктов питания неуклонно растут, однако их объем значительно меньше продаж вредных для здоровья продуктов. В 2017 г. продажи полезных для здоровья продуктов составили 757,5 млрд долл., а продажи вредных для здоровья продуктов — 2 938 млрд долл. [4]. При этом по темпам роста продажи полезных опережают продажи вредных для здоровья продуктов.

Причины роста интереса к здоровой пище, по мнению Джеймса Руссо, эксперта компании Nielsen, заключаются в том, что очень важными для людей помимо вопросов материального благосостояния остаются вопросы здоровья. Поскольку медицина становится более динамичной и дорогой, то возможность использования качественных продуктов питания для управления своим здоровьем может частично объяснить растущий интерес потребителей к свежим, естественным продуктам питания.

¹ Стратегия повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 г.

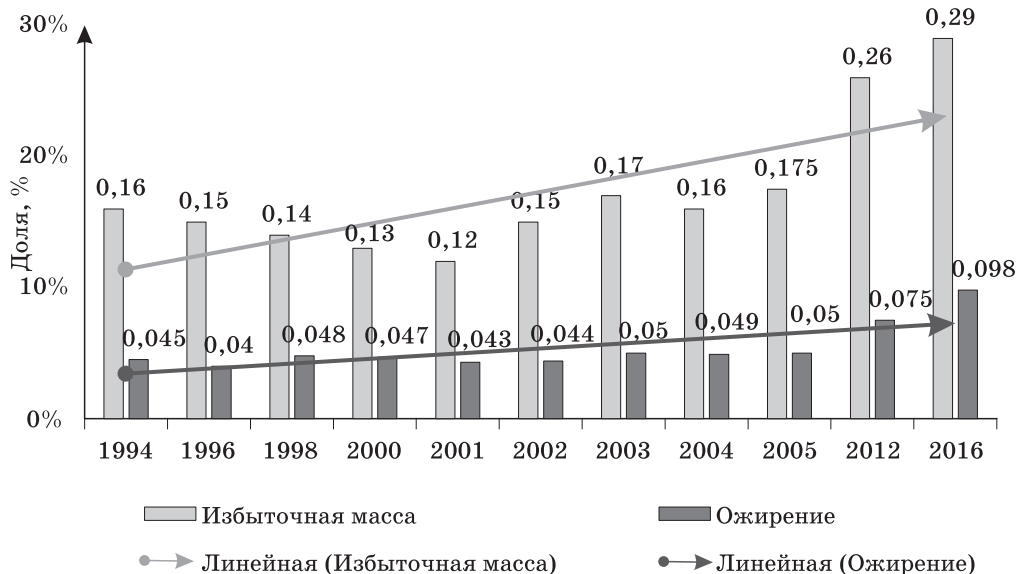

Рис. 4. Доля избыточной массы тела и ожирения среди детей 3–18 лет в Российской Федерации, %
 Fig. 4. A share of excess body weight and obesity among children of 3–18 years in the Russian Federation, %

Источник: FoodandAgriculture Organization of the United Nations. (www.fao.org)

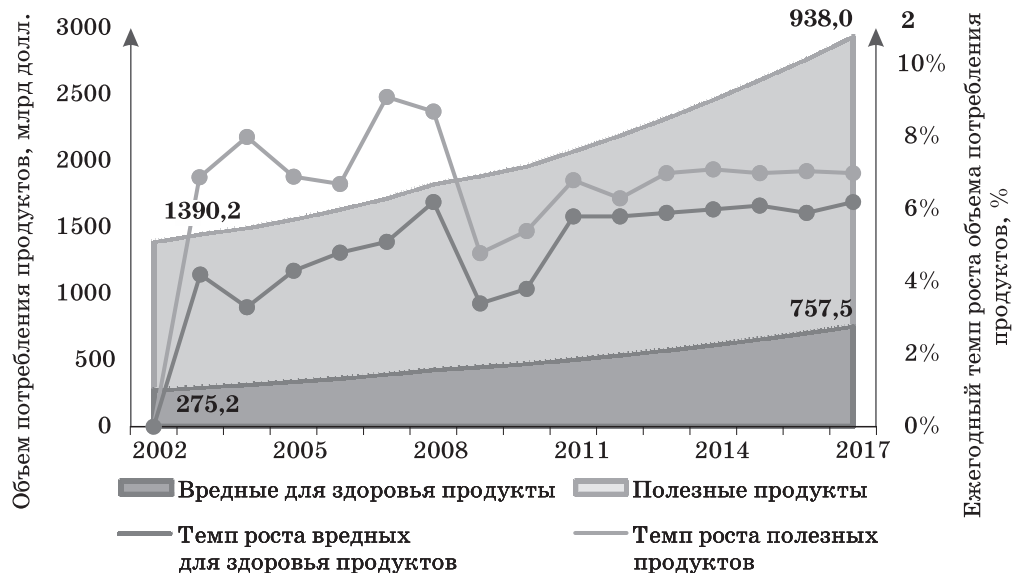

Рис. 5. Динамика потребления полезных и вредных для здоровья продуктов в мире за 2002–2017 гг., млрд долл., %
 Fig. 5. Dynamics of consumption of useful and unhealthy products in the world for 2002–2017, one billion dollars, %

Источник: Euromonitor international (www.euromonitor.com)

На национальном уровне тенденции в области осведомленности потребителей о здоровом питании вытекают из выборочного наблюдения рациона питания населения РФ в 2013 г.¹, результаты которого отражены в табл. 1.

Из табл. 1 следует, что большая часть населения Российской Федерации (52,3%) слабо представляет либо ничего не знает о рационе питания, не задумывается о полезных свойствах пищи. Причем отсутствие соответствующих знаний о здоровой еде характерно для лиц, занимающихся совершенно разными видами деятельности, например, как для предпринимателей, так и для студентов. Таким образом, улучшения качества питания и, как следствие, повышения потребления диетических продуктов можно достичь через популяризацию рациона здорового питания и информационную работу по разъяснению пользы диетических продуктов, через пропаганду здорового образа жизни и здорового питания на федеральных и региональных телеканалах, через социальную рекламу и активную воспитательную работу в школах и университетах.

На национальном уровне данному аспекту также уделено внимание, а именно разработана и утверждена Стратегия повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 г., в соответствии с которой разработаны основные направления реализации задач в области повышения качества пищевой продукции, в числе которых — продвижение принципов здорового питания среди широких слоев населения. Данное направление будет развиваться через организацию эпидемиологических исследований здоровья населения во взаимосвязи со структурой питания и качеством пищевой продукции, а также через широкое освещение мероприятий по продвижению принципов здорового питания в средствах массовой информации. Реализация Стратегии будет способствовать, в том числе, достижению массовой приверженности принципам здорового питания как одного из факторов здорового образа жизни, а также увеличению активного долголетия и ожидаемой продолжительности жизни населения и, как следствие, повышению качества жизни.

Таблица 1

Знания о рациональном режиме и суточном рационе питания (наборе продуктов и количестве калорий) в группах разного вида деятельности, %

Table 1. Knowledge of the rational mode and a daily food allowance (a set of products and the number of calories) in groups of a different kind of activity, %

Знаете ли Вы о том, каким должен быть рацион питания?	Работают по найму	Занимаются предпринимательской деятельностью	Безработные	Занимаются домашним хозяйством	На пенсии	Студенты, учащиеся	Всего
Хорошо знаю	15,0	11,3	10,5	15,1	13,8	15,0	14,4
Имею неплохое представление	35,4	31,4	24,3	38,0	29,7	33,8	33,3
Слабо представляю	30,8	35,2	32,9	28,6	31,7	29,7	31,0
Ничего не знаю	15,9	19,6	28,3	14,6	21,8	18,4	18,2
Затруднились ответить	2,9	2,6	4,0	3,8	3,0	3,2	3,1

Источник: Федеральная служба государственной статистики (<http://www.gks.ru/>)

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.

Расширить и существенно улучшить понимание существующих трендов, характеризующих заинтересованность населения в здоровом питании, а также в потреблении крольчатины, помогут данные Google, так как обладают рядом важных преимуществ. Во-первых, они позволяют исследовать поведение людей, которое гораздо более информативно, чем ответы на вопросы из социологической анкеты: анализ поисковых запросов в Интернете — это простой способ раскрыть предпочтения и приоритеты населения. Более того, с их помощью очень легко увидеть, как меняются предпочтения населения с течением времени. Во-вторых, данные Google очень своевременны, и это представляет особый интерес для органов власти, участвующих в разработке и проведении социально-экономической политики. Кроме того, они доступны на местном уровне и могут охватывать чрезвычайно широкий круг вопросов. И последнее, но не менее важное: они доступны абсолютно для всех.

На рис. 6 представлена динамика поисковых запросов «Здоровый образ жизни», «Здоровое питание», «Крольчатина», доступных из Google Trends. Стоит отметить, что исходные ряды данных были пронормированы с помощью Z-оценки, основанной на нормальном распределении со средним значением 0 и стандартным отклонением 1. Z-оценка для каждого поискового запроса нам необходима, чтобы отследить, как изменяется объем поиска именно по данному запросу, так как исходные ряды представляют популярность данного запроса среди остальных поисковых запросов и их нельзя сравнивать между собой. Кроме того, пронормированные ряды поисковых запросов были сглажены с помощью трехпериодной скользящей средней и очищены от сезонности путем введения фиктивной переменной [2].

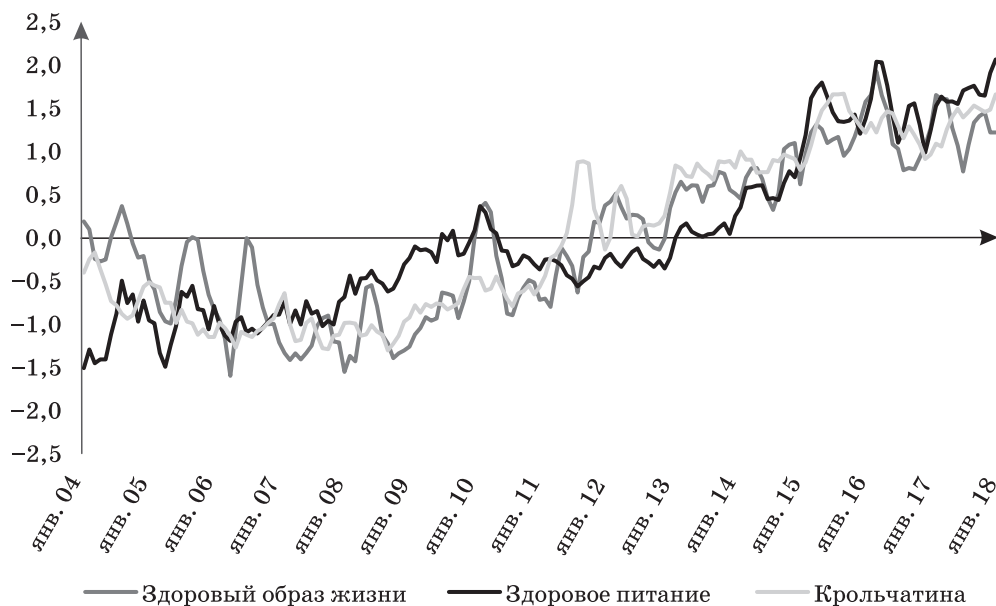

Рис. 6. Поисковые запросы «Здоровый образ жизни», «Здоровое питание», «Крольчатина» с применением Z-оценки и устранением сезонных колебаний за 2004–2017 гг.

Fig. 6. Search queries “Healthy lifestyle”, “Healthy food”, “Rabbit meat” with application of Z-assessment and elimination of seasonal fluctuations for 2004–2017.

Источник: Googletrends data (<http://www.trends.google.com/>)

Можно заметить по приведенным данным, что осведомленность населения о здоровом питании низкая, однако заинтересованность постоянно возрастает, и людей все больше волнуют темы здорового питания и образа жизни. Прослеживается восходящая динамика анализируемых поисковых запросов, свидетельствующая о росте популярности этих тем среди населения. Наибольший интерес для нас представляет практически синхронная динамика запросов «здоровый образ жизни» и «крольчатина». На взгляд автора, это говорит о том, что потребители увязывают здоровое диетическое питание с крольчатинной.

Обсуждение

Отрасль кролиководства может стать достаточно перспективной на современном этапе развития. Об этом свидетельствует проведенный анализ потребительских закономерностей и трендов, влияющих на развитие отрасли на глобальном и национальном уровнях.

В процессе исследования на глобальном уровне отмечаются следующие тренды: растущий дефицит диетической продукции, вызванный опережающим ростом численности населения и увеличением продолжительности жизни; проведение мероприятий в области повышения качества питания, что связано с увеличением численности людей с избыточной массой тела, ростом заболеваемости диабетом. Аналогичные тенденции были зафиксированы и для национального уровня. Потребительские тренды на глобальном уровне свидетельствуют о росте заинтересованности здоровым питанием и, как следствие, потребления полезных для здоровья диетических продуктов. Анализ данных Google Trends Data для России, представляющих динамику поисковых запросов за определенный промежуток времени, свидетельствует об однонаправленной положительной тенденции таких поисковых запросов, как «Здоровый образ жизни», «Здоровое питание», «Крольчатина». Потребители связывают здоровое питание с диетическими продуктами, с крольчатинной. В результате, при стратегировании отрасли кролиководства, складывающиеся тренды и закономерности развития открывают возможности для успешного развития данной отрасли.

Литература

1. *Квинт В. Л.* Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М. : Бизнес Атлас, 2012.
2. *Algan Y. et al.* Big Data Measures of Well-Being: Evidence From a Google Well-Being Index in the United States. Paris : OECD Statistics Working Papers, OECD Publishing. 2016.
3. *Bringing Agriculture to the Table.* How Agriculture and Food Can Play a Role in Preventing Chronic Disease. The Chicago Council on Global Affairs. 2011. P. 19.
4. *Francois LEBAS* Strategy of lifting up small or medium scale rabbit farming into an industrial type enterprise, with a special reference to developing countries // First Jilin Rabbit Fair and Conference on Asian Rabbit Production Development, Changchun (China), September 2009. P. 8–10.
5. *Kamel L., Lukefahr S. D.* A note on the social impact of village scale rabbit project development in rural Egypt // J. Applied Rabbit Res. 1990. T. 12. P. 259–262.
6. *Kaplan-Pasternak M., Lukefahr S. D.* WRSA project: Rabbit project development in response to the earthquake disaster in Haiti. Interim Report to the World Rabbit Science Association. Available at: <http://world-rabbit-science.com>. 2011.
7. *Kvint V.* Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications. Routledge, 2015.
8. *Long C. L.* A cooperative model for normal rabbit breeders. China Anim. Husbandry Bull. 2008. P. 52–57.
9. *Lukefahr S. D. et al.* Present status of the Heifer Project International-Cameroon rabbit program: Back to the future. 2000.
10. *Machado L. C., Ferreira W. M.* Organization and strategies of Brazilian rabbit production //

- V congresoAmericano de cunicultura, Mexico, 2014. Available at: <https://world-rabbit-science.com/Other-Proceedings/America-2014-5th-Congress/Paper-pdf/024a-Machado-English.pdf>.
11. Maslow A. A Theory of Human Motivation // Psychological Review. 1943. Vol. 50. N 4. P. 370–386.
  12. Oseni S. O., Lukefahr S. D. Rabbit production in low-input systems in Africa: situation, knowledge and perspectives — A review // World Rabbit Science. 2014. T. 22. N 2. C. 147–160.
  13. Owen E. et al. Livestock and wealth creation: improving the husbandry of animals kept by resource-poor people in developing countries. Nottingham University Press, 2005.
  14. Tao X. H. Development of chinese characteristics grain saving husbandry, the relationship with rabbit breeding industry. Chinese j. Rabbit farming. 2008. P. 3–6.
  15. Xing Z. M., Lai P. Y., Xian Z. J. Review of 30 years development of Chinese rabbit industry and a look into the future. Chinese j. Rabbit farming. 2009. P. 4–6.
  16. Yinghe Qin. Structures and Marketing Strategis of China Rabbit Farming Cooperatives // WARTAZOA. Vol. 20. N 4. Th. 2010.

Об авторе:

Шаклейн Константин Игоревич, аспирант кафедры финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); mrshaklein@gmail.com

References

1. Kvint V.L. Strategic management and economy in the global emerging market. M. : Business Atlas, 2012. (In rus)
2. Algan Y. et al. Big Data Measures of Well-Being: Evidence From a Google Well-Being Index in the United States. Paris : OECD Statistics Working Papers, OECD Publishing. 2016.
3. Bringing Agriculture to the Table. How Agriculture and Food Can Play a Role in Preventing Chronic Disease. The Chicago Council on Global Affairs. 2011. P. 19.
4. Francois LEBAS Strategy of lifting up small or medium scale rabbit farming into an industrial type enterprise, with a special reference to developing countries // First Jilin Rabbit Fair and Conference on Asian Rabbit Production Development, Changchun (China), September 2009. P. 8–10.
5. Kamel L., Lukefahr S. D. A note on the social impact of village scale rabbit project development in rural Egypt // J. Applied Rabbit Res. 1990. T. 12. P. 259–262.
6. Kaplan-Pasternak M., Lukefahr S. D. WRSA project: Rabbit project development in response to the earthquake disaster in Haiti. Interim Report to the World Rabbit Science Association. Available at: <http://world-rabbit-science.com>. 2011.
7. Kvint V. Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications. Routledge, 2015.
8. Long C. L. A cooperative model for normal rabbit breeders. China Anim. Husbandry Bull. 2008. P. 52–57.
9. Lukefahr S. D. et al. Present status of the Heifer Project International-Cameroon rabbit program: Back to the future. 2000.
10. Machado L. C., Ferreira W. M. Organization and strategies of Brazilian rabbit production // V congresoAmericano de cunicultura, Mexico, 2014. Available at: <https://world-rabbit-science.com/Other-Proceedings/America-2014-5th-Congress/Paper-pdf/024a-Machado-English.pdf>.
11. Maslow A. A Theory of Human Motivation // Psychological Review. 1943. Vol. 50. N 4. P. 370–386.
12. Oseni S. O., Lukefahr S. D. Rabbit production in low-input systems in Africa: situation, knowledge and perspectives — A review // World Rabbit Science. 2014. T. 22. N 2. C. 147–160.
13. Owen E. et al. Livestock and wealth creation: improving the husbandry of animals kept by resource-poor people in developing countries. Nottingham University Press, 2005.
14. Tao X. H. Development of chinese characteristics grain saving husbandry, the relationship with rabbit breeding industry. Chinese j. Rabbit farming. 2008. P. 3–6.
15. Xing Z. M., Lai P. Y., Xian Z. J. Review of 30 years development of Chinese rabbit industry and a look into the future. Chinese j. Rabbit farming. 2009. P. 4–6.
16. Yinghe Qin. Structures and Marketing Strategis of China Rabbit Farming Cooperatives // WARTAZOA. Vol. 20. N 4. Th. 2010.

About the author:

Konstantin I. Shaklein, Graduate student of the Chair of Financial Strategy of Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); mrshaklein@gmail.com

Дифференциация регионов России по уровню стратегических конкурентных преимуществ: методологические подходы и стратегический анализ

Мидов А. З.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Московская школа экономики; aslan-mid@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является изучение методологических и теоретических подходов и выявление причин возникновения региональной диспропорции. В ходе исследования приводится обзор литературы, анализируется степень разработанности проблемы неравномерного развития регионов. Также применяются статистические методы анализа основных показателей уровня социально-экономического развития регионов. Анализируется роль стратегических конкурентных преимуществ в развитии региона. В России наблюдается сильная экономическая и социальная дифференциация субъектов федерации, уровень развития регионов зависит от наследственности экономической конъюнктуры и конкурентных преимуществ. Проводится стратегическая классификация регионов по степени реализации конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: регион, диспропорция, экономическое развитие, конкурентное преимущество, стратегия, региональное развитие

Differentiation of Russian Regions in Terms of Strategic Competitive Advantages: Methodological Approaches and Strategic Analysis

Midov A. Z.

Moscow State University, Moscow School of Economics, Moscow, Russian Federation; aslan-mid@mail.ru

ABSTRACT

The aim of the article is to study methodological and theoretical approaches and identify the causes of the disproportion. In the course of research on the containment of literature, the degree of elaboration of problems of uneven development of regions is analyzed. Statistical methods for analyzing the main indicators of the level of social and economic development of regions are also used. The role of strategic competitive advantages in the development of the region is analyzed. In Russia there is a strong economic and social differentiation of the subjects of the federation, the level of development of the region depends on the heredity of the economic conjuncture and competitive advantages. A strategic classification of regions is carried out according to the degree of realization of competitive advantages.

Keywords: region, disproportion, economic development, competitive advantage, strategy, regional development

Введение

Национальное богатство и высокий уровень жизни населения являются первоочередными приоритетами для правительства любого государства. Сильная дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития препятствует реализации данных приоритетов. Зависимость национальной и многих региональ-

ных экономик от сырьевых ресурсов, а также неравномерное распределение факторов экономического роста и неэффективное управление развитием регионов усугубляют данную проблему. Актуальность рассматриваемой темы обуславливается отсутствием какого-либо прогресса в сокращении дисбаланса уровня социально-экономического развития субъектов РФ, а с наступлением кризисных явлений в экономике, напротив, ее усугублением.

Теоретические основы исследования

Неравномерное развитие регионов или районов — достаточно естественное явление. Каждый отдельный регион является сложной системой с набором уникальных факторов: географическое положение, климатические условия, ресурсный потенциал, численность населения и т.д. Набор данных факторов изначально создает неравную отправную точку для развития отдельных территориальных образований. В связи с этим изучение рассматриваемого вопроса встречается в ранних трудах, посвященных пространственной экономике.

Одним из первых авторов, анализировавших региональную дифференциацию, был И. фон Тюнен. В своей работе «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии» [5, с. 219] он выявил закономерности размещения производства сельского хозяйства. Основная идея теории — наличие экономически изолированного государства с центральным городом, который является единственным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции и источником снабжения промышленными товарами. Цена продукта в любой точке государства отличается от цены продукта в городе в зависимости от транспортных издержек, которые, в свою очередь, зависят от веса груза и расстояния транспортировки. Автор в своей работе исследовал, как изменилось бы сельское хозяйство при установленных предпосылках, и как влияло бы на его размещение расстояние от города. Соответственно, дифференциация территорий происходила по принципу размещения производства и районов вокруг города и в зависимости от влияния транспортных издержек на производство.

Дальнейшее представление о неравенстве регионального развития связано с работой немецкого ученого Августа Лёша «Пространственная организация хозяйства» [4, с. 664]. В данной работе автор проводит анализ различных типов регионов, выделяя так называемые рыночные зоны, которые формируются за счет сбыта продукции; и экономический ландшафт, который объединяет рыночные зоны. Одной из фундаментальных частей в работе А. Лёша являются детальные математические расчеты, которые описывают функционирование системы потребителей и производителей.

Особую значимость в изучении региональной диспропорциональности имеют исследования, посвященные теории «кумулятивного роста». Значительный вклад в разработку и развитие данной теории внесли такие ученые, как Г. Мюрдаль, Ф. Перру, Х. Ричардс, Дж. Фридман, Т. Хагерстанда, Ж.-Р. Будвиль, П. Потье. Основной идеей данных исследований является возникновение центров роста экономики и каналов распространения роста в пространстве, при этом региональная дифференциация не исчезает, территориальные образования лишь относительно сближаются по уровню социально-экономического развития. Центры роста влияют на прилежащие территории, стимулируя экономическое развитие, и формируют спрос и предложение товаров и услуг. Также базовыми идеями кумулятивных теорий являются концепции «центр-периферия» [6, с. 351] и «диффузия нововведений» [7, с. 27–42].

Из-за более высокого уровня развития инфраструктуры, концентрации значительного потребительского рынка, наличия высших учебных заведений и, следовательно, квалифицированного труда, экономический рост, как правило, концентрируется в крупных городах (точка роста). Другие территории развиваются за счет положительного

влияния крупных городов. Размещение производства происходит не в самом городе, а из-за более низких издержек на близлежащих территориях. Потребительская способность городов способствует развитию сельского хозяйства, так как происходит экономия на транспортных издержках из-за соседства с рынком сбыта продукции. Стоит упомянуть о значимости плотности населения в системе расселения, чем выше плотность населения, тем выше емкость потребительского рынка.

Анализ неравенства регионального развития и причин возникновения социально-экономической дифференциации прослеживается в исследованиях в рамках «новой экономической географии». Основоположителем идей «новой экономической географии» считается американский экономист П. Кругман. Согласно трудам этого автора, развитие территории непосредственно связано с наличием конкурентных преимуществ. Как детерминанты развития региона, он выделяет факторы «первой природы», куда входят наличие природных ресурсов и выгодное географическое положение, что дает конкурентные преимущества региону и снижает транспортные издержки, и факторы «второй природы», куда входят человеческий капитал, агломерационный эффект, институциональная среда, другими словами, факторы, связанные с государством и обществом [8, с. 483–499]. Стоит отметить, что конкурентные преимущества не могут быть вечными, к примеру, регион, обладающий богатой минерально-сырьевой базой, теряет свое преимущество при истощении ресурсов. Поэтому факторы экономического развития «первой природы» характерны для индустриальной эпохи, а преимущества «второй природы» для постиндустриальной.

Одним из ученых, внесшим значимый вклад в анализ новых взглядов на пространственное развитие, был М. Портер. В статье «Конкурентные преимущества стран» [10, с. 855] этот автор выделяет степень новаторства, как главный фактор, способствующий формированию конкурентных преимуществ. Как главные атрибуты, способствующие формированию конкурентной среды, М. Портер выделяет:

- 1) состояние факторов производства. Обеспеченность страны факторами производства, такими, как квалифицированная рабочая сила или инфраструктура, необходимая для конкурентоспособности данной отрасли экономики;
- 2) состояние спроса. Характер спроса внутреннего рынка на продукцию или услуги данной отрасли;
- 3) состояние смежных и вспомогательных отраслей. Наличие или отсутствие в стране отраслей-поставщиков и других смежных отраслей экономики, конкурентоспособных на международном уровне;
- 4) стратегия, структура и соперничество фирм. Существующие в стране условия, определяющие методы создания фирм, их организацию и управление, а также характер соперничества на внутреннем рынке.

Наличие приведенных атрибутов в стране позволяет создать конкурентную среду для предприятий. Лишь в конкурентной борьбе предприятия и организации способны к инновациям. Задачей же регионального правительства является обеспечение условий для успешной деятельности организаций и стимулирование населения к предпринимательской деятельности.

Следует отметить, что на этапе разработки стратегии развития регионов нужно учитывать и социальную ответственность перед населением. Поэтому концентрация основных усилий на стимулировании предпринимательской активности не может решить все социальные и экономические проблемы. Необходимо выявить ценности и приоритеты в регионе, на которых будут базироваться конкурентные преимущества, что позволит создать среду для успешного развития бизнеса и человеческого потенциала.

Несмотря на различные подходы к анализу регионального роста, результаты основных исследований дифференциации развития можно привести к общему знаменателю. Определяющим фактором, способствующим развитию территории, яв-

ляется наличие конкурентного преимущества, это позволяет ускорить экономический рост, привлечь инвестиции, концентрировать высококвалифицированные трудовые ресурсы. Формирование конкурентного преимущества зависит от определенной среды и условий внутри региона. В рамках своей работы «Пирамида факторов социально-экономического развития регионов» [3, с. 125] д. э. н. О. В. Кузнецова предлагает концепцию формирования иерархичной системы факторов экономического и социального развития региона по принципу пирамиды Маслоу (рис. 1).

Рис. 1. Пирамида факторов регионального развития
Fig. 1. Pyramid of regional development factors

Иерархия пирамиды построена по степени влияния на социально-экономическое развитие региона. По отдельности и в совокупности данные факторы способствуют формированию конкурентных преимуществ, но в зависимости от значимости фактора для региона эффективность использования преимуществ выше. На вершине пирамиды инновативность населения, другими словами — насколько население региона участвует в инновационной деятельности. Данный фактор способствует созданию наиболее эффективных конкурентных преимуществ для регионального развития. Тут прослеживается корреляция с исследованиями М. Портера и П. Кругмана, где инновации являются главным фактором для развития территории.

Результаты исследования

Рассматривая Россию через призму фундаментальных исследований дифференциации регионального развития, можно выделить ряд специфичных факторов в отечественной региональной картине. В первую очередь, стоит выделить колоссальный разрыв субъектов федерации по уровню социально-экономического развития. Как показано на рис. 2, более 40% российского валового регионального продукта обеспечиваются пятью самыми развитыми регионами. Как отмечалось выше, уровень развития региона непосредственно зависит от наличия определенных факторов и условий, формирующих конкурентное преимущество административно-территориального образования.

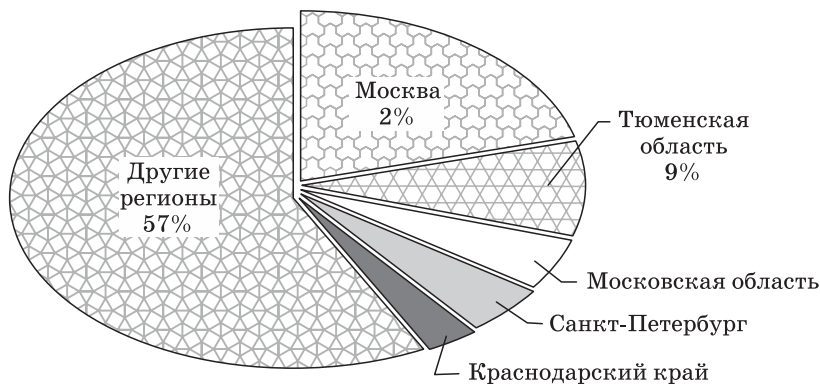

Рис. 2. Доля регионов в ВРП России за 2015 г.
Fig. 2. A share of regions in GRP of Russia for 2015

Источник: Валовой региональный продукт [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru/indicator/33379>

Формирование преимуществ у российских регионов проходило под влиянием наследия от Советского Союза. Наследственность проявляется в первую очередь в структуре экономики, таким образом, экономически развитыми регионами являются те, которые смогли реализовать конкурентные преимущества, унаследованные от СССР. Слаборазвитые регионы не смогли создать диверсифицированную экономику после перехода от административно-командной к рыночной экономике, что привело к кризисным явлениям [1, с. 160]. Регионы с традиционно слабым экономическим развитием, которые в плановой экономике формировали свою экономику только за счет предприятий, выпуск которых был обеспечен нуждами Советского Союза (чаще всего это была оборонная промышленность), а не реальным спросом рынка, в переходный период оказались ненужными.

Это привело к затяжным кризисным процессам в слаборазвитых регионах. Слабый стартовый уровень развития проявляется в низком уровне внутренних инвестиций в регионе. Доля убыточных предприятий не позволяет аккумулировать достаточные средства для реализации масштабных инвестиционных проектов. Также из-за низких денежных доходов населения, т.е. низкой платежеспособности, возникают преграды для развития малого бизнеса. Население не обладает денежными ресурсами для организации малого бизнеса. Недостаточные темпы экономического развития негативно влияют на качество профессионального образования и подготовку квалифицированных работников.

Специфичной тенденцией в изучении неравенства регионального развития можно выделить увеличение дифференциации регионов, несмотря на экономический рост страны. Данную тенденцию раскрыл в анализе дивергенции и конвергенции между странами и регионами в Европе Ф. Мартин [9, с. 83–108]. В России прослеживается такая же тенденция, экономический рост показывают те регионы, которые обладают явными конкурентными преимуществами «первой природы». Данное явление легко объяснить за счет более развитой инфраструктуры и большей емкости потребительского рынка, соответственно более низких издержек бизнеса, инвесторы предпочитают вкладывать в изначально экономически развитые регионы. Тенденция регионального развития в России такова, что развитыми регионами были и остаются группа регионов с богатой минерально-сырьевой базой и крупные столичные регионы.

Если рассматривать российские регионы по уровню дифференциации, выделяется закономерность: разрыв между верхней и нижней границей увеличился. Если в 1996 г. максимальное значение душевого ВРП было больше минимального в 10 раз, то в 2015 г. разница составляла уже 13 раз (табл. 1). Следует также отметить, что позиции регионов-лидеров и слаборазвитых регионов практически не менялись, что доказывает вышеизложенные концепции.

Таблица 1

**Дифференциации регионов России по показателю ВРП
на душу населения в 1996 и 2015 гг.**

Table 1. Level of differentiation of regions of Russia, on GRP indicator per capita
in 1996 and 2015

1996		2015	
Регионы с самым высоким показателем ВРП на душу населения			
Тюменская область	49 237,2	Сахалинская область	1 699 932,7
Чукотский автономный округ	30 606,1	Тюменская область	1 625 998,2
Республика Саха (Якутия)	27 259,7	Чукотский автономный округ	1 269 343,9
Магаданская область	26 438,6	Москва	1 103 453,3
Москва	21 687,1	Магаданская область	846 400,3
Камчатский край	20 397,7	Республика Саха (Якутия)	782 629,4
Красноярский край	17 517,4	Республика Коми	607 941,9
Республика Коми	16 999,7	Санкт-Петербург	580 562,9
Мурманская область	15 833,2	Красноярский край	565 272,3
Самарская область	15 758	Камчатский край	542 797,4
Регионы с самым низким показателем ВРП на душу населения			
Республика Алтай	6277,4	Республика Северная Осетия-Алания	181 039,9
Тамбовская область	6030,8	Республика Калмыкия	169 111,1
Карачаево-Черкесская Республика	5435,4	Ивановская область	165 496,3
Республика Адыгея (Адыгея)	5207,4	Республика Тыва	150 258,3
Кабардино-Балкарская Республика	5131,4	Кабардино-Балкарская Республика	145 555,1
Республика Тыва	5099,6	Карачаево-Черкесская Республика	143 789,5
Республика Северная Осетия-Алания	4538,4	Республика Крым	130 569,9
Республика Калмыкия	3911,5	Чеченская Республика	116 119,8
Республика Дагестан	2722,1	Республика Ингушетия	116 007,9
Республика Ингушетия	2405,1	г. Севастополь	92 899,6

Источник: Валовой региональный продукт на душу населения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru/indicator/42928>

Логически вытекающим явлением из сильной диспропорции экономического развития между регионами России является неравенство социального развития. Верхняя граница показателя среднего денежного дохода на душу населения отличается от нижней более чем в 4 раза (табл. 2). Социальное неравенство негативно влияет на возможности экономического развития региона. В первую очередь, в слаборазвитых регионах наблюдается отток трудоспособного населения, чаще всего образованного и квалифицированного.

Таблица 2

Уровень дифференциации регионов России, по показателю средних доходов на душу населения в 2016 г.

Table 2. Level of differentiation of regions of Russia, on an average income per capita indicator in 2016

№	Регион	2016	№	Регион	2016
1	Чукотский автономный округ	63 909	77	Саратовская область	19 406
2	г. Москва	59 203	78	Республика Марий Эл	18 671
3	Магаданская область	50 753	79	Республика Крым	18 071
4	Сахалинская область	49 599	80	Чувашская Республика — Чувашия	17 872
5	г. Санкт-Петербург	41 165	81	Республика Алтай	17 827
6	Тюменская область	41 094	82	Республика Мордовия	17 695
7	Камчатский край	41 054	83	Карачаево-Черкесская Республика	16 867
8	Московская область	40 509	84	Республика Ингушетия	15 000
9	Республика Саха (Якутия)	38 933	85	Республика Калмыкия	14 569
10	Хабаровский край	37 461	86	Республика Тыва	14 107

Источник: Средние душевые денежные доходы населения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Обсуждение

Главной причиной неэффективности механизма дифференцированного регионального развития является отсутствие стимула развития слаборазвитых регионов. Несмотря на экономическое или социальное состояние, каждый регион обладает стратегическими конкурентными преимуществами, и основной причиной различия экономического развития данных регионов является то, как они используют, или используют ли вообще, данные стратегические конкурентные преимущества. Развитие региона должно основываться на стратегии, которая сформирована на ценностях, принципах и приоритетах региона.

Безусловно, при наличии богатой ресурсной базы регион обладает явными конкурентными преимуществами, также развитые регионы-локомотивы по сравнению со слаборазвитыми регионами обладают явными конкурентными преимуществами. Однако это свидетельствует лишь о неэффективности реализации политики развития субъектов РФ. Так как стратегия не может опираться лишь на текущее экономическое положение региона и необходимо анализировать будущее, то наличие и степень реализации стратегических конкурентных преимуществ в регионе становится определяющим фактором для разработки стратегии развития.

В соответствии с вышесказанным можно классифицировать регионы, разделив их на несколько групп.

- Регионы с высокой степенью реализации стратегических конкурентных преимуществ.
- Регионы, реализующие явные стратегические конкурентные преимущества.
- Регионы, обладающие стратегическими конкурентными преимуществами.
- Регионы, «необладающие» стратегическими конкурентными преимуществами.

К первому типу можно отнести регионы, которые по уровню экономического развития не уступают развитым странам. Данные регионы имеют диверсифицированную структуру экономики и высокий уровень жизни населения. Достаточно высокая доля населения с высшим образованием, что обеспечивает квалифицированные трудовые ресурсы. Экономическое и социальное развитие регионов основывается на нескольких конкурентных преимуществах, что позволяет диверсифицировать риск спада экономики. К данному типу регионов можно отнести только города Москва и Санкт-Петербург. Данные города в силу унаследованных факторов и грамотного управления в переходный период смогли сформировать развитую экономическую среду и стать регионами-лидерами в стране.

Ко второму типу следует относить регионы, обладающие явными конкурентными преимуществами, а именно наличие ресурсов и экспорто-ориентированного производства, которое обеспечивает высокое экономическое развитие регионам. В данных регионах высокий уровень жизни и развитая инфраструктура. К таким регионам, прежде всего, относятся добывающие регионы, где сосредоточена основная минерально-сырьевая база страны. Наличие и использование конкурентных преимуществ связано не с эффективной стратегией развития данных регионов, а с унаследованными факторами. Главным риском для данных регионов является потеря конкурентного преимущества или истощение ресурсов. Так как экономика региона главным образом формируется благодаря добывающей промышленности и не наблюдается тенденции к диверсификации структуры экономики, потеря главного и единственно используемого конкурентного преимущества приведет к резкому упадку экономики. Поэтому для таких регионов необходимо разработать стратегию, которая обеспечит снижение зависимости от добываемого производства.

К третьему типу относятся регионы, которые обладают конкурентными преимуществами, но в силу неэффективной региональной политики и отсутствия действенной стратегии развития не используют их для экономического роста. К данному типу можно отнести все проблемные регионы, характерной чертой которых являются низкий уровень жизни и слабое экономическое развитие. В переходный период данные регионы не смогли сформировать экономику, которая позволила бы динамично развиваться. Несмотря на это большинство проблемных регионов обладают явными стратегическими конкурентными преимуществами, которые при эффективной стратегии позволяют обеспечить экономический рост.

К четвертому типу относятся регионы, которые не обладают явными конкурентными преимуществами или в результате природных катаклизмов, вооруженных конфликтов, техногенных катастроф растеряли свои конкурентные преимущества. На практике невозможно выделить отдельный регион в России, который можно было бы причислить к данной группе, но данную группу необходимо выделять из-за реальности возникновения подобных ситуаций. Примером может служить ситуация в городе Чернобыле, из-за аварии на атомной электростанции в котором в 1986 году парализован целый район на территории современной Украины. Если же в регионе есть возможность осуществлять жизнедеятельность, то отсутствие конкурентных преимуществ не может останавливать развитие региона. «Если нет конкурентных преимуществ, необходимо создать либо купить их» [2, с. 360].

Литература

1. *Зубаревич Н. В.* Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М. : НИСП, 2010.
2. *Квинт В. Л.* Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке: учебник. М. : Бизнес Атлас, 2012.
3. *Кузнецова О. В.* Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 121–131.
4. *Лёш А.* Пространственная организация хозяйства / под ред. А. Г. Гранберга ; пер. с нем. В. Н. Стрелецкого. М. : Наука, 2007. 664 с.
5. *Тюнен И. Г.* Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике : пер. с нем. Т. 1. М. : Экономическая жизнь, 1926.
6. *Friedmann J.* Urbanisation, Planning and National Development // London: Beverly Hills, 1973.
7. *Hägerstrand T.* Aspects of the Spatial Structure of Social Communication and the Diffusion of Information // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1966. Vol. 16. P. 27–42.
8. *Krugman P.* Increasing returns and economic geography // Journal of political economy. 1991. Vol. 99. P. 483–499.
9. *Martin Ph.* The Geography of Inequalities in Europe // Swedish Economic Policy Review. Vol. 12. 2005. P. 83–108
10. *Porter M.* The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction // Free Press. 1990.

Об авторе:

Мидов Аслан Замирович, аспирант кафедры финансовой стратегии Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); aslan-mid@mail.ru

References

1. Zubarevich N. V. Regions of Russia. Inequality, crisis, modernization. Moscow : NISP, 2010. (In rus)
2. Kvint V. L. Strategic management and economy in the global emerging market: training. Moscow : Business Atlas, 2012. (In rus)
3. Kuznetsova O. V. Pyramid of factors of social and economic development of regions // Issues of Economics [Voprosy ekonomiki]. 2013. N 2. P. 121–131. (In rus)
4. Lyosh A. Spatial organization of the economy / Ed. A. G. Granberg; trans. V. N. Streletsky. M. : Science, 2007. (In rus)
5. Tyunen I. G. The isolated state in its relation to agriculture and national economy: Vol. 1. M. : Economic life, 1926. (In rus)
6. Friedmann J. Urbanisation, Planning and National Development. London : Beverly Hills, 1973.
7. Hägerstrand T. Aspects of the Spatial Structure of Social Communication and the Diffusion of Information // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1966. Vol. 16. P. 27–42.
8. Krugman P. Increasing returns and economic geography // Journal of political economy. 1991. Vol. 99. P. 483–499.
9. Martin Ph. The Geography of Inequalities in Europe // Swedish Economic Policy Review. Vol. 12. 2005. P. 83–108
10. Porter M. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction // Free Press. 1990.

About the author:

Aslan Z. Midov, Graduate student of the Department of Financial Strategy of the Moscow School of Economics, Moscow State University named after M. V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation); aslan-mid@mail.ru

Локализация коммуникаций как способ обеспечения информационной безопасности

Павлов В. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; pavlov1101leti@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируется технологический аспект информационной безопасности. Отмечается уязвимость использования в качестве основного инструмента передачи данных глобальной сети интернет. В качестве альтернативы рассматривается идея использования локальных сетей передачи данных как инструмента информационной безопасности. Использование локальных коммуникационных сетей для передачи конфиденциальной информации снижает возможность несанкционированного доступа. Были рассмотрены принципы построения беспроводных сетей передачи данных, их недостатки и способы модернизации для обеспечения быстрой и надежной передачи данных.

Ключевые слова: информационная безопасность, локальная сеть, беспроводная связь, маршрутизация

Localisation of Communication Lines as the Way of Providing the Safety of Information

Pavlov V. V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; pavlov1101leti@mail.ru

ABSTRACT

The article is focused specially on the technological aspect of the safety of information. Insecurity of using the global network Internet as a main instrument for data transmission is also pointed. The idea of using the local network data transmission is taken into account as an alternative. The usage of locals networks for the transmission of non-public information excepts the possibility of an unauthorized access. The principles of construction of the data transmit local networks, its problems and the ways of its modernization for providing the fast and resilient transmission have been analyzed as well.

Keywords: The safety of information, local network, wireless communication, routing

---

Введение

Проблема информационной безопасности имеет, по меньшей мере, два аспекта, которые могут быть сведены, если использовать выражение российских исследователей Т. В. Владимировой и В. Н. Илюшенко, к «защите информации и защите от информации» [2, с. 24; 5, с. 3]. Первый аспект — преимущественно технико-технологический, где речь идет о защите конфиденциальной (скрытой) информации от несанкционированного проникновения, а также информационной инфраструктуры от деструктивного внешнего воздействия. В настоящее время в нашей стране появилось немало исследований, касающихся технологической стороны информационной безопасности, но они посвящены, главным образом, вопросам защиты информации в компьютерных системах и сетях [3, 4, 17], немало внимания уделяется и такой стороне информационной защиты, как криптография [13].

Второй аспект — социокультурный, который предполагает защиту мировоззренческих основ общества, его культуры, обычаев и традиций от чрезмерного внешнего, инокультурного влияния. Ему посвящена обширная литература, касающаяся самых разных сторон жизни общества. В частности, большое внимание информационному противоборству в мировой политике и международных отношениях уделяется в работах Ю. В. Косова [10], информационные угрозы и информационная безопасность государства в контексте международных отношений получили свою разработку в целом ряде работ В. П. Кириленко и Г. В. Алексеева [6, 7, 8]; коммуникативные аспекты военной безопасности нашли развитие в исследованиях А. А. Ковалева и Е. И. Кудайкина [9]; в исследованиях А. В. Морозова и Т. А. Поляковой [14, 15] получили отражение вопросы «организационного и правового обеспечения информационной безопасности и электронного взаимодействия в рамках единого информационного пространства Российской Федерации» [14, с. 10], правовой стороне функционирования интернета посвящена работа И. М. Рассолова [16] и т. д.

В настоящей работе мы сосредоточимся на первом аспекте, и в центре нашего внимания будут вопросы локализации систем информационного обмена как одного из способов обеспечения информационной безопасности.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы показать, с одной стороны, уязвимость использования в качестве главного инструмента информационного обмена глобальной сети интернет и — с другой — обосновать возможности, которые предоставляют локальные сети и одновременно выявить связанные с ними ограничения.

Материалы и методы

В предлагаемом исследовании автор использовал метод сравнения, с помощью которого выявлял достоинства и недостатки, а также ограничения в работе открытых и закрытых (локальных) информационных сетей. В работе показано, что самая совершенная на сегодняшний день система передачи информации — глобальная сеть интернет — не отвечает критерию безопасности передаваемой информации. Кроме того, ее применение ставит пользователя под контроль так называемой «нетократии» — «владельцев сети» или новой правящей элиты, по меткому выражению шведских исследователей А. Барда и Я. Зодерквиста [1, с. 5].

В качестве альтернативы, обеспечивающей безопасность информационного обмена, могут быть предложены локальные сети. Для их анализа автор использовал методологию теории графов, в частности, применяемые в теории графов алгоритмы поиска кратчайшего пути для обеспечения эффективности и надежности коммуникации («алгоритм Дейкстры») [20, р. 269–271]. Данная методология предполагает использование серьезного математического аппарата, однако автор решил воспользоваться рекомендацией С. Хокинга, который советовал не злоупотреблять формулами, дабы не усложнять чрезмерно текст [19, с. 5] и предпочел нематематический способ изложения материала. И все-таки одну — известную «формулу Шеннона» — для проверки выдвинутой гипотезы пришлось использовать. Авторская гипотеза состоит в том, что принятый в качестве кратчайшего (в смысле удаленности) маршрут передачи информации не всегда является оптимальным с точки зрения надежности и эффективности.

Результаты

Оптимальность работы локальной информационной сети в настоящей работе определяется не столько выбором кратчайшего расстояния между источником и адресатом информационного сообщения, сколько выбором такого маршрута, который

обеспечивает минимум потерь и искажений передаваемой информации и высокую пропускную способность канала.

Обсуждение

Развитие современных систем передачи информации значительно повлияло на коммуникацию в мире с точки зрения объема и скорости передаваемой информации. Еще в 60-е годы XX столетия известный канадский ученый — филолог, литературовед, исследователь массмедиа — М. Маклюэн отмечал, что открытие электромагнитных волн «вновь создало симультанное «поле» всех человеческих действий, благодаря чему человеческий род теперь существует в условиях «глобальной деревни» [11, с. 47], где «каждому в мире приходится теперь жить в условиях предельной близости с другими, созданной нашим электрическим вовлечением в жизнь друг друга» [12, с. 44], а человеческая жизнь «как частная, так и социальная — была выведена в поле всеобщего обозрения» [12, с. 57]. Сегодня требования к скоростям становятся все выше, а системы беспроводной связи все больше расширяют свою функциональность.

Современные стандарты передачи представляют собой системы мобильной связи четвертого поколения 4G (fourth generation). Технология 4G имеет заявленную скорость беспроводной передачи данных — 100 Мбит/с. На практике, однако, эта скорость ограничена единицами или десятками Мегабит. Тем не менее, даже такой скорости вполне достаточно для комфортного, сравнимого с проводной, пользования сетью, доступа в интернет и обмена данными. Развитие подобных технологий активно продолжается, не за горами появление новых поколений беспроводных стандартов, из чего можно сделать предположение, что данная тенденция сохранится и далее.

На фоне столь бурного процветания стандартов беспроводного соединения возникает вопрос о целесообразности построения локальных систем передачи данных. Может возникнуть вопрос: а зачем разворачивать локальную сеть, когда быструю и надежную передачу информации легко осуществить через интернет? Действительно, глобальная сеть интернет представляется идеальной коммуникационной системой с точки зрения скорости и объема передаваемых с ее помощью данных. С другой стороны, она не отвечает требованиям безопасности и защиты передаваемой информации. По аналогии с обыкновенной деревней, где «все про всех все знают», в «глобальной деревне», создаваемой всемирной паутиной, в общем доступе тоже может оказаться слишком много информации, не предназначенной для других. Это во-первых. Во-вторых, всегда следует помнить о том, кто и с какой целью создавал глобальную сеть, и в чьих руках находятся рычаги контроля над ней.

Сегодня, в условиях обострения международной обстановки и политики санкций со стороны западных стран, всерьез обсуждается гипотетическая возможность отключения России от сети интернет. Об этом, в частности, в начале марта 2018 г. в эфире телеканала НТВ говорил директор и владелец интернет-компании LiveInternet, советник Президента РФ Г. Клименко¹. Он подчеркнул, что ситуация вполне вероятная, поскольку уже есть примеры отключения Крыма от сервисов Google и Microsoft. За этим могут последовать новые шаги, и мы должны быть к ним готовы.

Следует отметить, что такого рода опасность осознавалась и ранее. Еще в 2010 г. было принято распоряжение Правительства РФ № 2299-р, утверждающее план перехода федеральных органов исполнительной власти и федеральных бюджетных

---

¹ Эксклюзивное интервью советника Президента РФ по интернету Германа Клименко. Полная версия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FzEigDn4d-U> (дата обращения: 11.03.2018).

учреждений на использование свободного программного обеспечения на 2011–2015 гг.¹ Речь шла о разработке и внедрении пакета отечественного программного обеспечения, включающего операционные системы, драйверы для оборудования и прикладное программное обеспечение для серверов и рабочих мест пользователей. В 2014 г. в Минсвязи начал разрабатываться план мероприятий на случай, если западные страны, в первую очередь США, попытаются заблокировать для России доступ к интернету, воспользовавшись тем, что большая часть компонентов сетевой инфраструктуры находится не на территории России и управляется извне.

Следующим шагом стал подписанный Президентом РФ В. В. Путиным Указ № 260 «О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации», который предполагал преобразование сегмента международной компьютерной сети интернет для федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, находящегося в ведении Федеральной службы охраны РФ, в российский государственный сегмент информационно-телекоммуникационной сети интернет, являющийся элементом российской части сети интернет. Государственный сегмент сети интернет предназначался, во-первых, для подключения к нему государственных информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей государственных органов и тех организаций, которые создавались для выполнения задач, поставленных для федеральных государственных органов; во-вторых, для размещения в сети интернет информации государственных органов и указанных выше организаций.

Указом устанавливалось, что до 31 декабря 2017 г. к государственному сегменту сети должны подключиться Администрация Президента РФ, Аппарат Правительства РФ, Следственный комитет РФ, федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ. То же самое рекомендовано сделать обеим палатам Федерального собрания РФ, органам прокуратуры, Счетной палате, а также организациям, созданным для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами. При этом подключение к государственному сегменту сети должно осуществляться по каналам передачи данных, защищенных с использованием шифровальных (криптографических) средств (защищенным каналом).

Сегодня можно констатировать, что мы располагаем техническими возможностями для перехода на российский сегмент сети интернет. Это отмечал в упомянутом выше интервью Г. Клименко, при этом он подчеркивал, что, с точки зрения программно-аппаратной, серьезных сбоев при таком переходе быть не должно — наша зависимость в плане программного обеспечения не так велика, как кажется. Больше всех могут пострадать те, кто хранит данные за рубежом. Вместе с тем, следует отметить, что идти по китайскому пути намеренной самоизоляции Россия не собирается: речь идет не об отключении страны от интернета, а о плане мероприятий на тот случай, если Запад попытается заблокировать для России доступ к сети.

Таким образом, локализация глобальной сети может стать, во-первых, следствием политики противоборства на международной арене и санкций (теперь уже информационных); во-вторых, естественной реакцией на эту политику с целью защиты своих интересов в информационной сфере и обеспечения информационной безопасности.

Требованиям безопасности больше отвечает создание многочисленных локальных сетей с закрытым доступом к глобальной сети. Передавая по локальной сети

¹ Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 17 декабря 2010 г. № 2299-р [Электронный ресурс]. URL: <http://minsvyaz.ru/common/upload/2299p.pdf> (дата обращения: 12.03.2018).

конфиденциальную информацию, доступ к которой разрешен только пользователям данной сети, мы снижаем возможность взлома, хакерских атак, несанкционированного доступа, утечки информации или намеренного ее искажения, которые хорошо известны пользователям интернета. Польза от применения подобных сетей очевидна во всех случаях, когда по тем или иным причинам информация, передаваемая между участниками сети, конфиденциальна, а обмен ею должен быть защищен.

Именно поэтому локальные сети передачи данных активно используются военными, различными ведомствами, крупными корпорациями для передачи служебной информации, применяются они также в охранных системах, системах видеонаблюдения, управлении техническими процессами на предприятиях и во многих других случаях.

В силу огромных размеров страны, значительных расстояний между объектами и труднодоступности многих территорий и объектов придется, по-видимому, создавать локальные сети на основе радиоканалов. Локальные сети передачи данных на основе радиоканалов базируются на совокупности двух групп технологий — беспроводной передачи информации и сетевого взаимодействия. Безусловно, любой радиоканал является уязвимым объектом, поэтому для защиты передаваемой информации от радиоперехвата используется, в простейшем случае, дополнительное кодирование сигнала, тогда даже в случае его обнаружения в эфире другими станциями, быстро извлечь из него информацию, не зная ключей, не удастся.

В данной работе мы не будем подробно рассматривать методы кодирования, приняв их высокий уровень защиты информации «по умолчанию». Но даже в том случае, когда передаваемая информация, в общем, не является секретной, ее точность, достоверность и своевременность могут быть социально значимыми, если речь идет, к примеру, о мониторинге и контроле энергосетей, газоснабжения, о системах предупреждения чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера и т. д. Именно поэтому нас здесь больше интересуют вопросы, связанные с проблемой своевременной, надежной и устойчивой передачи информации по локальным сетям, решение которой также является неотъемлемой частью информационной безопасности, как и национальной безопасности в целом. Своевременность, точность и полнота информации — необходимая основа принятия правильных и адекватных сложившейся ситуации решений. Точность и полнота информации не обязательно гарантируют правильность решения, но они создают потенциальную возможность для его принятия.

Разумеется, различные локальные сети имеют конструктивные отличия в зависимости от назначения, требований к защите, стоимости и сложности аппаратуры, типа передаваемых данных, требований к каналам и т. д. Однако существуют общие проблемы функционирования сетей самого разного типа, связанные с маршрутизацией. Именно на эти проблемы мы хотели бы обратить внимание.

В случае, когда связывающиеся пункты (участники сети) расположены дальше достижимой дальности радиосвязи, информационная связь с такими пунктами обеспечивается посредством ретрансляции сигналов промежуточными пунктами. То есть пункты (один или несколько), расположенные территориально между двумя удаленными, общающимися пунктами, играют роль ретрансляторов. Несмотря на то, что ретрансляция сообщений позволяет существенно расширить территорию, охватываемую сетью, здесь может возникнуть ряд трудностей, которые предстоит разрешить.

Речь идет о том, что большинство сетевых комплексов при организации маршрутов применяет фиксированную маршрутизацию. Это означает, что маршрут (т. е. совокупность пунктов-ретрансляторов), по которому проходят сообщения, отправляемые друг другу двумя «невидимыми» напрямую пунктами, назначается один раз и без возможности его изменения. Как правило, такой фиксированный маршрут передачи

сообщений является оптимальным, поскольку ретрансляторы, при нескольких возможных, безальтернативно назначаются из соображения кратчайшего расстояния между ними. Составление маршрутной карты из соображений кратчайшего пути невозможно для подвижных объектов (что естественно, ибо изменение местоположения приводит и к изменению расстояния), и может применяться только для тех объектов, расположение которых неизменно — т. е. для стационарных объектов.

Однако тут имеется серьезный недостаток, ибо мы живем не в «свободном» пространстве с постоянными и неизменными характеристиками, где ослабление энергии сигнала зависит только от расстояния, а в реальной среде, где факторами, влияющими на прием сигналов, являются шумы, помехи от внешних электронных устройств, сложный рельеф местности, специфика распространения радиоволн и т. д. Из этого следует вывод, что наименьшее расстояние еще не является гарантией лучшей и более надежной связи.

Сама же фиксированная маршрутизация также не является надежной, поскольку выход из строя одного из промежуточных пунктов, или ухудшение условий передачи сигналов на определенном участке, где расположен этот пункт, приведет к потере связи с ним самим, а также с теми пунктами, для которых он является ретранслятором. Поэтому важным этапом модернизации сетей является альтернативная маршрутизация, которая предполагает возможность использования, помимо основного маршрута передачи, некоторое количество альтернативных маршрутов, а также возможность самой сети выбирать маршрут передачи путем проверки состояния трассы, по которой распространяется сигнал.

Не требует доказательств положение, что при фиксированных параметрах технических средств именно расстояние является ключевым фактором ослабления сигнала. Однако в реальных условиях любой физический процесс всегда подвержен внешним воздействиям, контролировать которые мы зачастую не в состоянии. В результате можно сделать вывод, что наименьшее расстояние совсем не обязательно является непреложным условием эффективности работы канала.

Существуют и другие параметры (метрики), по которым происходит оценка канала — задержка, пропускная способность, вероятность ошибки. Метрики могут быть как одинарные, так и комбинированные. Задержка может сильно колебаться в зависимости от температуры в трактах передающей и принимающей аппаратуры, т. е. является непостоянным параметром. Пропускной способностью называется верхняя граница скорости передачи данных, с которой может быть задана низкая вероятность ошибки.

Пропускная способность канала связи рассчитывается по формуле Шеннона:

$$C = W \cdot \log\left(1 + \frac{P}{N}\right)$$

где C — пропускная способность, W — полоса пропускания канала, P — мощность полезного сигнала, N — мощность шума [18, с. 310].

Хотя реальная скорость передачи сигналов всегда ниже, пропускная способность является одной из наиболее важных характеристик канала связи. Именно она, в первую очередь, принимается во внимание при выборе канала, по которому будет осуществляться передача информации. Пропускную способность можно вычислить между двумя пунктами (участниками сети), однако, если маршрут пролегает через промежуточные пункты (ретрансляторы), то определение общей пропускной способности для всего маршрута крайне затруднительно, если вообще возможно. Согласно приведенной выше формуле Шеннона, пропускная способность зависит от полосы пропускания канала W , которая по умолчанию фиксирована, и отношения сигнал/шум (P/N). Но все дело в том, что природа шумов различна,

и в каждом конкретном случае их комбинация может быть уникальной, хотя наибольший вклад вносит тепловой шум приемника. Не будем забывать, что в канале связи присутствуют помехи, которые могут быть вызваны сторонними сигналами и которые тоже вносят свой вклад в шумовую составляющую.

Еще в 1948 г. в своей знаменитой статье «Математическая теория коммуникации» К. Шеннон впервые использовал понятие «бит» (bit — binary digit) для обозначения наименьшей единицы количества информации [18, с. 244; 21, р. 379]. Поскольку за единицу информации принимается бит, то простое отношение сигнал/шум по мощности для современных цифровых систем недостаточно информативно. Применяется другая мера — «сигнал/шум на бит», которая вычисляется как E_b/N_o : где E_b — отношение энергии сигнала, приходящейся на один бит передаваемых данных, к N_o — спектральной плотности мощности шума (СПМ).

Зная соотношение «сигнал/шум на бит», мы можем рассчитать вероятность битовой ошибки, т. е. вероятность того, что принятое значение не совпадает с переданным. При передаче информации вероятность ошибки указывает на частоту появления ошибок, то есть на их возможную долю от общего числа передаваемых бит, а значит, и на возможное искажение информации. Так мы приходим к главному выводу, что именно из соображений минимизации вероятности ошибки и должен выбираться оптимальный маршрут.

Заключение

Алгоритмы маршрутизации для различных сетей очень схожи между собой и используют похожий математический аппарат — это алгоритмы поиска кратчайшего пути. Приняв в качестве метрики (кратчайшего пути) вероятность ошибки, а не дистанцию между исходным пунктом и пунктом назначения, мы получим оптимальные маршруты между участниками сети, обеспечивающие минимальную вероятность ошибки. Минимальная вероятность ошибки в канале обеспечивает не только минимум искажений передаваемой информации, но и высокую пропускную способность канала.

Таким образом, оценивая характеристики сигнала и рассчитывая отношение сигнал/шум в канале, мы можем в любой момент времени определить оптимальный маршрут по критерию минимальной вероятности ошибки.

Выводы

С учетом всего сказанного выше, мы можем сделать вывод о том, что локальные сети способны обеспечить высокоскоростную, надежную, а главное, защищенную от внешнего воздействия и независимую передачу данных между объектами, удаленными на большое расстояние друг от друга. Создание надежных систем связи, соответствующих названным параметрам, является критически важным с точки зрения обеспечения не только информационной безопасности общества как таковой, но и обеспечения общественной безопасности в ситуациях, требующих быстрого и адекватного реагирования.

Литература

1. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
2. Владимирова Т. Н. Социальная природа информационной безопасности. М. : АНО Изд. Дом «Науч. Обозрение», 2014.
3. Зима В. М. Компьютерные сети и защита передаваемой информации / В. М. Зима, А. А. Молдовян, Н. А. Молдовян. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998.

4. Зима В. М. Безопасность глобальных сетевых технологий / В. М. Зима, А. А. Молдовян, Н. А. Молдовян. СПб. : БХВ-Петербург, 2003.
5. Илюшенко В. Н. Информационная безопасность общества: учеб. пособие для вузов. Томск : Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1998.
6. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Международная интеграция, демократия и информационная безопасность государства // Управленческое консультирование. 2017. № 3 (99). С. 8–15.
7. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Международное право и информационная безопасность государств: монография. СПб. : СпбГИКиТ, 2016.
8. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Проблема борьбы с экстремизмом в условиях информационной войны // Управленческое консультирование. 2017. № 4 (100). С. 14–30.
9. Ковалев А. А., Кудайкин Е. И. Информационные технологии в обеспечении военной безопасности государства // Управленческое консультирование. 2017. № 5 (101). С. 20–27.
10. Косов Ю. В., Вовенда Ю. В. Геополитические концепции информационного противоборства в российской общественной мысли // Управленческое консультирование. 2015. № 10 (82). С. 95–100.
11. Мак-Люэн Маршалл. Галактика Гутенберга: Становление человека печатной культуры. Киев : Ника-Центр, 2004.
12. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2003.
13. Молдовян Н. А. Проблематика и методы криптографии. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998.
14. Морозов А. В. Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности / А. В. Морозов, Т. А. Полякова. М. : РПА Минюста России, 2013.
15. Полякова Т. А. Информационная безопасность в условиях построения информационного общества в России: монография. М. : ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2007.
16. Рассолов И. М. Право и интернет: теоретические проблемы. 2-е изд. М. : Норма, 2009.
17. Шаньгин В. Ф. Защита информации в компьютерных системах и сетях. М. : ДМК Пресс, 2012.
18. Шеннон К. Э. Работы по теории информации и кибернетике / под. ред. Р. Л. Добрушина, О. Б. Лупанова. М. : Изд-во иностранной литературы, 1963.
19. Хокинг С. Краткая история времени: От большого взрыва до черных дыр. СПб. : Амфора, 2005.
20. Dijkstra E. W. A note on two problems in connexion with graphs // Numer. Math — Springer Science+Business Media, 1959. Vol. 1, Is. 1. P. 269–271.
21. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27. P. 379–423, 623–656.

Об авторе:

Павлов Вячеслав Владимирович, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); pavlov1101leti@mail.ru

References

1. Bard A., Zoderkvist J. Nätokraterna — boken om det elektroniska klassamhället (published in English by Reuters/Pearsall UK, 2002. as “Netocracy — The New Power Elite and Life After Capitalism”) Stockholm Text, 2000. (SPb. : Stockholm School of Economics in Saint Petersburg, 2004) (In rus)
2. Vladimirova T.V. Social origins of information security: monography. Moscow : ANO Publishing House “Scientific Review”, 2014. (In rus)
3. Zima V.M. Computer networks and security of data transmission. SPb. : The Publishing House of Saint Petersburg State University, 1998. (In rus)
4. Zima V.M. The security of global network technologies. SPбю : BHV-Petersburg, 2003. (In rus)
5. Iljushenko V.N. Information security of the society: manual for graduate students. Tomsk : Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 1998. (In rus)
6. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. International Integration, Democracy and Information Security of the State // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 3. P. 8–15. (In rus)

7. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. International Law and Information Security of the States: monography. SPb. : St.Petersburg State University of Film and Television, 2016. (In rus)
8. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. The Problem of Countering Violent Extremism in the Information War // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 4. P. 14–30. (In rus)
9. Kovalev A. A., Kudaikin E. I. Information Technologies in Military Safety of the State Ensuring // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 5. P. 20–27. (In rus)
10. Kosov Yu.V., Vovenda Yu.V. The Geopolitical Concept of Information Warfare in the Russian Social Thought // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 10. P. 95–100. (In rus)
11. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making Typographic Man. Translated from English. Kiev : Nika-Center, 2004. (In rus)
12. McLuhan G.M. Understanding Media: The Extensions of Man. Translated from English. M. : CANON-press-C, 2003. (In rus)
13. Moldavijan N.A. Problems and methods of cryptography. Saint Petersburg : The Publishing House of Saint Petersburg State University, 1998. (In rus)
14. Morozov A.V. Organizational and legal support for information security / F.V. Morozov, T.A. Poljakova. M. : RLA of the Ministry of Justice of Russia, 2013. (In rus)
15. Poljakova T.A. Information security in the context of the development information oriented society in Russia. M. : RLA of the Ministry of Justice of Russia, 2007. (In rus)
16. Rassolov I.M. The law and the Internet: theoretical problems. 2nd edition. Moscow : Norma, 2009. (In rus)
17. Shan'gin V.F. Information security in computer systems and networks. Moscow : DMK-Press, 2012. (In rus)
18. Shannon C. E. Essays on the information theory and cybernetics. Translated from English / ed. by R. L. Dobrushin, O. B. Lupanov. M. : Foreign Languages Publishing House, 1963. (In rus)
19. Hawking S.W. A Brief History of Time: From the Big Bang to Black Holes. SPb. : Amfora, 2005. (In rus)
20. Dijkstra E.W. A note on two problems in connexion with graphs // Numer. Math — Springer Science+Business Media, 1959. Vol. 1. Is. 1. P. 269–271.
21. Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27. P. 379–423, 623–656.

About the author:

Vyacheslav V. Pavlov, Graduate Student of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); pavlov-1101leti@mail.ru

**К вопросу об особенностях реорганизации
Федерального государственного унитарного
предприятия «Почта России»,
основах деятельности акционерного общества
«Почта России» и о внесении изменений
в отдельные законодательные акты
Российской Федерации**
Краткий комментарий к Федеральному закону
от 29.06.2018 № 171-ФЗ

Шульженко С. И.

**On a Question of Features of the Federal State Unitary Enterprise “Russian Post”
Reorganization, Bases of Activity of Joint Stock Company “Russian Post” and on
Introduction of Amendments in Separate Acts of the Russian Federation. The Short
Comment to the Federal Law of 29 June 2018 N 171-FZ**

Shulzhenko S. I.

Закон № 171-ФЗ «Об особенностях реорганизации федерального государственного унитарного предприятия “Почта России”, основах деятельности акционерного общества “Почта России” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 171-ФЗ) является, несомненно, вехой в развитии отечественного законодательства в области регулирования имущественных отношений в связи с преобразованием предприятия почтовой связи в акционерное общество и содержит немало новелл, краткий анализ и комментарий которых приводится ниже.

Закон № 171-ФЗ вступил в силу с 29. 06. 2018, за исключением статьи 1–3, части 1–3, 5 и 6 статьи 4, статьи 5–18, части 1–11, 25–32, 34, 35, 40, 41 статьи 19, статьи 21–27 настоящего Федерального закона, вступающих в силу с 1 октября 2018 г.

Таким образом, на сегодняшний день действуют ключевые для оформления права собственности Российской Федерации и прав ФГУП «Почта России» части 12–24, 36–39 ст. 19, ст. 20, регламентирующие особенности порядка реорганизации Предприятия при создании Общества, особенности учета объектов недвижимого имущества и оформления прав на объекты недвижимого имущества при реорганизации Предприятия.

Преобразование ФГУП «Почта России» осуществляется исключительно на основании Закона № 171-ФЗ как специального федерального закона, определяющего правовое положение акционерного общества «Почта России». Закон № 171-ФЗ представляет собой статутный акт акционерного общества «Почта России», аналогичный ранее принятым федеральным законам о государственных корпорациях Росатом, Ростех, Внешторгбанк, Роснано, АО «РЖД».

Закон № 171-ФЗ устанавливает правовой статус АО «Почта России» (основные виды деятельности, органы управления и их полномочия, особенности ликвидации) и детально регулирует имущественные отношения при преобразовании ФГУП «Почта России» в акционерное общество.

Далее будут рассмотрены основные положения Закона № 171-ФЗ.

1. Правовое положение АО «Почта России» — непубличного акционерного общества.

1.1. Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», другие федеральные законы, касающиеся деятельности Общества, распространяются на деятельность Общества в части, не противоречащей настоящему Федеральному закону (ч. 2 ст. 4).

Так, в частности,

- ◆ на создаваемые Обществом дочерние хозяйственные общества, а также на их дочерние хозяйственные общества не распространяются ограничения, установленные абзацем вторым п. 6 ст. 98 Гражданского кодекса Российской Федерации и пп. 2 и 3 ст. 10 Федерального закона «Об акционерных обществах» о запрете акционерному обществу иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица;
- ◆ положения Федерального закона «Об акционерных обществах», определяющие сроки проведения годового собрания акционеров, к Обществу не применяются (ч. 4 ст. 9).

Закупки товаров, работ и услуг для обеспечения нужд Общества осуществляются в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», за исключением случаев, если федеральным законом предусмотрено, что указанные закупки осуществляются в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Устав Общества утверждается на основании решения Правительства Российской Федерации. Внесение изменений и дополнений в устав Общества или утверждение устава Общества в новой редакции осуществляется на основании решения Правительства Российской Федерации (ч. 1 ст. 4).

1.2. Общество осуществляет следующие основные виды деятельности (ст. 5 Закона № 171-ФЗ):

- 1) оказание услуг почтовой связи, международной почтовой связи;
- 2) обеспечение доступа к государственным и муниципальным услугам в электронной форме;
- 3) оказание услуг по доставке и хранению грузов и товаров, включая доставку товаров в отдаленные и труднодоступные местности;
- 4) доставка и выдача пенсий, пособий и других выплат;
- 5) оказание услуг по распространению печатных изданий, приему (оформлению) заказов и доставке периодических печатных изданий подписчикам;
- 6) оказание транспортных и экспедиционных услуг;
- 7) информирование населения о социально значимых событиях;
- 8) осуществление рекламной деятельности, оказание услуг по размещению рекламы;
- 9) оказание финансовых услуг, в том числе при содействии банков и небанковских кредитных организаций, некредитных финансовых организаций;
- 10) реализация государственных знаков почтовой оплаты;
- 11) оказание услуг местной, междугородной и международной телефонной, факсимильной, телеграфной связи, коллективного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

- 12) инкассация денежных средств;
- 13) деятельность платежного агента, банковского платежного агента, оказание услуг по приему платы за коммунальные услуги, приему платы за товары (услуги);
- 14) иные предусмотренные законодательством Российской Федерации, уставом Общества виды деятельности.

В отделениях почтовой связи Общества, расположенных в труднодоступной местности, должна быть обеспечена возможность для организации осуществления нотариусами полномочий в соответствии с законодательством Российской Федерации о нотариате. В отделениях почтовой связи Общества может обеспечиваться оказание государственных и муниципальных услуг (ч. 8 и 9 ст. 17 Закона № 171-ФЗ). Таким образом, создаваемое акционерное общество будет являться агентом государства и муниципальных образований при оказании государственных и муниципальных услуг, реализации социальной политики государства.

Ст. 17 — Объекты почтовой связи Общества — имеет особое значение в системе Закона № 171-ФЗ, поскольку устанавливает гарантии беспрепятственного доступа населения и всех заинтересованных лиц к услугам, оказываемым Обществом, устанавливает критерии территориального распределения отделений почтовой связи в регионах, предполагает учет мнения субъектов Российской Федерации при размещении и ликвидации отделений связи.

Так, подготовка и принятие Обществом решений о создании, размещении и ликвидации отделений почтовой связи Общества на территориях субъектов Российской Федерации осуществляются с учетом предложений органов государственной власти соответствующих субъектов Российской Федерации. Ликвидация отделений почтовой связи Общества может осуществляться Обществом только на основании решения совета директоров Общества и по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере почтовой связи, с учетом предложений органов государственной власти соответствующих субъектов РФ.

Нормативы размещения отделений почтовой связи Общества и иных объектов почтовой связи Общества определяются Минсвязи в соответствии с территориальным распределением отделений почтовой связи Общества в субъектах Российской Федерации с учетом беспрепятственного доступа всех заинтересованных лиц к услугам, оказываемым Обществом.

Территориальное распределение отделений почтовой связи Общества в субъектах Российской Федерации осуществляется в соответствии с правилами, утверждаемыми Правительством Российской Федерации из учета совокупности следующих основных критериев:

- 1) количество отделений почтовой связи Общества, расположенных на территории городского поселения, должно определяться из расчета обслуживания не более пятнадцати тысяч человек населения одним отделением почтовой связи;
- 2) протяженность дорог общего пользования между отделениями почтовой связи Общества, расположенными на территории городского поселения, не должна превышать одну тысячу пятьсот метров;
- 3) протяженность дорог общего пользования между отделениями почтовой связи Общества, расположенными на территории сельского поселения, не должна превышать шесть тысяч метров.

Дополнительные критерии, включая критерии размещения отделений почтовой связи Общества в труднодоступной местности, могут быть определены правилами территориального распределения отделений почтовой связи Общества, установленными Правительством Российской Федерации.

1.3. Органами управления Общества являются единственный акционер, совет директоров, коллегиальный исполнительный орган (правление), единоличный ис-

полнительный орган (генеральный директор). Правление Общества и генеральный директор Общества подотчетны совету директоров Общества (ст. 8).

От имени Российской Федерации полномочия единственного акционера Общества осуществляет федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по управлению федеральным имуществом (Росимущество) в соответствии с порядком, установленным Правительством Российской Федерации. Решения по вопросам, относящимся к компетенции единственного акционера Общества, принимаются единственным акционером Общества в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, и оформляются письменно (ч. 1 и 3 ст. 9).

2. Имущественные отношения при преобразовании ФГУП «Почта России».

С точки зрения подготовки ФГУП «Почта России» к приватизации, ключевую роль играют положения главы 4 «Особенности ликвидации Предприятия и создания Общества» (ст. 19 «Особенности порядка реорганизации Предприятия при создании Общества», ст. 20 «Особенности учета объектов недвижимого имущества и оформления прав на объекты недвижимого имущества при реорганизации Предприятия»).

2.1. Действие Федерального закона от 21. 12. 2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» не распространяется на отношения, возникающие при отчуждении имущества, принадлежащего на праве хозяйственного ведения, постоянного (бессрочного) пользования, аренды Федеральному государственному унитарному предприятию «Почта России», при его реорганизации на основании Закона № 171-ФЗ (пп. 21 п. 2 ст. 3 Закона № 178-ФЗ, ст. 25 Закона № 171-ФЗ). Соответственно, при преобразовании ФГУП «Почта России», Указ Президента РФ от 24. 12. 1993 № 2284 «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации», устанавливающий объекты и предприятия, находящиеся в федеральной собственности, приватизация которых запрещена, применению не подлежит. Среди объектов, запрещенных к приватизации, в Указе значатся (п. 2.1.24) объекты и предприятия Федерального управления почтовой связи при Министерстве связи Российской Федерации.

Соответственно, по общему правилу, в передаточный акт преобразуемого ФГУП «Почта России» включаются, и к создаваемому акционерному обществу переходят все права и обязанности Предприятия, включая права на объекты, которые признаются ограниченными в обороте (объекты соцкультбыта, культурного наследия, гражданской обороны). Исключения из этого правила установлены в ч. 22 и ч. 41 ст. 19, которые содержат следующие категории объектов, не подлежащие приватизации в составе имущественного комплекса Предприятия:

- ♦ земельные участки, изъятые из оборота или ограниченные в обороте;
- ♦ имущество религиозного назначения: находящееся на балансе Предприятия по состоянию на 1 октября 2018 г. имущество религиозного назначения, а также имущество, соответствующее критериям, установленным частью 3 статьи 5 и (или) частью 1 статьи 12 Федерального закона от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», передается в казну Российской Федерации и не подлежит передаче Обществу в качестве вклада Российской Федерации в уставный капитал Общества.

Объекты недвижимого имущества Российской Федерации, предоставленные Предприятию на праве аренды, праве безвозмездного пользования и иных имущественных правах, подлежат включению в передаточный акт с учетом положений статьи 20 настоящего Закона № 171-ФЗ (ч. 24 ст. 19).

Общество является правопреемником Предприятия. Со дня государственной регистрации Общества в едином государственном реестре юридических лиц (да-

лее — государственная регистрация Общества) к нему в неизменном виде переходят все права и обязанности Предприятия, за исключением прав Предприятия на движимое и недвижимое имущество, находящееся в хозяйственном ведении или постоянном (бессрочном) пользовании Предприятия, а также на праве безвозмездного пользования, в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом. Со дня государственной регистрации Общества оно приобретает право собственности на указанное движимое и недвижимое имущество в порядке, установленном настоящим Федеральным законом (ч. 2 ст. 19). Уставный капитал Общества устанавливается в размере, равном сумме кадастровой стоимости земельных участков по состоянию на 1 октября 2018 г. и балансовой стоимости иных объектов недвижимого и движимого имущества, прав на результаты интеллектуальной деятельности и другие результаты научно-технической деятельности, а также приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, указанные в передаточном акте (ч. 10 ст. 19).

Датой принятия решения о реорганизации Предприятия является 1 октября 2018 г. (ч. 3 ст. 19).

2.2. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по управлению федеральным имуществом (Росимущество), уполномочивает Предприятие осуществлять права заявителя, а также представлять интересы Российской Федерации в судебных и административных органах при осуществлении государственной регистрации объектов недвижимого имущества в случаях, предусмотренных ст. 20 настоящего Федерального закона (ч. 33 ст. 19).

Согласно ч. 38 ст. 19, в случае выявления фактов неправомерного прекращения права собственности Российской Федерации на имущество Предприятие (Общество) обращается в суд с требованиями о признании оспоримой сделки с имуществом недействительной, о применении последствий недействительности ничтожной сделки, об истребовании имущества из чужого незаконного владения и осуществляет иные правомочия собственника имущества.

Аналогичная норма установлена ч. 26 ст. 20: до признания в установленном законодательством Российской Федерации порядке прав Общества на указанное в ч. 1 ст. 20 имущество Предприятие (Общество) в отношении указанного имущества осуществляет правомочия его собственника в судебных и административных органах.

Таким образом, основное бремя подготовки к приватизации Предприятия, в том числе по проведению судебно-правовой работы в отношении недвижимого имущества Предприятия, возложено Законом на само Предприятие, что легализует сложившуюся за последние годы практику, когда соответствующие действия осуществлялись Предприятием на основании общего поручения и доверенности Росимущества.

Закон устанавливает следующие правовые последствия возврата Предприятию имущества, которое находилось в пользовании Предприятия, в отношении которого в судебном порядке установлено неправомерное прекращение права собственности Российской Федерации и отсутствуют предусмотренные гражданским законодательством основания для отказа в признании права собственности Российской Федерации (ч. 39 ст. 19):

- 1) в случае, если судебное решение вступило в законную силу до государственной регистрации Общества, поступает в собственность Российской Федерации и включается в передаточный акт;
- 2) в случае, если судебное решение о признании права собственности вступило в законную силу после государственной регистрации Общества, поступает в собственность Общества.

2.3. Для целей подготовки Предприятия к приватизации и составления плана работы по каждому активу Предприятия **Закон предусматривает при инвен-**

таризации имущества Предприятия (Общества) составление перечня объектов недвижимого имущества с указанием их назначения, который включает в себя:

1) объекты недвижимого имущества, закрепленные за Предприятием на праве хозяйственного ведения и:

а) учтенные в Едином государственном реестре недвижимости в соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»). Подлежат передаче в собственность Общества, Росреестр осуществляет государственную регистрацию права собственности Общества на них.

б) не учтенные в Едином государственном реестре недвижимости в соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости»;

2) объекты недвижимого имущества, предоставленные Предприятию Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями по договорам аренды или безвозмездного пользования (при условии отсутствия вещных прав иных лиц на указанные объекты);

3) объекты недвижимого имущества, находящиеся в фактическом пользовании Предприятия;

4) земельные участки, в том числе занятые объектами недвижимого имущества, подлежащими включению в передаточный акт, с учетом положений ч. 22 ст. 19 настоящего Федерального закона. Подлежат передаче в собственность Общества, Росреестр осуществляет государственную регистрацию права собственности Общества на них.

Закон устанавливает специальный порядок и основания возникновения права собственности Общества на следующие категории объектов недвижимости:

- ◆ не учтенные в Едином государственном реестре недвижимости;
- ◆ предоставленные Предприятию Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями по договорам аренды или безвозмездного пользования (при условии отсутствия вещных прав иных лиц на указанные объекты);
- ◆ находящиеся в фактическом пользовании Предприятия.

Если на вышеуказанные объекты недвижимости, а также на занятые ими земельные участки в результате инвентаризации не установлено наличие зарегистрированных прав третьих лиц, они используются в качестве дополнительного вклада Российской Федерации в уставный капитал Общества (ч. 5 ст. 20). До 1 октября 2020 г. Предприятие проводит мероприятия по подготовке таких объектов недвижимого имущества и земельных участков к внесению в качестве дополнительного вклада Российской Федерации в уставный капитал Общества, включая мероприятия по кадастровому учету и государственной регистрации прав в отношении указанных объектов с учетом особенностей, установленных настоящей статьей (ч. 4 ст. 20).

Вместе с тем, если указанные объекты учтены в реестрах собственности субъектов РФ либо муниципальных образований за соответствующими публично-правовыми образованиями и (или) используется Предприятием по договорам аренды и безвозмездного пользования с ними имеются правовые основания для обращения Предприятия и территориальных органов Росимущества в суд с заявлениями об обязанности соответствующих публично-правовых образований передать указанное имущество в федеральную собственность. Данный вывод подтверждается ч. 6 ст. 20, согласно которой объекты недвижимого имущества, которые указаны в настоящей статье и право собственности Российской Федерации на которые будет признано на основании судебного акта после подписания передаточного акта, а также земельные участки, занятые такими объектами недвижимого имущества,

подлежат включению в качестве дополнительного вклада Российской Федерации в уставный капитал Общества.

Земельные участки и иные объекты недвижимого имущества, не включенные в передаточный акт при формировании уставного капитала Общества в соответствии со ст. 19 настоящего Федерального закона, передаются Обществу в безвозмездное пользование на период до их внесения в качестве вклада Российской Федерации в уставный капитал Общества с правом Общества на использование такого имущества, в том числе для сдачи его в аренду на период до дня оформления права. Объекты недвижимого имущества, находящиеся в пользовании Предприятия и не переданные Обществу в соответствии с настоящим Федеральным законом, поступают в собственность Российской Федерации (ч. 10 ст. 20). В этой связи п. 2 ст. 39.10. Земельного кодекса РФ дополнен подпунктом 20 о возможности предоставления земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, в безвозмездное пользование акционерному обществу «Почта России».

2.4. Новеллой российского законодательства является впервые установленный частями 11–16 ст. 20 следующий порядок оформления (признания) прав Предприятия и регистрации права собственности Российской Федерации на объекты недвижимости (кадастрового учета и государственной регистрации прав), не зарегистрированные за иными лицами, по приобретательной давности.

Его основные этапы:

- 1) получение документов кадастрового учета;
- 2) размещение в Едином федеральном реестре юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, а также на официальном сайте Предприятия (Общества) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сообщения о намерении зарегистрировать право собственности Российской Федерации на объект недвижимого имущества с приложением к сообщению документов кадастрового учета. Сообщение должно содержать сведения о типе объекта недвижимого имущества, его кадастровом (условном) номере (при наличии), реестровом номере федерального имущества (при наличии), об адресе, о площади (при наличии), координатах характерных точек границ земельного участка или контура здания, сооружения либо иного объекта недвижимого имущества (при наличии);
- 3) по истечении 120 дней со дня размещения вышеуказанного сообщения получение Предприятием выписки из Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, и **удостоверение у нотариуса факта возникновения права собственности на объект недвижимого имущества в силу приобретательной давности;**

4) утверждение Росимуществом перечня объектов недвижимого имущества для последующей государственной регистрации права собственности на них РФ;

5) регистрация права собственности Российской Федерации на основании заявления нотариуса или его работника, уполномоченного в порядке, установленном Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, или заявления Предприятия (Общества) с приложением свидетельства об удостоверении факта возникновения права собственности на объекты недвижимого имущества в силу приобретательной давности, выписки из Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, а также утвержденного Росимуществом перечня.

До 2022 г. документом, который является основанием для осуществления государственного кадастрового учета земельных участков и иных объектов недвижимо-

го имущества, указанных в настоящей статье, содержит описание таких объектов недвижимости и на основании которого сведения об объекте недвижимости указываются в техническом плане или межевом плане, является **декларация о таких объектах недвижимости**. Форма декларации об объекте недвижимости, требования к ее заполнению, состав включаемых в нее сведений устанавливаются Росреестром.

После получения документов кадастрового учета Предприятие (Общество) размещает в Едином федеральном реестре юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, а также на официальном сайте Предприятия (Общества) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» **сообщение о намерении зарегистрировать право собственности Российской Федерации на объект недвижимого имущества с приложением к сообщению документов кадастрового учета**. Указанное сообщение размещается в Едином федеральном реестре юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности без взимания платы. Указанное сообщение должно содержать сведения о типе объекта недвижимого имущества, его кадастровом (условном) номере (при наличии), реестровом номере федерального имущества (при наличии), об адресе, о площади (при наличии), координатах характерных точек границ земельного участка или контура здания, сооружения либо иного объекта недвижимого имущества (при наличии).

В течение 120 дней со дня размещения указанного сообщения любое лицо, обладающее документами, которые могут подтвердить наличие прав на указанный объект недвижимого имущества, вправе требовать признания за собой права собственности на такой объект недвижимого имущества в судебном порядке, разместив в Едином федеральном реестре юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности сообщение о намерении зарегистрировать за собой право собственности на объект недвижимого имущества, в отношении которого отсутствует запись в Едином государственном реестре недвижимости. В этом случае объект недвижимого имущества исключается из перечня имущества Предприятия.

По истечении 120 дней со дня размещения в Едином федеральном реестре юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности сообщения, и в случае отсутствия сообщений от лиц, требующих признания права собственности на такой объект недвижимого имущества, **подтверждаемого выпиской из Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, Предприятие (Общество) удостоверяет у нотариуса факт возникновения права собственности на объект недвижимого имущества в силу приобретательной давности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о нотариате**.

При реорганизации Предприятия нотариально удостоверенный факт возникновения права собственности на объект недвижимого имущества в силу приобретательной давности является основанием для регистрации права собственности на объект недвижимого имущества в Едином государственном реестре недвижимости.

По результатам вышеуказанных мероприятий Росимущество утверждает перечень объектов недвижимого имущества для последующей государственной регистрации права собственности на них Российской Федерации.

Регистрация права собственности Российской Федерации на объекты недвижимого имущества осуществляется на основании заявления нотариуса или его работника, уполномоченного в порядке, установленном Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, или заявления Предприятия (Общества) с прило-

жением свидетельства об удостоверении факта возникновения права собственности на объекты недвижимого имущества в силу приобретательной давности, выписки из Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, а также утвержденного Росимуществом перечня.

Лицо, считающее, что в результате государственной регистрации права собственности Российской Федерации или Общества на объекты недвижимого имущества, осуществленной в порядке, установленном настоящей статьей, нарушены права указанного лица, может обратиться с требованием об оспаривании права собственности Российской Федерации или Общества на объекты недвижимого имущества в срок, не превышающий трех лет со дня государственной регистрации такого права.

В связи с вышеуказанным порядком оформления права собственности Российской Федерации Законом № 173-ФЗ внесены соответствующие изменения в следующие федеральные законы: Земельный кодекс Российской Федерации, основы законодательства Российской Федерации о нотариате, о государственной регистрации недвижимости, о приватизации государственного и муниципального имущества, о почтовой связи, об организации предоставления государственных и муниципальных услуг.

2.5. Для организации процесса оформления прав Предприятия, Общества и Российской Федерации на недвижимое имущество в полном объеме части 23–25 ст. 20 предусматривают возможность создания по решению Правительства Российской Федерации комитета по управлению имуществом, который действует в период реорганизации Предприятия и в который входят: генеральный директор Предприятия по должности, иные работники Предприятия, представители Росимущества, Минсвязи, Росреестра, представители иных федеральных органов исполнительной власти, независимые эксперты, а также иные лица. Положение о комитете по управлению имуществом и его персональный состав утверждаются Минсвязи.

2.6. Ч. 30 ст. 20 предусмотрено привлечение Предприятием определенной Правительством Российской Федерации без проведения конкурсных процедур специализированной организации для реализации полномочий, предусмотренных настоящим Федеральным законом, а также в целях проведения мероприятий, связанных с реорганизацией Предприятия, выявления имущества, его учета и подготовки к внесению в качестве вклада Российской Федерации в уставный капитал Общества.

2.7. Ч. 28. ст. 20 регламентирует порядок отчуждения непрофильных активов Общества — объектов недвижимого имущества, не соответствующих целям деятельности Общества — которые Общество реализует в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Цена таких объектов недвижимого имущества определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации об оценочной деятельности. Решение о совершении сделки в отношении таких объектов недвижимого имущества принимается советом директоров Общества, если сделка не отвечает критериям крупной сделки, установленным пп. а) пункта 9 ч. 2 ст. 9 Закона № 171-ФЗ.

Шульженко Станислав Игоревич,

заместитель руководителя Межрегионального территориального управления Росимущества в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области;
S.Shulzhenko@rosim.ru

Stanislav I. Shulzhenko,

deputy head of Interregional Territorial Department of the Federal Agency for State Property Management in St. Petersburg and the Leningrad Region;
S.Shulzhenko@rosim.ru

«Ku zrodlom teorii strategii» [К истокам теории стратегии]

Рецензия на монографию научного руководителя факультета
Экономики и финансов Северо-Западного института
управления РАНХиГС при Президенте РФ,
доктора экономических наук, профессора,
иностранного члена РАН Владимира Квинта.

Vladimir Kvint. Ku zrodlom teorii strategii. 200-lecie wydania pracy teoretycznej generała Jominiego [К истокам теории стратегии. 200-летие издания теоретической работы генерала Жомини]. — Люблин, Польша: TEKST, 2018.

Выход в свет новой хорошей книги это всегда событие! В прошлом году издательство Северо-Западного института управления Президентской академии опубликовало с комментариями академика Квинта утерянную в течение двух веков книгу советника пяти императоров, барона и полного генерала Российской империи Генриха Жомини «Общие правила военного искусства». Книга была обнаружена и возвращена читателям благодаря усилиям Владимира Квинта.

Более трех тысяч лет государственные деятели и полководцы использовали в своих важных решениях идеи стратегического характера, не владея при этом правилами стратегической науки. Термин «стратегия» стал обретать свои смысловые очертания лишь в начале XIX века. В XX веке стратегическая мысль стала использоваться в бизнесе, формироваться как новое направление исследований, стратегированию стали обучать.

В России зарождение стратегической мысли тесно связано с уникальной личностью генерала Генриха Жомини, советника пяти императоров Франции и России. Его работа «Общие правила военного искусства» стала первым источником универсальных стратегических правил.

Vladimir Kvint

KU ŹRÓDŁOM TEORII STRATEGII

200-lecie wydania
pracy teoretycznej
generała Jominiego

Lublin
2018

Уникальная книга, обосновывающая теорию стратегии, была начата Жомини во время его пребывания в Польше — в Познани в 1806 г., а в окончательном виде и дополненной редакции в переводе на русский язык с французского издана в Петербурге, в 1817 г., и на ее второй странице указано: «Печатано по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению». И это неслучайно: в несколь-

ких источниках указывается факт, что в том же 1817 г. генерал Жomini читал рукопись этой книги императору Александру «до глубокой ночи». В.Л. Квинт уверен, что непосредственным моментом появления стратегии как теории является создание книги, опубликованной 200 лет назад в Санкт-Петербурге.

Публикация Генриха Жomini оставалась практически забытой и не переиздавалась вплоть до 2017 г., когда в Северо-Западном институте управления РАНХиГС при Президенте РФ была издана работа В. Л. Квинта «К истокам теории стратегии». В этой работе Владимир Львович написал постраничные комментарии к замечательной книге Жomini для того, чтобы облегчить широкому кругу читателей понимание практической значимости рекомендаций и опыта генерала для использования в современной практике стратегирования.

И вот спустя год книга была переведена на польский язык и издана в городе Люблине издательством TEKST (Польша). Как и в русскоязычной книге, основу польского издания составляют оригинальная работа генерала Жomini и актуальные комментарии известного во многих странах мира теоретика и практика стратегирования Владимира Львовича Квинта — не только работника, но и хронологически первого почетного доктора нашего института.

Большой вклад в подготовку книги к печати внесли ее переводчик и автор предисловия к польскому изданию историк и дипломат доктор Владыслав Соколовский, а также Роман Генкин, который с самого начала поддерживал издание книги.

Поздравляю всех польскоязычных читателей с этой замечательной книгой, по сути, являющейся делом двух стратегов!

Директор Северо-Западного института управления Президентской академии,
доктор экономических наук,
государственный советник Российской Федерации 1 класса,
генерал-полковник таможенной службы
В. А. Шамахов

Ku zrodlom teorii strategii **[On the Origins of Strategic Theory]**

Review of the monograph by Vladimir Kvint.

Dr. Vladimir L. Kvint is the Research Supervisor at the Faculty of Economics and Finance at the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. He is a Dr. of economics, professor, and foreign member of RAS

Vladimir Kvint. "Ku zrodlom teorii strategii. 200-lecie wydania pracy teoretycznej generacha Jominiego" ["On the Origins of Strategic Theory. Understanding the Prescient Wisdom of General Jomini, 200 Years Later"]. — Lublin, Poland: TEKST, 2018.

The release of a book which furthers the development of humanity is always an event!

Last year the publishing center of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy published this unique book with comments from academician Dr. Vladimir L. Kvint. "The Art of War", written by the adviser to five emperors, the Baron and Full General of the Russian Empire Antoine-Henri Jomini, was lost for two centuries. Thanks to Dr. Vladimir Kvint's efforts, the book has been found and returned to readers.

For more than three thousand years political leaders and commanders used the ideas of strategic nature in their important decisions, all the while not having the rules of strategic science. The term "strategy" began to find its semantic outlines only at the beginning of the 19th century. In the 20th century strategic thought began to be used in business, creating a new direction in research and pedagogy.

In Russia, the origin of a strategic thought is closely connected with the unique identity of General Henri Jomini, the adviser to five emperors of France and Russia. His work "The Art of War" became the first source of universal strategic rules.

Jomini began writing his unique book proving the theory of strategy during his stay in Poland — in Poznan in 1806. In 1807, a final complemented edition was translated from French into Russian and published in St. Petersburg. On its second page it is specified: "Printed by Imperial Order". Moreover, this is not accidental; it is specified in several sources that in 1817 General Jomini read the manuscript of his book to the emperor Alexander "far into the night". Kvint is sure that this very moment 200 years ago in St. Petersburg when the book was published, gave rise to the emergence of strategy as a theory.

Henri Jomini's publication remained almost forgotten and was not re-published until 2017 when the North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration published Dr. Kvint's work "On the Origins of Strategic Theory". In this work, Vladimir has written paginal commentaries to this remarkable book by Jomini to facilitate understanding of the practical implications of the General's recommendations and experience for use in the modern practice of a strategizing for a wide range of readers.

A year after its initial Russian publication, Lublin publishing house TEKST (Poland), released the Polish translation of Vladimir Kvint's book. As in the Russian edition of the book, the Polish edition contains General Jomini's original work along with com-

mentary from world renown theorist and practitioner of strategy, Dr. Vladimir Kvint. He is not only a scholar, but also chronologically the first Honorable Doctor of our Institute.

A large contribution to the preparation of this book was made by its translator, and the author of the preface to the Polish edition, historian and diplomat Dr. Vladyslav Sokolovsky, as well as Roman Genkin, who supported the publication of the book from the very beginning.

I congratulate all polish readers on this remarkable book, which is in fact, the work of two strategists!

*Director of the North-Western Institute of Management
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
1st Class Actual State Councilor of the Russian Federation
Colonel-General of Customs Service
Dr. of Economics*
Vladimir A. Shamakhov

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указываются город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому

исследованию, то раздел *Methods* (Методы) заменяется на *Theoretical Basis* (Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названии статьи.

Введение (Introduction)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (Materials and Methods)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты Results (Результаты)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Discussion (Обсуждение)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения, которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Ссылки (список литературы)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещённый в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А.В. Виленский называет его «своего рода “золотым легионом” постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

- Филиппов Г.Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ **статьи в научных сборниках:**

- Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ **публикации в многотомных изданиях:**

- Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.
Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ **статьи в научных журналах:**

1. Кириленко В.П., Дронов Р.В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В.А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ **статьи в газетах:**

- Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ **правовые акты:**

- О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

- О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2000. № 4. С. 5–9.

♦ **архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):**

- Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

- Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. Манойло А.В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2018. № 7(115)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.07.2018.
Подписано к печати 15.07.2018.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,112. Тираж 200 экз.
Заказ № 7/18.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97